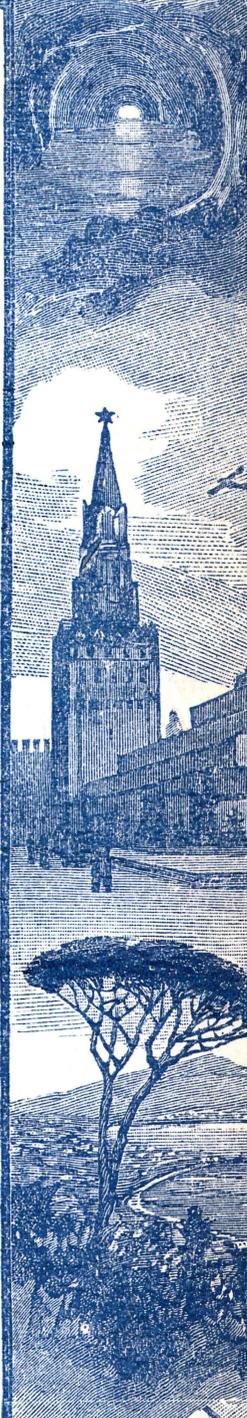

1947

ВОКРУГ

СВЕТА

№ 6
И Ю Н Ь

О чем рассказывает КАРТА?

СОВЕТСКИЕ МОРЯКИ В АНТАРТИКЕ

Советская китобойная флотилия во главе с пароходом «Слава» закончила промысел в Южном Полярном море. Директор флотилии — известный мореплаватель Владимир Иванович Воронин. В середине апреля в Антарктике разыгрался сильный шторм. При температуре минус 20 градусов и штормовой погоде советские моряки продолжали промысел. У Фалклендских островов произошла встреча флотилии с теплоходом «Кремль», доставившим топливо, продовольствие и другие грузы. После этого советские суда направились через Атлантический океан к родным берегам. Советские китобои добыли около 500 китов.

ДЕРЕВО БУДУЩЕГО

За время войны в юго-западных районах страны, подвергшихся оккупации, сильно пострадали леса, увеличилось пространства, вовсе лишенные древесных насаждений. Экспедиция Института леса Академии наук изучала лиственничные леса средней Якутии. Эта ценная порода, разнообразная по формам и способная к ускоренному размножению, будет использована для заселения значительных пространств в безлесных ныне районах. Лиственницу с полным правом можно назвать деревом будущего.

РАСТЕНИЯ ЮГА ДЛЯ МОСКВЫ

На склонах гор неподалеку от Батуми расположен питомник, где собирают и размножают экзотические растения юга, чтобы потом перевезти их в Москву и украсить дворцы, парки и другие учреждения столицы. Пирамидальные кроны калифорнийских кипарисов можно здесь видеть рядом с новозеландской драценой; малоазиатский инжир растет неподалеку от японской мушмулы. Батумский «питомник зеленых сокровищ» ведет работу по интродукции многих редких и полезных растений.

НАД ПАТОМСКИМ НАГОРЬЕМ

Аэровулканологическая экспедиция Академии наук СССР произвела съемку Патомского нагорья, находящегося на территории Якутской АССР. Патомское нагорье — самая древняя и устойчивая континентальная масса нашей планеты. За всю известную геологическую историю Земли она вела себя как жесткая, несминаемая глыба. Советские геологи разрешили задачу, давно занимавшую ученых, — было или не было здесь оледенение. На фотоснимках, сделанных с самолета, ясно различимы громадные цирки, служившие когда-то вместилищем ледников. Таким путем была доказана справедливость точки зрения, давно уже защищавшейся старейшим нашим ученым, Героем Социалистического Труда академиком В. А. Обручевым.

1947

ВОКРУГ СВЕТА

№ 6
И ю н ь

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Г Е О Г Р А Ф И Ч Е С К И Й
Н А У Ч Н О - П О П У Л Я Р Н Ы Й
И Л И Т Е Р А Т У Р Н О -
Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й
Ж У Р Н А Л Ц К В Л К О М

Журнал основан в 1861 году

Грузия. В ущелье Куры за Хертвиси. Скала над рекой, увенчанная руинами замка Тмогви.

СТАРАЯ И НОВАЯ МОСКВА

ЛЕВ НИКУЛИН

Рис. В. Федяевской

„Заштатная столица“

В 1713 году Москва перестала быть столицей русского государства. В «первопрестольной столице» венчаются на царство русские монархи и монархини, но все высшие государственные учреждения находятся в Петербурге. Там двор, гвардия, служилая знать.

Крестьяне, «черный люд» отдан в полную собственность фаворитам императриц и императоров. Десятки тысяч крестьян раздают своим любимцам Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и Екатерина. Крепостные крестьяне становятся, по выражению Герцена, «крещеной собственностью» помещиков.

И в эти же годы русский народ, именно народ, простолюдины, выдвигает из своей среды замечательного самородка, гениального ученого, одного из первых русских поэтов, Михаила Ломоносова.

Сын рыбака-помора, Ломоносов приходит пешком в Москву в поисках знания. Человеку из низов, крестьянину прегражден путь к науке, но страстная жажда знаний преодолевает все преграды. Ломоносов учится в Славяно-греко-латинской академии, основанной при патриархе Иоакиме.

«Имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь в день больше, как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды».

В написанном двести лет назад, в 1747 году, стихотворении Ломоносов оставляет великий завет юношеству. Он призывает русских юношей доказать, что

*...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать...*

Ломоносов основывает в 1755 году в Москве первый русский университет. Великий русский поэт Пушкин называл Ломоносова «нашим университетом», — так разнообразна, глубока и плодотворна была деятельность гениального русского ученого.

Московский университет в первые годы своего существования имел не более сотни студентов. «Учились мы весьма беспорядочно», пишет один из первых воспитанников университета, автор комедии «Недоросль», Фонвизин. Впоследствии Московский университет прославили его замечательные воспитанники: Новиков, Карамзин, Грибоедов, Лермонтов, Белинский, Герцен, Огарев...

До 1785 года университет помещался в здании, которое находилось на Красной площади, на месте нынешнего Исторического музея. С 1786 по 1893 год университет находится в великолепном здании, построенном знаменитым русским зодчим Казаковым. После пожара 1812 года его перестроил Жилярди.

Перестав быть столицей России, Москва превратилась в «заштатную столицу» подмосковного дворянства, в «большую деревню», как ее справедливо называли в

М. В. Ломоносов.

те времена. Москва оживляется только в дни коронационных торжеств, когда сюда прибывает императрица, двор, гвардия.

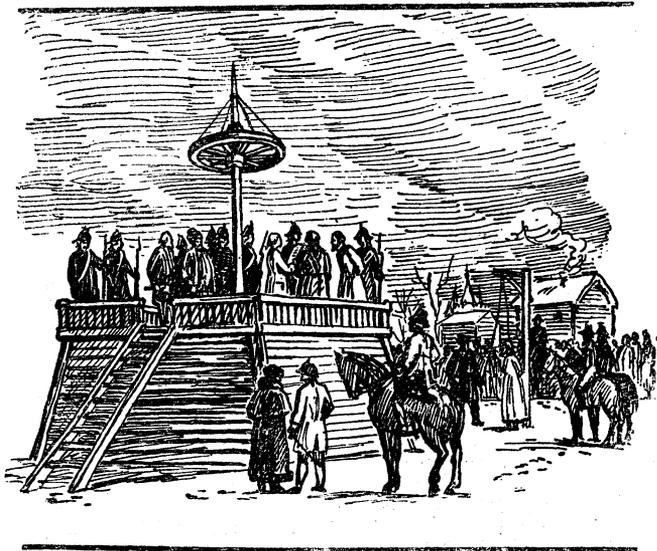
В 1713 году Петр I увез всех «мастеров каменного дела» в Петербург. В Москве было запрещено строить и ремонтировать каменные здания. Только в 1728 году сняли этот запрет.

Но и в «заштатной столице» русские зодчие создают замечательные, сохранившиеся до сих пор сооружения. В Москве работают Василий Иванович Баженов и Матвей Федорович Казаков.

Судьба Баженова удивительно напоминает трагическую судьбу Федора Савельева, «городовых дел мастера».

В сотрудничестве с Казаковым Баженов строит дом Пашкова (старое здание библиотеки имени Ленина). Это величественное и прекрасное здание существует и в наши дни. Но, к сожалению, это почти единственное, что удалось осуществить Баженову. Большой дворец в Кремле не был построен, до нас дошла только модель дворца, задуманного гениальным русским архитектором.

Дворец в Царицыне не был достроен по капризу Екатерины, и до сих пор руины его удивляют своим величием наших современников.

Казнь Пугачева.

Более счастливой была судьба зодчего Казакова. Здание Сената в Кремле, «Путейный Петровский дворец» (теперь академия имени Жуковского), Вторая градская больница, бывший дворец Розумовского, университет украсили и поныне украшают Москву.

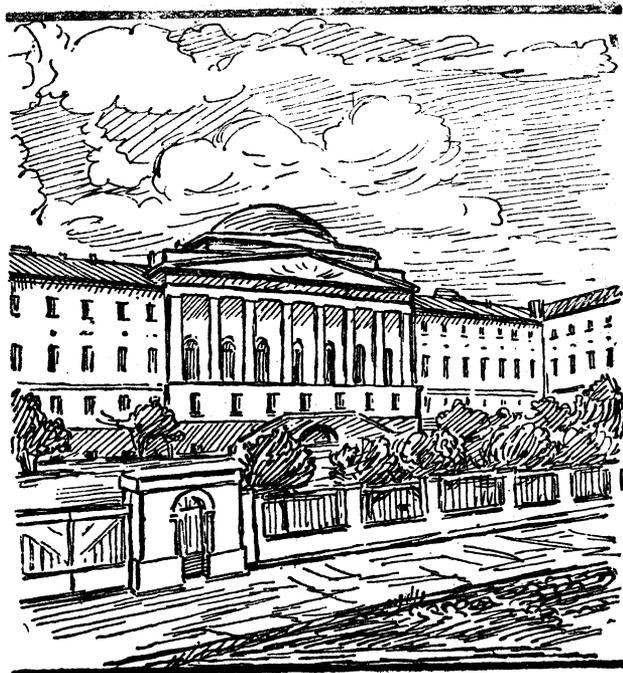
Екатерина не любила Москву. В своих «Записках» императрица так судит о московском обществе:

«...сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку, страстно любит рассказы о возмущениях и питает ими свой ум...»

В Москве помнили Степана Разина; в 1775 году на Болотной площади казнили Емельяна Пугачева; пугачевское восстание потрясло основы дворянского, помещичьего строя.

Екатерину тревожили и рабочие «Московской мануфактуры» — выборные от рабочих, жаловавшиеся на каторжные порядки в «мануфактурах».

«...Фабрики огромной величины, которые имели безрассудство гам устроить и в которых чрезмерное количество рабочих... увеличивают смуты, которым во вся-

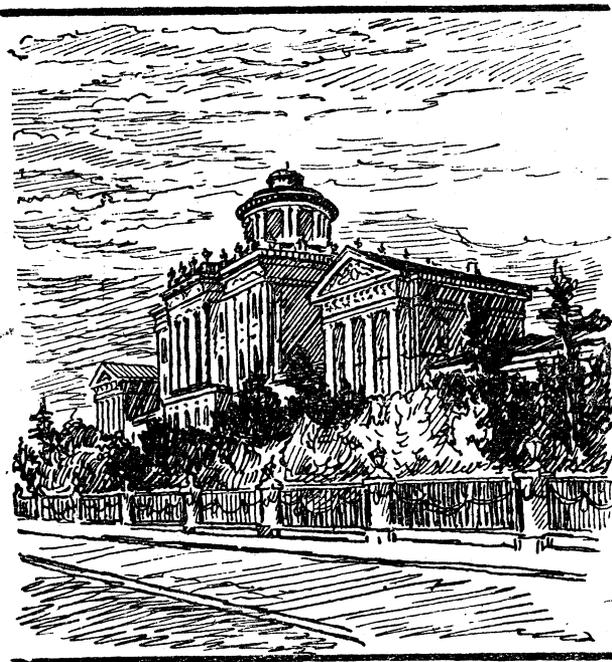
Московский университет.

кое время подвергался этот город», пишет Екатерина.

Андрей Болотов, москвич, дворянин, современник Екатерины, пишет в своих мемуарах:

«Мысли о Пугачеве не выходили у нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь и особенно все холопство и наши слуги, когда не въявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы...»

Москва и москвичи доставляли много забот Екатерине, особенно передовые люди из дворянского сословия. Николай Иванович Новиков и Александр Радищев,

«Пашков дом».

автор «Путешествия из Петербурга в Москву», разгневали Екатерину «вольнодумством».

«По милости государыни» отсечение головы было заменено Радищеву ссылкой в Сибирь. Этот жестокий приговор поверг в смущение даже такого знатного вельможу, как Александр Воронцов. В письме к брату он высказал мысль о том, что если за книгу ссылают в Сибирь «и это хуже смерти», то что же сделают за «действительное возмущение»? Сатирические журналы, издаваемые Новиковым в Петербурге, — «Грутень», «Живописец», «Кошелек» — закрывают. Новиков переселяется в Москву, издает в университетской типографии книги, буквари, словари, научные труды, открывает в Москве общественную библиотеку и книжные лавки. Революция во Франции приводит Екатерину в ужас; в 1792 году Новиков и его друзья подвергаются строжайшим карам. В Рязанском подворье, в подвалах тайной канцелярии Новикова пытаются и затем отправляют в заключение, в Шлиссельбургскую крепость. Так расправлялась Екатерина с благороднейшими просветителями России.

Иной была судьба одного из друзей Новикова — Николая Карамзина. Правда, созданный им «Московский журнал» закрыт, но в этом журнале уже напечатаны первые русские повести — «Наталья, дочь боярская», «Бедная Лиза».

Читатели «Бедной Лизы» с душевным волнением посещали пруд, в котором утопилась Лиза, — там, где сейчас станция Московской окружной дороги «Лизин», близ станции метро «Автозавод имени Сталина».

Карамзин пишет «Историю государства Российского», и впервые читатели того времени узнают из написанных живым слогом страниц труда Карамзина историю России, историю Москвы. Карамзин, по выражению Пушкина, обратил русский язык к «живым источникам народного слова».

Царствование Екатерины изменяет облик и Кремля и Москвы. В Кремле сломаны Гербовая башня над Колымажными воротами, круглая башня в нижнем саду и третья башня в Конюшенном дворе.

В 1786 году разрушена построенная Савельевым стена и ворота Белого города. Река Неглинная по-прежнему протекает перед Воскресенскими воротами, под арками Воскресенского моста. Под деревянным навесом близ Спасских ворот стоят пушки, позади навеса — кофейня, так называемый Кофейный дом. На Красной площади и в Китай-городе по-прежнему место самого бойкого торга.

На Театральной площади выстроен каменный Петровский театр, театр англичанина Медокса, хотя сама площадь представляет еще пустырь, по которому течет Неглинная.

Против воли Екатерины Москва постепенно становилась центром русской культуры. Здесь был основанный Ломоносовым университет. Здесь была знаменитая библиотека Бутурлина, к сожалению, погибшая во время пожара в 1812 году.

Алексей Розумовский основал Ботанический сад. Шереметьев создал театр из крепостных актеров.

Эти «полубарские затеи» знакомили крепостных людей — актеров — с произведениями Княжнина, Фонвизина, Мольера, музыкой Бортнянского...

Дом Пашкова, построенный Баженовым, восхищал своим садом, прудами, черными австралийскими лебедями, павлинами и музыкой, игравшей по вечерам для развлечения прохожих...

Вблизи Тверской улицы, на месте, где была стена Белого города, разбит знаменитый Тверской бульвар — место прогулок московских щеголей и щеголих.

Европа потрясена победами Наполеона.

Уверенный в превосходстве своих вооруженных сил, упоенный славой «непобедимого полководца», Наполеон вторгся в пределы России.

Бородинское сражение отрезвило Наполеона. Он признал это сражение самым ужасным из всех пережитых им.

Пожар Москвы.

Великие русские писатели: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов.

В Москве надеялись на спасение столицы от вражеского нашествия. Народ был готов подняться на защиту столицы. Но мудрый, прозорливый стратег и любимый народом полководец Кутузов произнес в эти решающие для государства минуты слова: «Приказываю отступить». Москвичи покидали столицу, город опустел. А французы, ослепленные и завороженные близостью древнего города, рвались к Москве. «Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов. Группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники... Отовсюду слышишь: «Наконец-то! Наконец-то Москва!» писал лейтенант итальянской службы Цезарь Ложье.

Почти так же восторженно настроен был адъютант Наполеона, граф де Сегюр:

«Достаточно было одного солнечного луча, чтобы этот великолепный город засверкал самыми разнообразными красками. При виде его путешественник останавливался, пораженный и восхищенный».

Но скоро упоение мнимой победой сменилось другим чувством — страхом. «Над нашими головами, под ногами, всюду, кругом ужасно ревущее пламя», вспоминал чудом спасшийся очевидец. Вот что рассказывал о пожаре Москвы сам Наполеон на острове святой Елены:

«Это было огненное море, небо и тучи казались пылающими; горы крутящегося пламени, как огромные морские волны, вдруг вскидывались, поднимались к пылающему небу и падали затем в огненный океан. О! Это было самое величественное и устрашающее зрелище, когда-либо виденное человечеством!»

Так горела Москва, подожженная патриотами. Этим патриотов не испугали ни виселицы, расставленные французами на Тверском бульваре, ни расстрелы.

Жертва, принесенная Россией, сожженная Москва, спасла отечество. Тот же граф де Сегюр писал после пожара: «Мы были господами Москвы, а между тем нам приходилось

уходить из нее без всяких жизненных припасов и располагаться лагерем у ее ворот...»

*Вот окружен своей дубравой
Петровский замок. Мрачно он
Недавно гордится славой!
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной...
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою!*

Не только Пушкин, национальный русский поэт, но и Байрон в поэме «Бронзовый век» воспел величие этой жертвы — пожар Москвы.

Вид Москвы после пожара потрясал москвичей: потрадал и Кремль: Боровицкая и Водовзводная башни были взорваны «до подошвы», как писали мемуаристы.

Москва лежала в развалинах. Из 2567 каменных домов сгорело 2041. Но в 1817 году в Москве уже было около десяти тысяч каменных и деревянных домов. «По моему суждению пожар способствовал ей много к украшению», философствует полковник Скалозуб в «Горе от ума».

Нельзя себе представить Москву после пожара 1812 года, не перечитав бессмертную комедию Грибоедова «Горе от ума». Комедия эта до сих пор в репертуаре наших театров, отдельные строфы из комедии стали поговорками; Фамусов, Скалозуб, Репетилов, Молчалин стали нарицательными именами.

Благородные патриотические чувства Чацкого, его страстные обличительные монологи, обращенные к его современникам, и сейчас волнуют зрителя.

Обычно Москву после пожара 1812 года называют «Грибоедовской», но, может быть, с меньшим основанием ее следовало назвать «Пушкинской». Пушкин жил в Петербурге и бывал в Москве наездами, но здесь жил его друзья — Вязем-

Фельдмаршал М. И. Кутузов.

скии, Баратынский, Языков, Веневитинов, Денис Давыдов, Соболевский и Нащокин. Здесь Пушкин был особенно любим и почитаем.

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось!..*

Эта духовная близость Пушкина особенно чувствовалась в 1880 году, когда в Москве открывали памятник великому русскому поэту. Жив был Тургенев, жил Достоевский; их речи, посвященные творчеству

леев казнен Николаем I, Грибоедов погиб в Тегеране, в Персии. Александр Полежаев, сосланный на Кавказ, разжалованный в солдаты, умер в лазарете Спасских казарм, в Москве.

На смену этому великому литературному поколению пришла «молодая Россия». Юноши Герцен и Огарев дали клятву на Воробьевых горах «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу». Они сдержали клятву. О Герцене, как о писателе, сыгравшем «великую роль в подготовке русской революции», писал Ленин.

В Москве протекали молодые годы великого русского критика — демократа Белинского. Здесь он опубликовал свое первое значительное произведение «Литературные мечтания».

А. И. Герцен и Н. П. Огарев.

гениального поэта, буквально всколыхнули всю мыслящую Россию. Это был не казенный, официальный праздник, а торжество русской литературы. Впервые в России открывали памятник литератору, поэту. Но смысл и значение происходящего были понятны только лучшим, передовым и просвещенным людям.

В 1937 году столетие со дня смерти Пушкина отмечал весь народ. Это было уже не торжество одной только передовой части общества, а всенародный праздник; миллионные тиражи произведений Пушкина свидетельствовали об огромном подъеме культуры в советском народе.

В Москве родился и жил и великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов.

«Москва моя родина и таковою будет всегда. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив», писал он в письме к Лопухиной. В юношеском произведении «Панорама Москвы» Лермонтов, окинув взглядом Москву с высоты колокольни Ивана Великого, восклицает:

«...Москва не есть обыкновенный город, каких тысячи; Москва не безмолвная громада камней холодных.. Нет! у нее своя душа, своя жизнь.. каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком.. богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!»

Двустипшие Лермонтова:

*Москва! Москва! Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!.. —*

стображает не только личные чувства поэта, но и любовь народа к великому древнему городу.

Пушкин считал московскую словесность выше петербургской.

Происходила смена литературных поколений. Поэты пушкинской поры жили и творили в годы жестокого каторжного режима Николая I: 22 лет умер поэт Веневитинов, Лермонтов погиб 28 лет отроду, после 12-летней ссылки умер Баратынский, декабрист Ры-

Допожарная Москва, как ее называли, была городом дворянства, знати, приезжавшей в Москву зимой из своих деревень. Многочисленная дворня наполняла палаты господ; пиры и балы московских хлебосолов славилась даже за границей.

Но глаз Пушкина уже отметил обнищание дворянства: «На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы. Обеднение Москвы доказывает обеднение русского дворянства... Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством».

Поэтесса графиня Растопчина оплакивала в стихах эту уходящую Москву:

*С домов боярских герб старинный
Пропал, исчез...*

*И с каждым днем
Расчетливым покупщиком
В слепом неведении, невинно
Стираются следы веков...*

«Расчетливые покупщики» издавна жили в Замоскворечье. Быт замоскворецких тузов, нравы Замоскворечья — этого «темного царства» — описаны замечательным русским драматургом А. Н. Островским. Многие из его пьес представляют собой интереснейшие страницы, рисующие Москву середины прошлого столетия.

Достаточно перечислить некоторые пьесы Островского, действие которых происходит в Москве и большей частью в Замоскворечье: «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «В чужом пиру похмелье», «Тяжелые дни», «Не так живи, как хочется», «За чем пойдешь, то и найдешь», «На всякого мудреца довольно простоты», «Бешеные деньги»...

Десятилетия жизни Москвы проходят перед глазами зрителей, они слышат знакомые названия: «Тюфелева

Замоскворечье.

роща», «Кремлевский сад»; замоскворецкие переулки встают у них перед глазами; «картины московской жизни», как иногда прямо называл свои пьесы Островский, интересны и для современного зрителя не только потому, что перед ним встают картины прошлого. Зритель чувствует симпатию драматурга к таким честным труженикам, как отставной учитель Иванов или механик-самоучка Кулигин, отыскивающий «секрет вечного движения». Островский всегда на стороне обиженных, угнетенных и честных людей.

В эту пору на сцене и в литературе еще не появился новый герой — русский рабочий человек, хотя Москва уже становилась городом промышленным, фабричным.

1848 год был тревожным годом для Николая I и его приближенных. Московский генерал-губернатор Закревский в особой заметке указывал на скопление в Москве свыше 150 тысяч «фабричных, временноцеховых и дворовых». «Весьма важно обсудить в комитете министров», написал на этой записке Николай I.

Москва становилась промышленным городом, и ге-

нерал-губернатор Закревский доносил о волнениях среди рабочих «Московских мануфактур».

Поэт Вяземский, друг Пушкина, писал о Москве того времени:

*Поэзия с торговлей рядом,
Ворвался Манчестер в Царьград,
Паровики дымятся срадом —
Рай неги и рабочий ад.*

В 1843 году последовало «высочайшее соизволение» на постройку железной дороги между Петербургом и Москвой. Строили восемь лет; по протяжению эта дорога считалась самой длинной в Европе. В первый поезд для пробы посадили гвардейских солдат — на них испытывалась безопасность движения. Вокзал в Москве был воздвигнут на месте сломанного Краснопрудного дворца. На крыше дворца, где иногда происходили театральные представления, виселось нечто, подобное каланче. Отсюда название площади — Каланчевская. В 1861—1862 годах построена Нижегородская железная дорога, в 1862—1864 годах Рязанская, потом ее продолжили до Казани.

В старой Москве. На Красной площади.

С 1870 года начинается оживленное строительство железных дорог: построены Ярославская, Курская, Смоленская, Киево-Воронежская; в 1899 году открыта Павелецкая, в 1900 году — Савеловская и Виндаво-Рыбинская железные дороги. Москва стала первым в стране железнодорожным узлом: десять железнодорожных линий скрещиваются в Московском узле.

В письме к Энгельсу в 1851 году Маркс пишет, что рост капиталистической промышленности в России вызывает тревогу помещиков-крепостников и Николая I.

Именно в этом году происходили стачки рабочих «Прохоровской мануфактуры».

А. Н. Островский.

Константин Прохоров «любил искусства, умел шить башмаки, искусно одевал кукол». Так сказано в одной роскошно изданной до революции книге, описывавшей «заслуги» рода Прохоровых.

Этот «любитель искусств» писал своему брату из-за границы после событий 1848 года: «Дух их своеволия для русских пагубен; советую всех держать сколько можно в русском духе, безусловном повиновении старшим».

«Русский дух» понимался в смысле «послушания» хозяину, богу, «царю-батюшке». Для этого и был поставлен градоначальник и существовал полицейский надзор.

Москва капиталистическая

Реформа 1861 года, «освобождение» крестьян повели к быстрому развитию капитализма. Вслед за «мануфактурой» Прохоровых возникли «мануфактуры» Коншинных, Гучковых, Морозовых, Цинделя. В Москве основаны и металлургические заводы — братьев Бромлей (в 1857 году), позднее Гужон (ныне «Серп и молот»). Развитие железнодорожного сообщения привело к основанию Коломенского паровозостроительного завода.

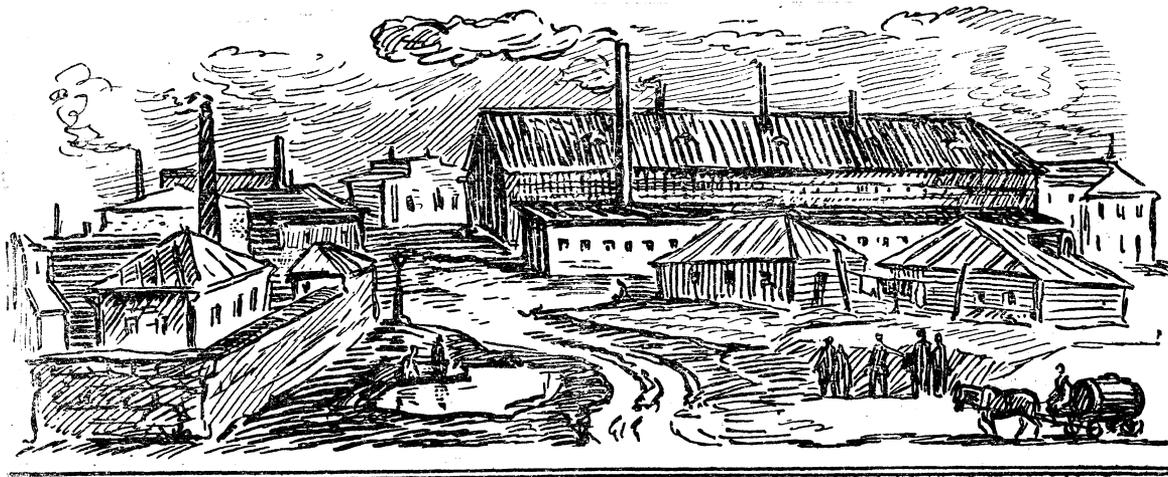
Эпоха строительства железных дорог, спекулятивный азарт, охвативший дельцов, заводчиков, банковских деятелей, новоявленных богачей, отображен в произведениях Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

«Железная дорога» Некрасова, проникновенные, бичующие строфы этого произведения были на устах у молодежи, у либеральных демократических кругов того времени. Некрасов видел, как не муки, лишения

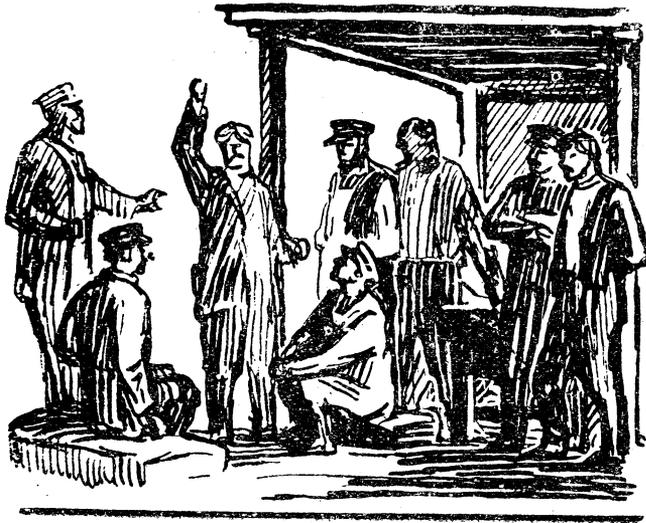
претерпевал народ, бессовестно эксплуатируемый варварским российским капитализмом.

Щедрин клеймил грабивших русский народ Колупаевых, Разуваевых, Деруновых. «Москва, которая впервые собрала Русь... теперь собирает «червоных вальтов», писал Щедрин о героях скандального процесса банковских воротил в Москве.

Старозаветные купцы Замоскворечья, быт купеческих особняков, выведенные на сцену драматургом А. Н. Островским, долговая тюрьма, «яма», описанная Достоевским, постепенно отходили в прошлое. «Покровские воры», «червоновые вальеты» благополучно уезжали с капиталами за границу. «Бородатые миллионеры» брили бороды и сменяли поддевки на сюртуки и пиджаки. Коноваловы, Крестовниковы, Рябушинские строили особняки в духе английской готики и итальянского

Завод Гужона в 1870 году.

Рабочая сходка.

Возрождения, заседали в правлениях банков, в Биржевом комитете, городской думе.

Однако в среде купечества были и искренние ценители и знатоки искусств.

Василий Петрович Боткин, происходивший из купцов, был другом Белинского и Грановского, ездил в Испанию, написал о своей поездке ценную книгу. Павел Третьяков, Савва Морозов, Савва Мамонтов с честью послужили русскому искусству: Третьяков основал знаменитую картинную галерею — собрание русской живописи, Савва Морозов был одним из основателей Художественного театра, Савва Мамонтов сделал много для прославления русского оперного искусства. Наконец Алексеев-Станиславский был замечательным реформатором русского театра.

Хозяином старой Москвы была городская дума.

«Отцы города», гласные думы, не отличались особой отзывчивостью. Основатели Художественного театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, задумав основать общедоступный театр, обратились в думу за материальной помощью. Дума обсуждала годы этот сложный вопрос и отклонила просьбу. В 1906 году ремесленники, проживавшие в «Рогожской части», про-

Ночлежка.

Вокзал Николаевской железной дороги.

сили городскую думу устроить постоянное гулянье на пустопорожней земле в районе части. Им было отказано. Сейчас на этом месте — Дворец культуры Автозавода имени Сталина.

Полярный исследователь лейтенант Седов, позднее погибший в Арктике, просил у думы субсидию на организацию экспедиции к полюсу. Дума отказала.

И это понятно, если принять во внимание состав думских гласных и количество их избирателей. В 1904 году на выборах в городскую думу участвовало 1 838 человек, в 1912 году — 9 431 человек, — это в то время, когда население Москвы насчитывало более миллиона жителей. Избирателями в старой Москве были только крупные домовладельцы, фабриканты, купцы, банковские воротилы.

Царское правительство не видело в том беды, если печать поругивала и высмеивала городскую думу, — это компрометировало идею городского самоуправления. Впрочем, было за что ругать городскую думу. Газеты, иллюстрированные журналы того времени полны злыми фельетонами, карикатурами на городскую думу.

Московская конка.

Московская «конка» была привычной темой для остроумца. Молодой Чехов в «Будильнике», под псевдонимом Антоша Чехонте, писал:

«Конно-железная, или попросту называемая конно-лошадина, дорога состоит из нутра, верхотуры и конно-железных правил... Скорость равна отрицательной величине, изредка ную и по большим праздникам двум вершкам в час».

Трамвай появился в Москве в 1903 году и до 1913 года мирно уживался в улицах Москвы с конкой.

Метрополитен в Лондоне существует с 1860 года, конка появилась в Москве только через 12 лет — в 1872 году. Иностранцы предлагали городской думе строить метро, но дума упорно отклоняла эти предложения. Даже первые автомобили, появившиеся в Москве в 1907 году, вызвали дебаты в думе, — предполагалось вообще запретить езду по городу на автомобилях.

А. П. Чехов.

Основным видом транспорта были извозчики легкие и ломовые. В 1904 году в Москве насчитывалось 22 667 легких и 19 115 ломовых извозчиков. Извозчики известны в Москве с древнейших времен.

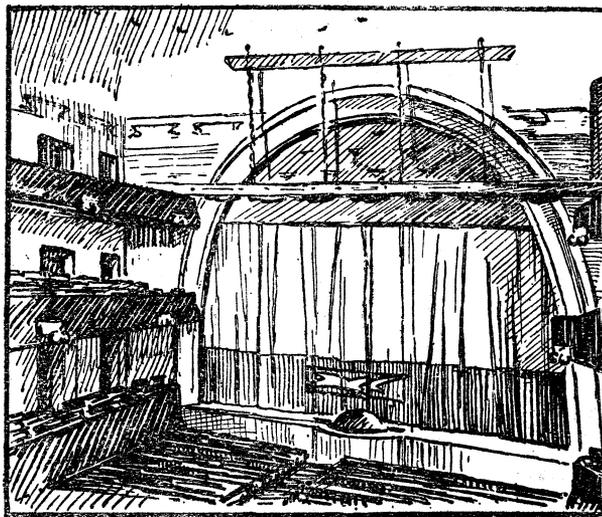
В 1678 году иностранец-путешественник Таннер заметил: «У москвитян большая езда из одной части города в другую, чем и кормится множество не знающих никакого другого промысла извозчиков».

Учтившийся в Москве в двадцатых годах прошлого века знаменитый хирург Н. И. Пирогов вспоминал «теперь не существующий род извозчиков, возниц, перетаскивающих человеческие тела на дровнях — «волочках». Зато позднее в Москве появились так называемые «гитары», «калибры», «петушки», «линейки».

Средняя ширина московских улиц составляла 10 метров; узкие улицы не слишком затрудняли москвичей: пока единственным, а позднее главным видом транспорта оставался лошадиный транспорт.

Москва, сверкавшая витринами роскошных магазинов на Кузнецком мосту, была в то время и городом грязных переулков и трущоб, вроде Хитрова рынка. Это тоже было своего рода печальной достопримечательностью столицы. Лев Толстой участвовал во всероссийской переписи населения 1897 года. С негодованием писал он об ужасах московских трущоб. В пьесе «На дне» М. Горький показал «бывших людей», язву капиталистического общества. Сейчас на том месте, где был Хитров рынок, выстроено одно из 393 новых школьных зданий.

Пьесы Горького «Мещане» и «На дне», пьесы Чехова

Художественный театр.

были новой эпохой русского театра. После Островского и Сухово-Кобылина репертуар русского театра как бы обеднел; драматургия Горького и Чехова на сцене Художественного театра вернула русскому театру его славу.

Горький, бунтарь революции, был властителем дум. Спустя три десятилетия в романе-эпопее «Клим Самгин» он описал Москву в дни революции 1905 года; эти страницы — правдивое и сильное отображение тех дней.

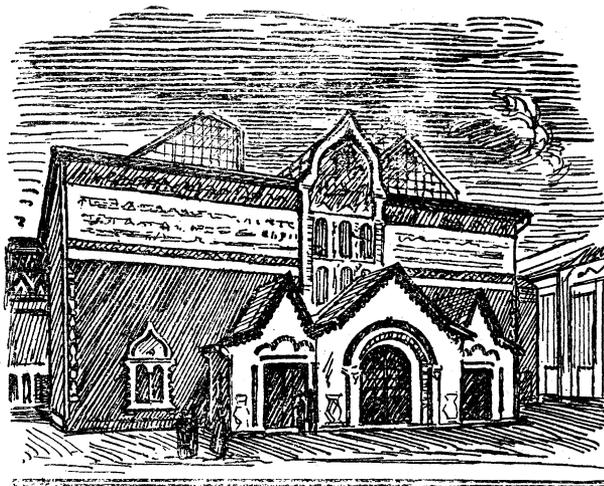
В романе изображены народ, рабочие, события 1905 года, стрельба солдат по пекарям булочной Филиппова, демонстрация у Московского университета и похороны Баумана, любимца московских рабочих, большевика, убитого черносотенцем.

В дни московского вооруженного восстания трехгорцы-дружинники героически обороняли Пресню — «единственный уголок на земле, где царствует рабочий класс», как было сказано в прокламации.

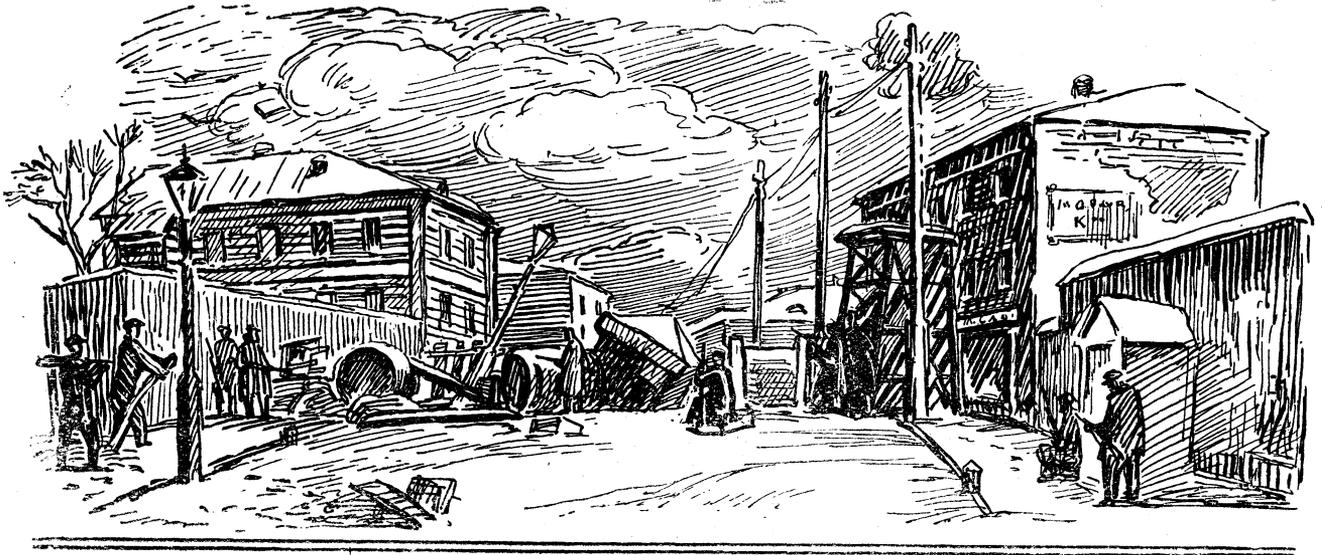
«Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна», писал Ленин. И она пришла, эта победа.

Она ковалась в тайной типографии большевиков на Лесной улице и в той тайной типографии на окраине Тбилиси — Авлабаре, которой руководил товарищ Сталин.

Революцию готовили замечательные люди из народа.

Третьяковская галерея.

1905 год. На Прессе.

такие, как московский рабочий Петр Алексеев, бросивший в лицо царским судьям пророческие слова:

«Поднимается мускулистая рука миллионов рабочих, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Старинной Москвы, «большой деревни», не стало. Это почуяло царское правительство, в ослеплении разгонявшее передовых ученых — профессоров Московского университета. Московский университет, где работали Тимирязев и Столетов, врачи Боткин и Склифасовский, «отец авиации» Н. Е. Жуковский, историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, попал под пяту черносотенца министра просвещения.

В 1910 году скончался великий писатель земли русской, Лев Толстой, и Москва отметила день похорон

Толстого бурными демонстрациями против царского правительства.

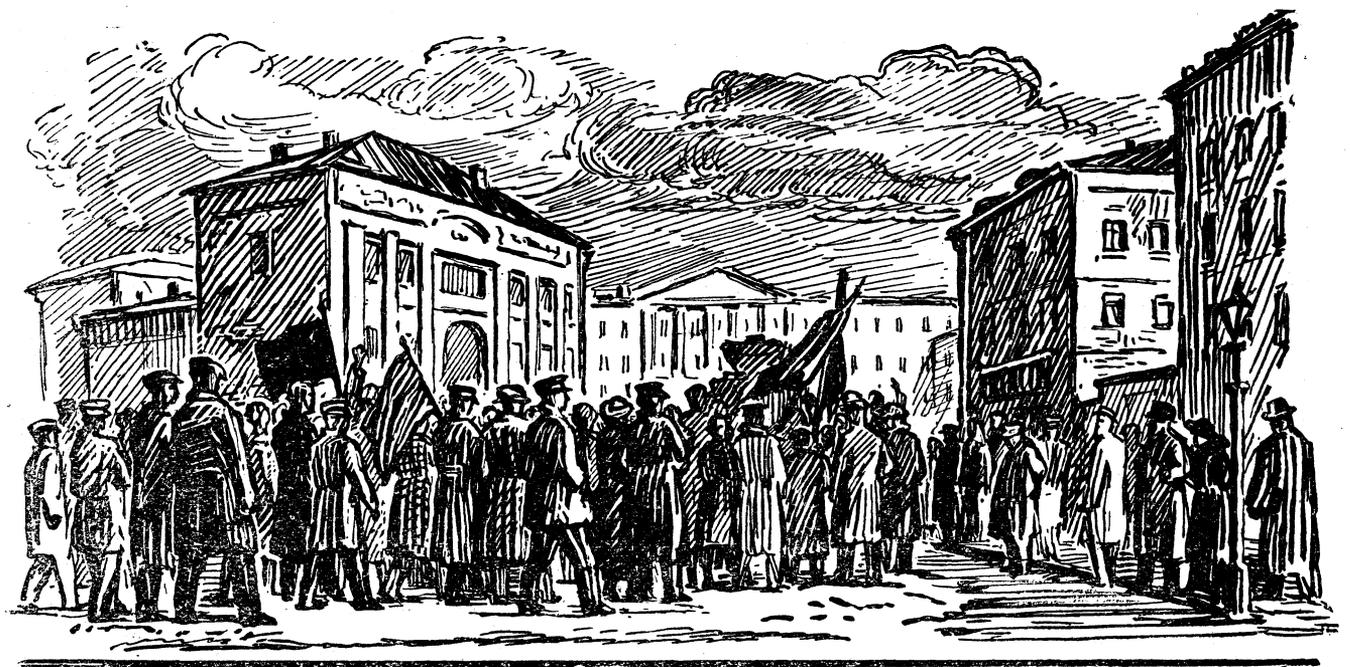
Такими были последние годы «заштатной столицы».

В 1914 году началась мировая империалистическая война. Поражения на фронте и хозяйственная разруха, вызванные продажностью министров и неспособностью царского правительства успешно вести войну, усилили и обострили революционное движение народных масс.

Рухнуло самодержавие. Улицы и площади Москвы, постамент памятника Пушкину становятся трибуной митингов, где выступают завоевавшие доверие народных масс большевики.

По зову Ленина и Сталина Москва, рабочие окраины поднимаются на последний бой с капитализмом.

(Окончание следует)

1905 год. Похороны Н. Э. Баумана.

НА БЕРЕГАХ РИОНИ И КУРА

МИХ. ИЛЬИН

Фото О. Нюринга, Я. Халипа

I. ЭДЕСЬ СТРОИТСЯ КАЗ

За поворотом шофер погасил фары. Исчезли желтые лучи, которые бежали впереди нас, выхватывая из мрака выбоины и лужи, кучи камня на обочинах шоссе, сита для гравия, лопаты, тачки.

Говор реки, неотступно следовавший за нами, стал явственней. Откуда-то снизу полз туман.

Ночь была на исходе. За глинобитными оградами, подступавшими к дороге, пели невидимые петухи, и сине-серые тона неба постепенно таяли, уступая место голубоватым предутренним краскам.

Город еще спал. Узкие и чистые его улицы были безлюдны и красивы той красотой, которую придает грузинским городам сочетание камня, дерева и зелени. Мы пересекли неширокие асфальтированные площади, обставленные старомодными зданиями. Ставни на окнах были захлопнуты, многочисленные балконы пусты.

В городском парке темнели вековые платаны, вечнозеленые туи и пальмы. За деревьями виднелась нагорная часть Кутаиси — дома и домики, крытые черепицей и железом, рядами уходили вверх. На самом верху, там, где некогда стояла крепость Химерион, описанная знаменитым греческим географом Страбонам, темнели развалины древних сооружений. Потом машина промчалась по мосту через Риони. Ночью шел дождь, и река текла желтая, как кофе с молоком.

За железнодорожным переездом — двухэтажные строения.

Четыре здания были похожи од-

но на другое, как близнецы, и различались лишь степенью своей строительной готовности. Первое стояло без крыши, и деревянный пандус вел с земли прямо в бельэтаж. Во втором желтели оконные переплеты, сквозила редкая сеть стропил, ветер выносил стружку из комнат, еще не имевших дверей. Несмотря на ранний час, тут уже трудились плотники, штукатуры, маляры. На третьем здании была настлана крыша, поблескивали только что вымытые оконные стекла. К подъезду четвертого вела дорожка, посыпанная гравием, окаймленная коричневыми черепками. Через канавку был перекинут мостик. Дом был отделан тщательно и всем своим видом показывал, что с часу на час ждет жильцов. Мы проезжали мимо поселка, за ним высились здания управления строительством Кутаисского автомобильного завода и производственные корпуса.

Здесь, неподалеку от Кутаиси, строится автомобильный завод, сокращенно его называют КАЗ, — эти три буквы украсят радиаторы грузовиков, которые будут выходить из ворот предприятия по пятнадцать тысяч штук в год.

Еще в июле 1945 года на этом месте было поле. На поле росла кукуруза, такая высокая, что в ней можно было заблудиться. Невдалеке пастухи пасли скот.

Потом на этой болотистой равнине, видевшей некогда расцвет и падение абхазских, карталинских и имеретинских царств, началась стройка, и вот уже мы видим ее результаты.

Кутаиси — один из старейших закавказских городов. В конце XI века город сожгли турки-сельджуки. В 1259 году Кутаиси стал столицей независимой Имеретии, но через десять лет его разорили монголы. Спустя еще столетие город был разрушен Тамерланом. В XVI и XVII веках турки неоднократно появлялись на берегах Риони, грабили, сжигали, опустошали Кутаиси. Город упорствовал и снова поднимал к небу свои стены...

Незадолго до первой мировой войны в Кутаиси было 39 тысяч жителей и 54 маленьких, полукустарных предприятия. Эта «индустрия» Кутаиси была весьма жалкой: в ней было занято всего 202 рабочих — в среднем по 4 рабочих на «предприятие».

В сегодняшнем Кутаиси на левом берегу Риони сохранилась старинная извилистая улица, застроенная ветхими зданиями. Находится она недалеко от центра города. До сих пор сохранившиеся на этой улице «промышленные заведения» дают некоторое представление о том, чем была индустрия города лет тридцать назад.

...Над улицей разносится мелодичный звон. В небольших сараях, сложенных из камня, под крышами, сквозь которые просвечивает небо, работают кузнецы — статные гурьицы, мингрельцы, имеретины. В каждой кузнице — один-два горна. Желто-серый дым поднимается над тлеющим в очагах углем. Человек в кожаном фартуке раздувает неуклюжие мехи, напоминающие иллюстрацию из старинных учебников металлургии, берет щипцами раска-

лённый металл, бросает его на накопальню. Кузнецы сноровисто бьют молотами, превращая кусок железа в подкову, топор, лопату. В каждом сарае трудится четверо-пятеро кузнецов...

Так было. А сейчас в Кутаиси кузниц немного — ровно столько, сколько требуется, чтобы обслужить нужды колхозников, приезжающих в город; раньше из таких карликовых предприятий состояла вся здешняя промышленность.

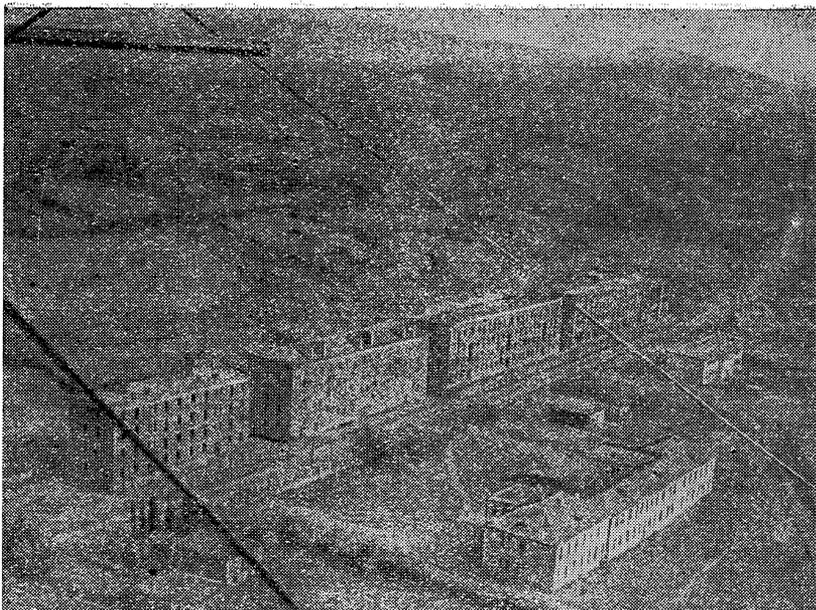
Кутаиси 1947 года — большой индустриальный центр. Население города быстро растёт.

Город раздался в ширину и в длину. На пустырях выстроены новые здания, протянулись новые улицы. Шелковые ткани и пряжу, консервы и обувь, сукно, швейные изделия, химические продукты и многое другое выпускают заводы и фабрики Кутаиси.

Новый автозавод создается, как говорят инженеры, по принципу комплексного производства. Это значит, что красивые автомашины, грузоподъемностью в три с половиной тонны, будут делаться здесь от начала до конца — от первой своей детали до сборки.

Это определило масштабы завода. Его цехи и корпуса разместятся на обширной территории в 75 гектаров. Один только механо-сборочный цех с отделением шасси, моторов и главным конвейером займет четыре гектара.

Но строители оставят после себя не только новый великолепный завод. Им поручено позаботиться обо всем, что может понадобиться будущим работникам предприятия и чле-

Кутаисский автомобильный завод. Строительство рабочего поселка.

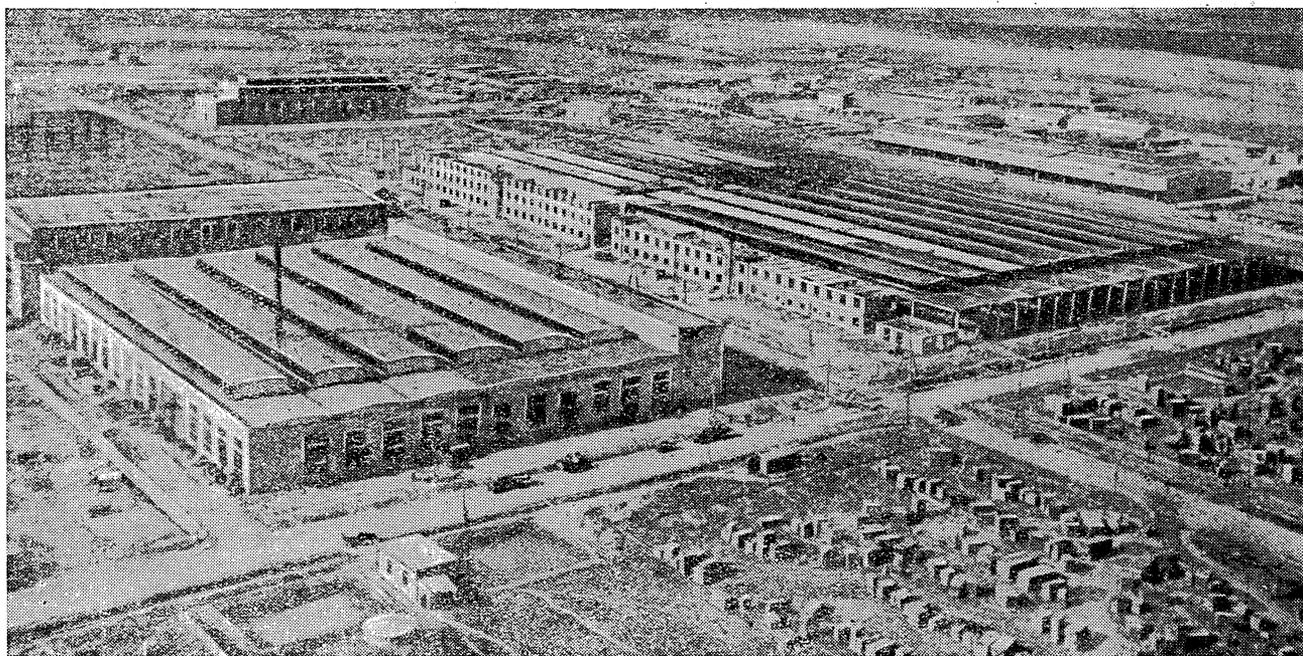
нам их семей — завтрашним гражданам Кутаиси. Обо всем, начиная от хлебозавода, где для них будет выпекаться хлеб, и кончая домами отдыха на Черноморском побережье, где они будут проводить отпуск.

* * *

В одном из старых справочников написано, что «Кутаиси далеко не отличается благоустройством». Много времени утекло с тех пор, но полностью эта фраза еще не устарела. В комфортабельной гостини-

це «Кутаиси», в которой я остановился, к услугам постояльцев было все, кроме... воды. Краны иссякали часам к десяти утра. Вода появлялась вновь лишь с наступлением сумерек.

Автомобильный завод напоят Кутаиси водой. Водопровод, сооружаемый для нужд предприятия, будет обслуживать и город. Первая очередь водопровода даст кутаисцам 200 литров вкусной и чистой воды в секунду. Вторая очередь — еще около 200 литров воды в секунду. Све-

Кутаисский автомобильный завод. Общий вид строительства.

дения старого справочника о благоустройстве Кутаиси скоро устареют, как устарело и все остальное, о чем говорится в этом справочнике.

КАЗ даст кутаисцам не только воду, но и средства передвижения. Заводской поселок соединит с городом шоссе: оно уже прокладывается.

Кутаиси всегда был зеленым городом. В городских садах можно увидеть многие субтропические растения обоих полушарий. Репутации зеленого города автозаводцы не подорвут — они предполагают высадить десятки тысяч новых деревьев.

Я покидал Кутаиси пасмурным утром. Горы, которые еще вчера обступали город в четыре яруса, словно исчезли. На горизонте виднелась лишь первая линия холмов; за их кромкой висели низкие, серые облака. Потом пролился дождь, и погода

стала проясняться. Показался второй ярус высот, затем третий и, наконец, далекие вершины Главного Кавказского хребта.

Из-за гор поднялось солнце. Оно осветило площадку автозавода, новенькие здания, в которых уже кипела работа, огороженную проволокой территорию, где в контейнерах с надписью «не кантовать» бесконечными рядами было сложено оборудование будущего предприятия.

У моста я бросил прощальный взгляд на Кутаиси. Передо мной лежал город, в котором четыре с лишним десятилетия назад вел революционно-пропагандистскую работу молодой Сталин. Здесь он создал Кутаисский комитет партии большевиков, организовывал демонстрации трудящихся, разоблачал и громил врагов народа. Отсюда осенью 1904 года Сталин писал свои замеча-

тельные письма Михаилу Давиташвили, жившему в Лейпциге, письма, в которых восхищался «горным орлом» — великим Лениным.

По шоссе, которое ведет из города на стройку автозавода и называется теперь Цулукидзевским, летом 1905 года во главе многотысячной процессии шел товарищ Сталин. Народ провожал в последний путь пламенного революционера Александра Цулукидзе. Над громом соратника Сталина прозвучал вдохновенную речь. Тысячи голосов подхватили призыв: «Долой самодержавие, да здравствует социализм!»

Как много перемен произошло в Кутаиси за эти годы! Старинные дома, опоясанные галлереями, попрежнему спускаются с горы к самой реке, и прямо под их балконами, как и раньше, неумолчно шумит вода. Но жизнь на берегах Риони стала совсем иной.

Я услышал сигнальные гудки. Сверху, по дороге, серпантинном обвивавшей горный склон, сползал из тормозах запыленный рыдван — доживающий свой век автобус пригородного сообщения. Автобус остановился у реки, из него вышли юноши и девушки с деревянными баулами в руках. Это была молодежь, приехавшая на строительство автозавода. Ей предстояло начать путь, который проходят сотни тысяч людей в нашей стране, — славный путь строителей.

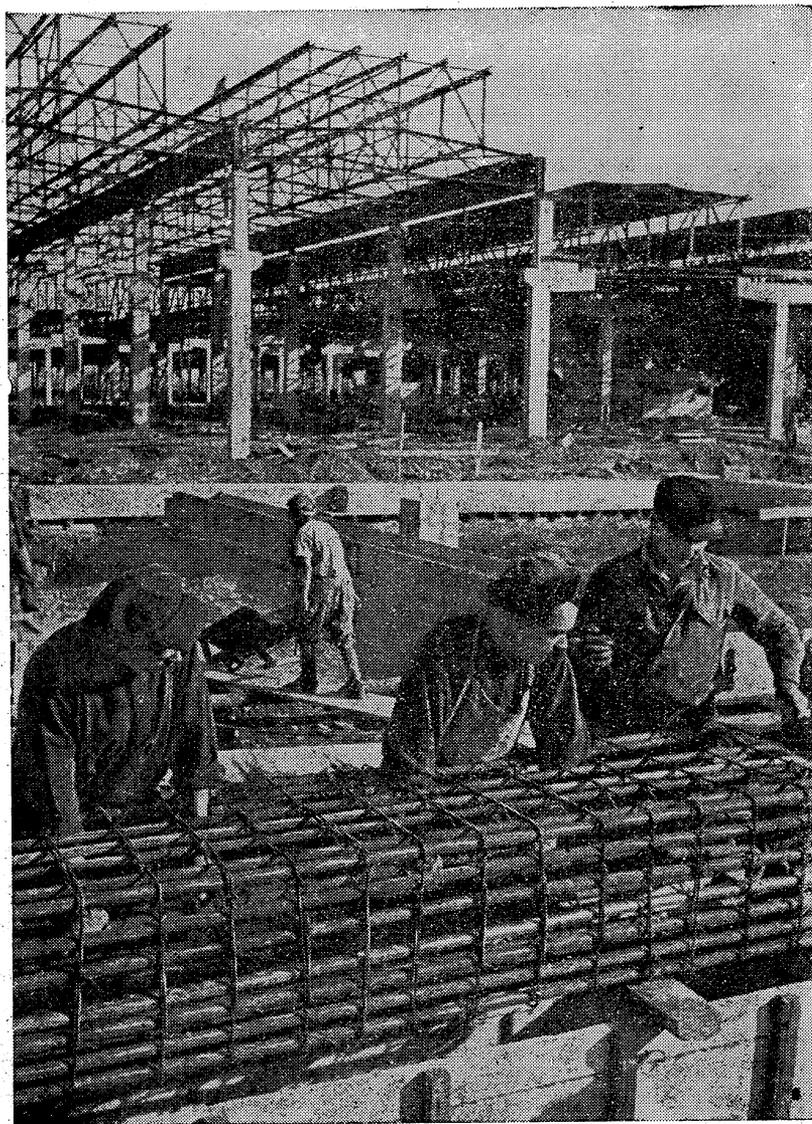
II. В ДРЕВНЕМ РУСТАВИ

Недалеко от центра Тбилиси, на высокой скале над левым берегом Куры, стоит старинный Метехский замок — одна из достопримечательностей столицы Грузии.

В замке сохранилась церковь, сокрушенная много столетий назад. Рядом с церковью, в красном кирпичном доме, работают инженеры, конструкторы, экономисты. У входа в дом прибит вывеска: «Закавказский филиал Гипромеза».

Гипромез — это государственный институт по проектированию металлургических заводов. По соседству со зданием, воздвигнутым древними зодчими, сооружаются цехи индустриального предприятия, оснащенного по последнему слову техники. Работники Гипромеза, поднимая головы от кальки, видят за окном каменные узоры на стенах церкви, высеченные художниками раннего средневековья.

Грузия, Армения, Азербайджан — страны древней культуры. Но на протяжении всей истории этих стран не было эпохи, когда бы их хозяйство и культура развивались так быстро и всесторонне, как за последние десятилетия. Не было и, конечно, не могло быть, ибо последние десятилетия — это эпоха социалистической реконструкции нашей родины.

Кутаисский автомобильный завод. Монтаж железобетонных конструкций.

За годы сталинских пятилеток все три закавказские советские республики стали крупными потребителями металла. Но собственного черного металла у них сейчас нет; его приходится привозить сюда издалека. Поезд за поездом, груженные металлом, идут из Закавказья из Украины, Урала и даже Западной Сибири.

Люди, склонившиеся над кальками в одном из зданий Метехского замка, заняты проектированием большого завода, который должен дать Закавказью собственный черный металл.

Новое предприятие сооружается на берегу Куры, у древнего селения Рустави.

Осенью 1944 года в Рустави еще приезжали охотники стрелять диких кабанов, водившихся в камышевых зарослях над Курой. Но инженеры в Москве, Тбилиси и других городах уже проектировали цехи будущего предприятия, архитекторы набрасывали эскизы жилых домов и школ.

Заводы в разных концах Советского Союза получали заказы, которые надо было выполнять для Рустави. В Азербайджане дорожные рабочие с помощью тола пробивались сквозь скалы, — прокладывали шоссе к глухому высокогорному селению, где другие рабочие приступали к строительству рудников для добычи магнитного железняка. Ленинградские ученые спорили о том, каким способом лучше обогащать этот железняк. В Абхазии и Западной Грузии готовились к закладке новых угольных шахт. Неподалеку от города Душети, в ущелье, где пенятся воды бурной Арагви, обследовались и изучались рудники на левом берегу реки. Во многих районах Закавказья геологи лазили по кручам в поисках материалов, необходимых заводу. Образцы найденных ими глин и доломитов испытывали сотрудинки одного из научных институтов в Харькове. Все это были звенья единого плана постройки в Закавказье металлургического завода.

* * *

Я был в Рустави в начале весны 1947 года.

Пригородный поезд вез нас из Тбилиси на площадку, где сооружается предприятие. Город исчез, показав на прощанье пестрые крыши своих домов, Метехский замок, узкую колею фуникулера на вершину горы Мтацминда, у подножья которой лежит грузинская столица.

Вот и Рустави. Древнее селение это выбрано для постройки завода не только потому, что тут нашлось достаточно места и для цехов будущего предприятия и для города, в котором поселятся его работники.

Металлургическому заводу требуется много сырья, в первую очередь железной руды и угля. Руда для

него пойдет из Дашкесанского месторождения в Азербайджане, уголь — из шахт Ткибули в Западной Грузии и Ткварчели в Абхазии. Площадка нового завода лежит примерно на середине пути между пунктами добычи руды и угля. С востока поезда повезут сюда руду, с запада — уголь.

Заводу требуется также много воды. Только на нужды производства металлургии будут расходоваться пять кубических метров воды в секунду. В час им понадобится восемнадцать тысяч, в сутки — четыреста тридцать две тысячи, в год свыше полутора миллиона кубических метров, — иными словами, свыше полутора миллиардов литров воды!

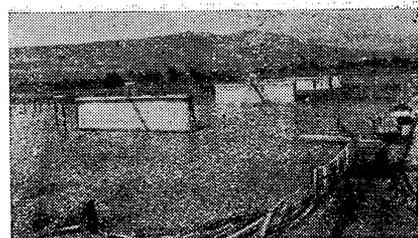
Столько воды может дать металлургам только Кура. Другой такой же многоводной реки в Грузии нет, не считая Риони, но она слишком далека от района, где добывают железную руду.

Стройку начали с того, что, казалось, не имело прямого к ней отношения, — с прокладки шоссе между Тбилиси и Рустави. Затем и на самой площадке, тогда еще пустынной, появились дороги, покрытые щебнем или гравием. Потом равнину, становившуюся территорией завода, пересекли железнодорожные рельсы, по ним пошли паровозы и товарные вагоны.

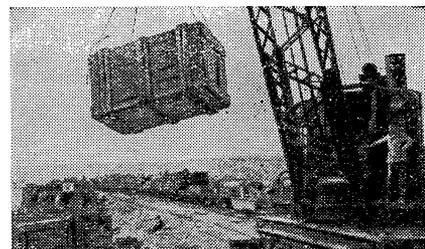
На заводе будет законченный цикл металлургического производства. Это значит, что магнитный железняк, пройдя через доменные и мартеновские печи, пройдя через прокатные цехи Рустави, здесь же превратится в рельсы, трубы и другие изделия.

Прямо из железнодорожных вагонов магнитный железняк попадет на агломерационную фабрику. Слишком мелкие куски руды, которые мешали бы движению газа в домне, на фабрике спекут в более крупные. Специальные мельницы раздробят крупные куски руды — в доменной печи такие куски плавятся бы очень долго.

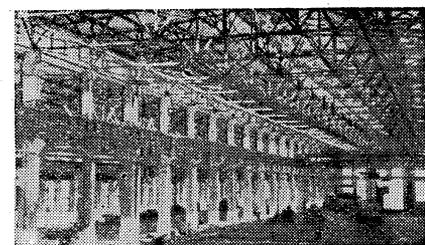
Вагоны с углем примет коксохимический завод. Две батареи выжгут из угля превосходный кокс. Сотни тысяч тонн кокса в год — такова производительность батарей.

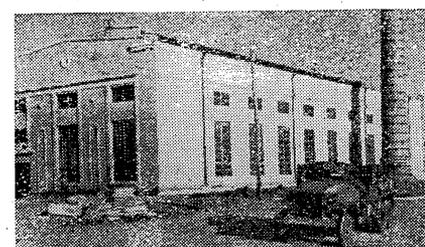
Рустави. Быки будущего моста через Куру, по которому пройдет шоссе, соединяющее Рустави с Тбилиси.

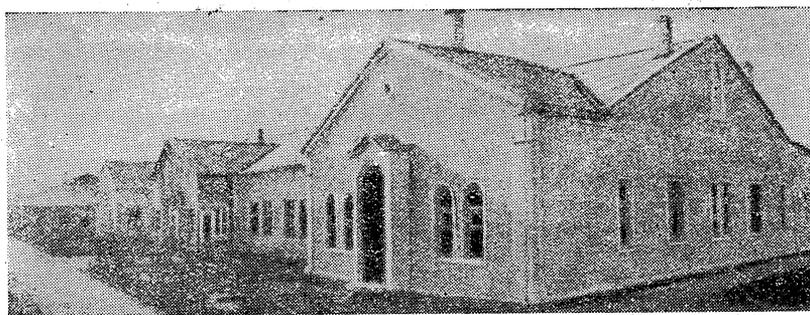
Рустави. Ежедневно на Закметаллургстрой прибывают десятки составов с оборудованием для различных цехов завода.

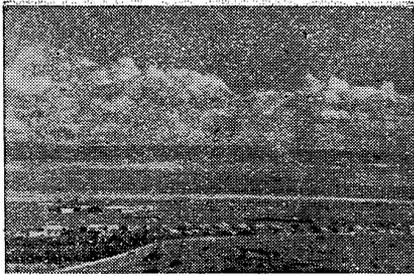
Рустави. Строительство металлургического завода.

Рустави. Здание кузнечного цеха, уже вступившего в эксплуатацию.

Рустави. Временные дома для рабочих — строителей Закметаллургстрой.

Рустави. Общий вид поселка строителей.

Затем руду и кокс загрузят в доменные печи, начнется плавка чугуна.

Готовый чугун выльют в ковши и перевезут в мартеновские печи. Кроме жидкого чугуна, сюда пойдет и так называемый скрап — всевозможный железный лом, в том числе трофейные танки, самоходные орудия и бронемашинны, доставленные в Грузию с той стороны Кавказского хребта и ожидающие сейчас своего последнего часа на полях под Рустави.

Из мартеновских цехов горячие стальные болванки будут переданы на обработку в прокатные цехи. Эти цехи — одни из наиболее важных на заводе: здесь устанавливаются блюминг и другие прокатные станы.

Блюминг — машина-гигант. Она состоит из десятков отдельных частей, общий вес которых превышает двести тысяч пудов! Почти три сотни моторов приводят ее в действие. Сооружение машины-гиганта закончено. Это первый блюминг, построенный в нашей стране по окончании войны. Он сделан в Донбассе, на Ново-Краматорском заводе, разрушенном немцами, но заново восстановленном советскими людьми.

Блюминг предназначен для предварительной обработки — обжима стальных слитков весом до шести тонн. Сталь, пропущенная через гигантскую машину, поступит затем на другие, более мелкие станы.

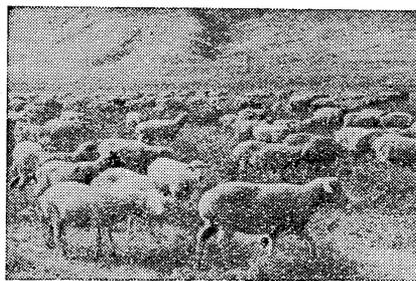
Прокатные цехи завода будут выпускать ежегодно сотни тысяч тонн разнообразных изделий. Нефтяники получат из Рустави трубы, железно-дорожники — рельсы, строители станков — металл, строители зданий — двутавровые балки, швеллеры, кровельное железо, консервщики — жести, виноградари — оцинкованную проволоку, деревообделочники — обручное железо.

Новый завод даст столько черного металла, сколько нужно сейчас Закавказью.

Все, что только возможно, вместо людей будут выполнять в Рустави механизмы. Многочисленные автоматы облегчат труд рабочих. Устанавливаются разнообразные приборы, назначение которых — следить за ходом плавки и обработки металла и сигнализировать человеку о необходимости его вмешательства.

Особая установка будет охлаждать теплый воздух и посылать его по трубам туда, откуда поступит заказ на прохладу. Заказчиками не всегда явятся люди. Когда температура в цехе поднимется выше допустимой, специальный автомат даст знать об этом на «фабрику прохлады», и другой автомат пустит по трубам холодный воздух.

Рядом с заводом возникает город. В нем поселится больше народу, чем жило до революции в таких создававшихся веками городах, как Рязань, Чернигов или Владимир. Рустави, который по числу жителей обгонит эти города в их дореволюционных масштабах, возникнет за немного лет. Уже разбита сеть его улиц, определены места для площадей, для общественных зданий — клубов и стадиона, школ и лечебных учреждений,

Рустави. Огара овец на предгорных пастбищах.

детских садов и яслей, бань и магазинов, театра и кино, гостиницы и вокзалов. Во все дома будут проведены газ, электричество, холодная и горячая вода. Через Куру, на берегах которой располагается город, перекидывают широкий мост — проспект, один из красивейших в Грузии. По мосту пойдут трамваи и троллейбусы.

Я бродил по улицам города металлургов и видел его первенцев — красивые, тщательно отделанные двух- и трехэтажные дома нишами, узкими окнами, верандами, балконами и другими характерными архитектурными деталями, которые придают такое своеобразное обаяние грузинским городам. Проектировщики стремятся к тому, чтобы город металлургов был не только благоустроен, но чтобы он радовал глаз.

Если через несколько лет вам доведется побывать в Рустави, вы увидите его не только красивым, но и зеленым городом, городом парков, садов и скверов. От заводских цехов его отделит «зеленый барьер» — трехкилометровая полоса леса шириной в триста метров. Молодые акации и тополи, чинары, карагачи и дубы уже появились вдоль улиц и во дворах. Только нынешней весной здесь высадили свыше тридцати тысяч деревьев!

Завода еще нет, но в городе уже появились первые жители.

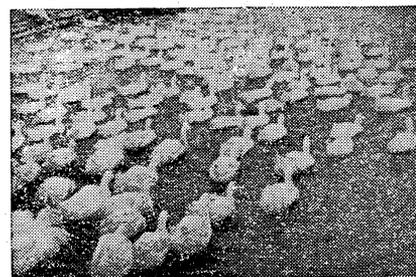
Это строители, работники подсобных предприятий и вступивших в эксплуатацию цехов. Улицы Рустави многолюдны по утрам и вечерам, в часы, когда начинаются и заканчиваются смены. Днем на улицах мало движения. Пройдут из школы дети с клеенчатыми сумками, вернется домохозяйка с рынка, проедет грузовик с материалами. В соседних кварталах еще стучат молотки строителей и каменщики выкладывают стены из розового армянского туфа, но дома и приусадебные участки уже приобрели обжитой вид. Женщина стоит на крыльце и скликает кур, разбрасывая кукурузные зерна. Выводок гусей, переваливаясь, шествует по двору...

У станции Рустави ежемесячно разгружаются сотни вагонов с лесом, камнем, металлом, оборудованием. Поезда приходят из Мариуполя, Енакиева, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Иркутска, Новосибирска, Магнитогорска и многих, многих других советских городов, — вся наша страна заботится о первенце черной металлургии Грузии.

Строительство в Рустави в разгаре.

На равнине в двадцати четырех километрах к востоку от Тбилиси упорно трудятся тысячи землекопов, каменщиков, арматурщиков, плотников, электриков, слесарей, шоферов, штукатуров, монтажников. Здания цехов, высокие, светлые, с нарядными фасадами, одно за другим встают вдоль широкого и прямого проспекта — главной заводской магистрали.

Близится день, когда станция Рустави примет первые поезда с рудой и углем. Тем временем на берегу Арагуи бурят скважины-колодцы, в Ткибули и Ткварчели сооружают новые шахты, горняки Чиатури увеличивают добычу марганца, в рудниках Дашкесана выдают на-гора первые тонны магнитного железняка, в Садахло, Шроша, Аджамети разрабатывают месторождения известняка и огнеупорных глин. Это действует план постройки завода, который в послевоенной сталинской пятилетке даст Закавказью собственный черный металл.

Рустави. На пруду. Пекинские утки подсобного хозяйства.

Метехский замок.

Акварель художника Д. Бродской.

На краю высокой скалы над рекою Курой стоит древний Метехский замок. В течение многих десятилетий замок служил тюрьмой, куда царское правительство заточало революционеров — лучших сынов народа. Советская власть, уничтожив тюрьму, создала здесь музей искусств Грузии — „Метехи“.

П. РОТОТАЕВ, В. ТИХОНРАВОВ

Летом 1946 года Всесоюзный комитет физической культуры направил на Памир группу советских альпинистов. Их целью было исследование „белых пятен“ юго-западного Памира с восхождением на пик Патхор и Карла Маркса, куда еще не ступала нога человека.

Задача эта была успешно выполнена участниками похода во главе с заслуженным мастером спорта Е. А. Белецким, опытным альпинистом и знатоком Памира. Заместителем Белецкого и начальником штурмовой группы был заслуженный мастер спорта Е. М. Абалаков. Настоящий очерк принадлежит перу заслуженного мастера спорта П. С. Рототаева и участника экспедиции В. А. Тихонравова.

Мы выехали из города Ош по широкому Памирскому тракту, связывающему ущелья Памира с внешним миром.

От Оша до Гюльчи тракт идет сначала мимо хлопковых полей и селений, утопающих в зелени садов. Затем начинаются кишлаки — скопления бурых глинобитных строений и белых домиков оригинальной архитектуры.

Дорога входит в предгорья. Нескончаемые травянистые склоны со скальными островками со всех сторон подступают к тракту. Южный участок пути с перевала Чигирчик очень крут.

Дорогу обступают большие гранитные массивы, суживая ущелье до двухсот-трехсот метров. Вскоре, однако, горы расступаются, открывая широкую котловину, прорезанную бурной рекой. В центре котловины — белые постройки Гюльчи, живописного селения, выросшего на месте бывшего здесь еще задолго до революции укрепления.

Отсюда, вдоль реки Гюльча, машины мчатся на юг. За Суфи-Курганом по обе стороны от шоссе поднимаются отвесные террасы с причудливыми скальными башнями. Еще несколько десятков километров, и ущелье превращается в широкую, покрытую травой поляну.

Это Ак-Босага, откуда начинается извилистый подъем на перевал Талдык (3 625 метров). Миновав перевал, машины едут некоторое время в каньоне. За ним раскрывается

тридцатикилометровая ширь плоской Алайской долины. Исполнинскими стенами окружают ее снежные вершины Заалайского хребта.

Извилистое русло реки Кызыл-су (Красная вода) пересекает долину. Вода в реке действительно кирпично-красного цвета.

* * *

Мы — в предгорьях Заалая, в ущелье, соединяющем Алай с долиной Маркан-су.

По обеим сторонам дороги обнаженные каменные горы — то бурые, то красные, то грязновато-зеленые.

Крутыми серпантинами дорога ползет на перевал Кызыл-арт. Моторы автомашин сердито гудят, как бы жалуясь на непосильную нагрузку, воят шестерни.

Вот и перевал... Он отмечен могильным курганом, на котором бедеют черепа архаров с большими загнутыми рогами. В расщелинах растут жесткие цветы — ярко-желтые, голубые, синие, с ярким, тяглым ароматом.

Долина Маркан-су (Долина смерти) — страшная, мертвая каменная пустыня, похожая на высохшее русло необъятной широкой реки. Ее окаймляют голые, залитые давно исчезнувшими ледниками, красно-бурые скальные склоны.

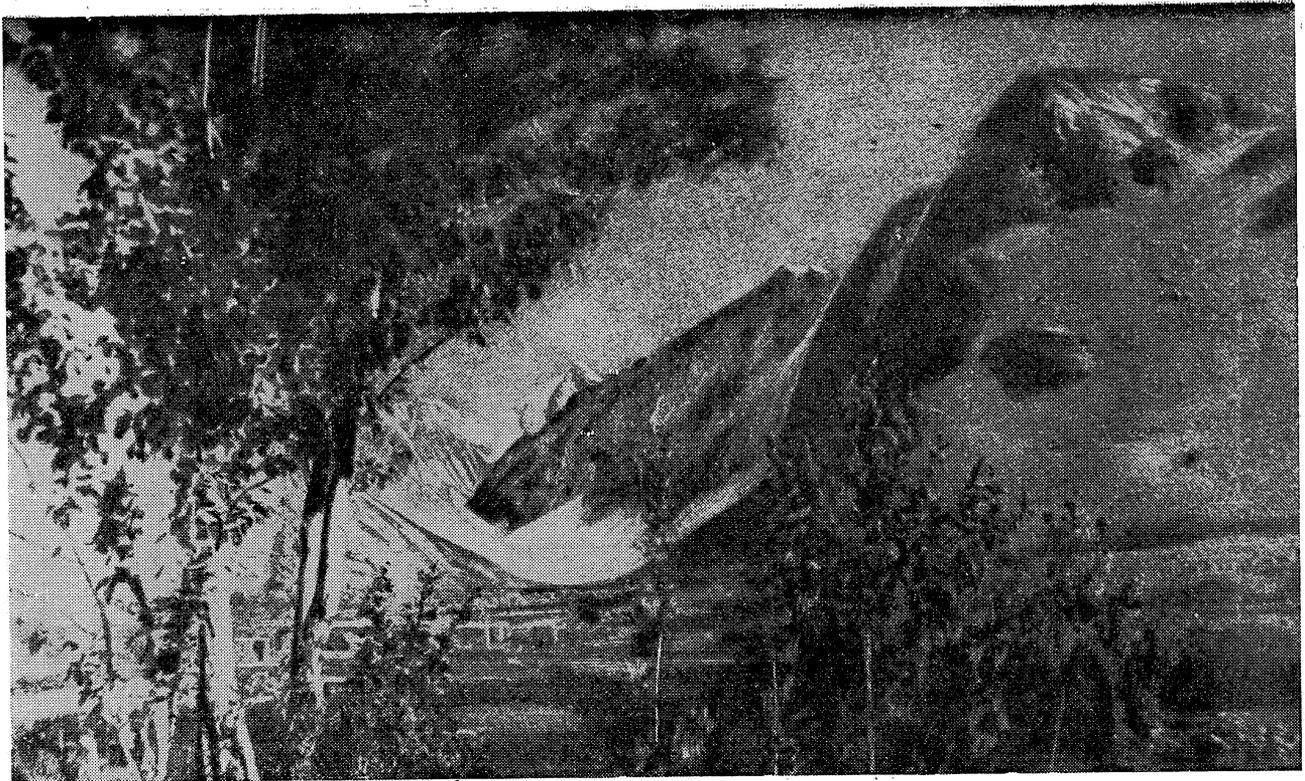
Долина ведет в Китай. Здесь господствуют знойные и опустошительные ветры, дующие из пустыни Такла-Макан.

К общей радости, мы довольно быстро проезжаем через Маркан-су и поднимаемся на маленький перевал, с которого открывается темносняя, почти черная гладь озера Кара-куль, лежащего в огромной пустынной котловине. Скалистый полуостров вдаётся в озеро, рассекая его на две части. От грандиозного массива Курумды, поднявшего свою двуглавую вершину до высоты 6 500 метров, падает тень далеко в глубь озера.

Остался позади и перевал Ак-Байтал, высокие хребты закрыли от нас мрачное озеро. Мы на Восточном Памире.

Наши машины несутся по широким долинам, окруженным сплошными осыпями. По склонам кое-где виднеются кусты, а иногда и мелкие заросли терескена.

Перевал Кой-Тезек (4 338 метров) — последний в маршруте экспедиции. Опять густым басом гудят моторы и визжат шестерни передач. Медленно ползем вверх. С перевала, по ущелью одного из притоков Гунта, попадаем в долину, совершенно непохожую на все прежние. Зеленуют луга и посевы — ими занят каждый клочок земли. Широко развита поливка. По крутым склонам ущелья тянутся арыки, а иногда вода бежит по деревянным желобам, подвешенным на скальных стенах. Поливка резко улучшает урожайность. Недаром народы Таджикской республики прилагают усилия, чтобы к 1950 году довести площадь поливных земель до 50 тысяч гектаров. Это обеспечит

Через узкую выемку в ущелье мы увидели пик Патхор.

развитие производительных сил Курган-Тюбинской области и особенно Вахшской долины.

Вот, наконец, и кишлак Ванкала, на берегу бурного Гунта. Гунт — исходный пункт для развертывания работ нашей экспедиции.

* * *

Путешественники-географы второй половины прошлого и начала нашего века — Пржевальский, Мушкетов, Федченко, Липский, Корженевский и другие — вложили много труда и энергии в дело исследования горного Памира. По тем путям, где когда-то прошли экспедиции этих выдающихся исследователей, — по долинам, ущельям и перевалам Памира в наши дни проложены хорошие автодороги.

За годы советской власти работы по исследованию высокогорного Памира значительно расширились. Только за девять лет, с 1928 по 1937 год, советскими учеными был расшифрован ряд «белых пятен» на Памире — открыты хребты Петра Великого, Академии, Заалайский. До последнего времени сравнительно мало исследованным оставался лишь юго-западный Памир.

Ближайшей целью нашей экспедиции было восхождение на пик Патхор. На его вершине еще никто не бывал.

Снявшись со стоянки на Гунте, караван наш подошел к реке Патхор. Ее пришлось переходить вброд. Река

бурлила. Мутные волны с ревом перекатывались через огромные камни, грозя сорвать и унести с собой любого смельчака... Но мы благополучно переправились через этот бурный поток и разбили свой первый «Зеленый лагерь» на высоте 3 500 метров.

* * *

10 августа мы вышли из «Зеленого лагеря» к южному цирку, нагруженные тяжелыми рюкзаками со всем необходимым для длительного и сложного высотного восхождения. Путь проходил по крупным каменным осыпям из своеобразного, точно обожженного в печи, бурого камня.

Вечером 10 августа разбили лагерь на старой морене на высоте 4 400 метров, а утром 11 августа вступили на ледник. Выход на ледник был особенно сложным. Язык его представлял собой очень крутой ледовый склон. Пройти здесь было возможно только под скальным ребром, ограничивающим ледник.

Лишь к часу дня мы подошли к скальному гребню, гигантской черной стеной возвышавшемуся над ледником. Срываясь со склонов гребня, с грохотом летели вниз камни. Казалось, стена хочет устроить нас и заставить отказаться от дерзкой попытки взойти на доселе недосыгаемую вершину.

На высоте 5 300 метров мы остановились на ночевку. Быстро организовали высокогорную кухню и развернули походный лагерь.

Сон долго не приходил. Лежа, мы продолжали обсуждать свой план на завтра. Выход на ребро очень сложен. Как идти? Какое снаряжение брать? В какое время лучше выйти?

Изредка мы приоткрывали полы палатки и выглядывали наружу: какой-то будет погода завтра?

Под серебристым светом луны сверкали снежные склоны. Ущелья лежали далеко внизу, закрытые темным покровом тени, падавшей от хребтов. Стены гребня и пирамида Патхора казались еще более черными, угрюмыми и мрачными...

Морозило. К утру палатки изнутри покрылись толстым слоем инея. С сожалением покидали мы теплые спальные мешки.

После завтрака, по плотному, скованному морозом снегу, мы двинулись вперед и через два часа достигли скального гребня.

Отсюда открывался замечательный вид. На севере высились гиганты Центрального Памира. Ближе, внизу под нами, извилистой лентой протекал в ущелье озаренный солнцем, похожий на серебряную ленту Бартанг. На юге виднелся Шугнанский хребет, за ним Шахдаринский, а далее синели хребты Гиндукуша.

Снова в путь! Впереди отвесные скалы, видами любовать нечего.

Скалы круты и хрупки. Сколько нужно затратить труда, чтобы взойти на вершину гребня!..

К вечеру останавливаемся на ночевку на крутой скальной осыпи. Не-

бо черное. Далеко внизу поблескивает ледник.

Ночь проходит тревожно. Несмотря на сильное утомление, снова долго не можем уснуть. Почти всех мучит головная боль.

Утром выходить не торопимся: ждем, когда солнце обогреет скалы.

Наконец — в путь. Скалы все круче. Они плитчатого строения, и некоторые обломки неустойчиво лежат на крутых склонах. Достаточно ненадежного толчка, и движенье камней перерастет в мощный обвал.

Подходим к узкому кулуару, ведущему на гребень. С грузом по такому пути пройти невозможно. Снял рюкзак, выходит вперед Абалаков.

За малейшие выступы из скалах можно цепляться только кончиками пальцев. Со скрежетом срываются с камней ноги. Из-под ботинок, обитых гвоздями, сыплются искры. Чтобы удержаться от падения, Абалаков забрасывает веревку за редко попадающиеся острые выступы. За одним из них Абалаков скрывается из виду. Проходит несколько томительных минут. Наконец сверху слышится веселый голос. «Готово! Все в порядке: можно подниматься!» Пользуясь спущенной сверху веревкой, мы довольно быстро проходим этот сложный участок. Еще один такой же сложный участок, и мы останавливаемся на новый ночлег на высоте 6 300 метров.

* *

Ночью подул сильный ветер: здесь, на гребне, ему ничто не мешает. Он то режет, то пронзительно свистит и треплет наши палатки...

С утра восхождение возобновилось. Снова ползем по скалам. Пальцы кровоточат. Итти очень трудно.

Но вот, наконец, скалы кончились, начался снежный участок гребня, мы вздыхаем свободнее. Здесь сравнительно не круто. Итти легче. Показалась вершина, и это придает силы, хотя до нее еще далеко. Высота дает себя знать. Дышать тяжело.

Закрадывается сомнение: дойдем ли сегодня до вершины? Трое товарищей ушли вперед и скрылись в нагромождении скал, темневших впереди на гребне.

Каково же было наше изумление, когда через десять-пятнадцать минут, обогнув несколько массивных скальных выступов, мы вдруг увидели наших товарищей в двухстах метрах от нас.

Они стоят на скалах и что-то кричат.

Прислушиваемся. Но ветер относит звуки их голосов, и мы не слышим, а скорее чувствуем, что они кричат: «Вершина!..»

Действительно, это высшая точка хребта. Выше всех других соседних вершин.

Далеко на юге высятся гиганты Шахдаринского хребта. За ними в туманной дымке мощная стена Гинду-

куша, а рядом — бесконечное переплетение хребтов.

Внизу сейчас тепло, даже жарко, а здесь холодный ветер пронизывает нас насквозь, и, несмотря на теплые костюмы, мы дрожим. Мы сильно устали, но радость победы велика, и вид у всех нас веселый и бодрый.

С сожалением отрываем взор от прекрасного пейзажа и, пока Белецкий пишет записку о восхождении, быстро складываем тур (пирамидку из камней). Поставлены все подписи. Записка спрятана в банку и вложена в тур.

Еще раз полюбовавшись видом, начинаем спускаться.

Одна из задач экспедиции успешно решена. Надо готовиться ко второй.

* * *

Наша база — в Ванкала.

Вьючим караван. В его составе верблюд, лошади, ослы.

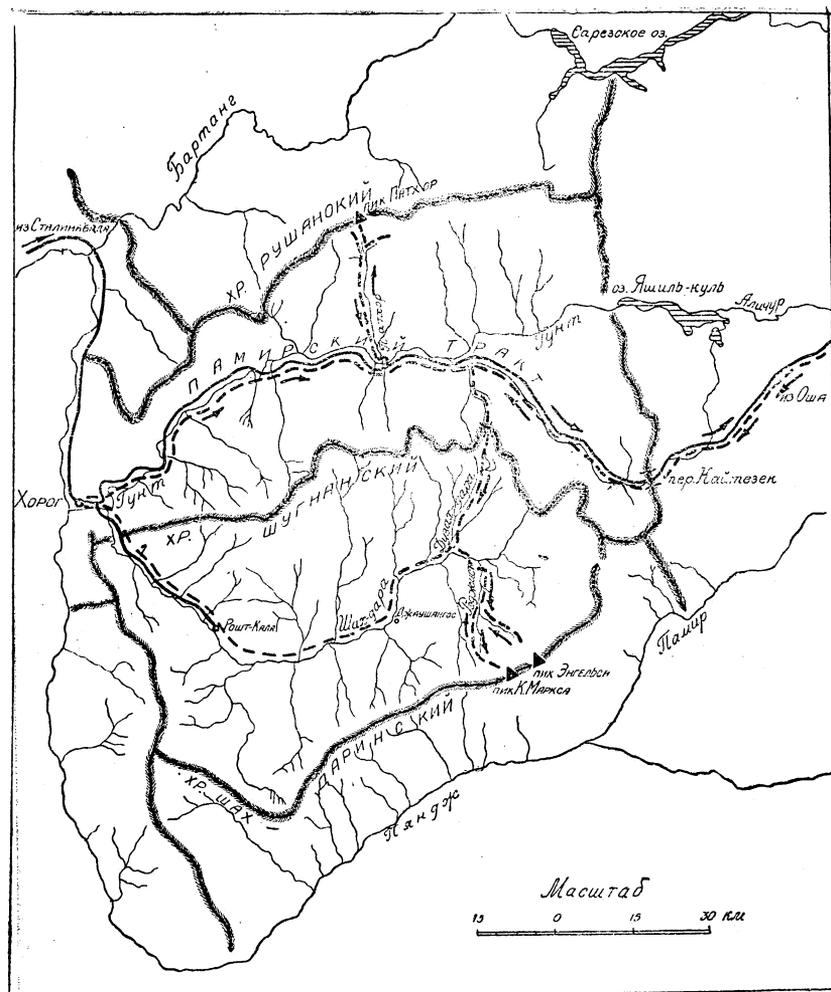
Вокруг нас собралась живописная толпа местных жителей. Они не только любопытные зрители, но и наши деятельные помощники.

Пройдя двенадцать километров по шоссе, сворачиваем в ущелье реки Дузах.

Движемся по тропинке, протоптанной скотом, на высоте двухсот—двухсот пятидесяти метров над ре-

Гигантской пирамидой из черных скал возник перед нами пик Патхор.

Памирской тракт и маршруты, пройденные экспедицией.

кой. Там, внизу, бурно катит свои пенные воды Дузах, весной многоводный, почти непреодолимый. Сейчас мы довольно легко переходим его вброд. Ущелье то расширяется, то суживается, переходя в теснину.

Теперь мы держим путь на пик Карла Маркса. Но как мы туда попадем? Карты района слишком неточны, указания местных жителей разноречивы. Одни говорят, что путь очень труден, что с караваном не

Десятого августа мы разбили лагерь на старой морене.

пройдешь. Другие говорят, что пройти легко...

Продвигаемся медленно, часто останавливаясь для перевыточки.

Тропка все круче. Начинается подъем на боковую морену.

Подходим к долине, расположенной на высоте двухсот метров над дорогой. Долина, заросшая густой травой, — редкое явление на таких высотах. Сюда на лето выгоняется скот. Мы видим большие стада овец и стадо яков.

Солнце склоняется к западу. Тень от хребта медленно подползает к якам, и они тянутся к своим загонам, на ночевку.

Раскидываем лагерь невдалеке от перевала.

Совсем рядом — цель наших стремлений, два гиганта Шахдаринского хребта, массивы пиков Маркса и Энгельса. Сверкают белоснежные шапки исполинских вершин.

Стоя на перевале, мы долго всматриваемся, определяя, с какой стороны лучше подойти к ним. Единственно намечаем ущелье реки Реджис.

Пик Карла Маркса производит на нас сильное впечатление. Его восточный склон, обращенный к пику Энгельса, почти отвесный. Южного мы не видим. Западный склон — снежный и достаточно отлогий. По нему, пожалуй, и несложно добраться. Но выход на гребень будет очень трудным. Его можно совершить со снежного плато, лежащего на высоте около 6 000 метров. Но это плато обрывается тысячеметровой скальной стеной, под которой течет ледник, стиснутый с обеих сторон почти отвесными стенами.

Отправляемся в путь. После утомительной переправы через две горные реки — бурную Шах-Дару и Реджис — мы, наконец, попадаем в ущелье реки Шабой.

Отсюда открылся вид на пирамидальный пик Энгельса. Пик Маркса скрывался за поворотом. Мы разбили лагерь у слияния рек Шабой и Хацак. Отсюда нами были отправлены разведывательные группы по всем возможным направлениям.

Результаты разведки были неутешительные: пик казался недосягаемым. Наконец мы обнаружили боковой ледник. Под нависшими снежными валами крутого соседнего склона как будто можно было подняться на плато...

3 сентября 1946 года мы вышли на штурм вершины. Тяжелые рюкзаки гнули к земле. Ледяной склон был очень крут и опасен. Пришлось рубить ступени. Сухой лед плохо поддавался ледорубу. Да и ступени, вследствие крутизны склона, не обеспечивали достаточной безопасности. Потребовались ледовые крючья. Наконец этот сложный ледовый участок остался позади, и мы вышли на плато.

Горизонт сразу расширился. Вершины совсем близко. Их отвесные

Развалины крепости Шашеват у реки Шах-Дары.

стены пугают своей неприступностью. Все чаще набегают облака. Они закрывают солнце, и тени от них темными пятнами ползут по ослепительно-белому плато и снежным склонам.

5 сентября мы вышли на гребень. Погода ухудшилась. Она заставила нас рано остановиться на отдых и пережить неприятную, холодную ночь. Бешеный ветер рвал палатки. Сон был тревожный. Не обрадовал нас и рассвет. Облака закрывают не толь-

ко небо, но и все соседние склоны. О восхождении нельзя и думать.

Еще тяжелее была следующая ночь. Мороз доходил до -25°C . На такой высоте и пронизывающем ветре перенести его было исключительно трудно.

Не отдохнув, вышли мы утром в дальнейший путь. Руки мерзли даже в меховых варежках.

Тяжело дышать, сильно устают но-

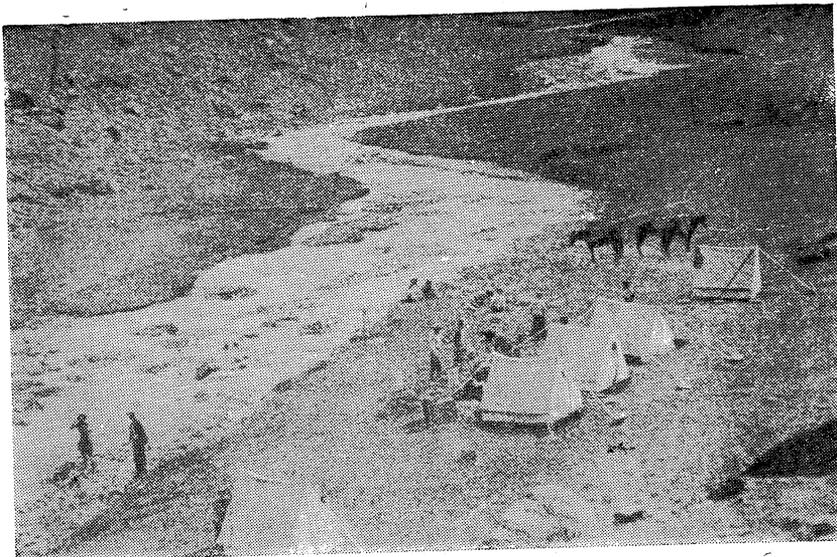
ги. Все же мы упорно идем вперед.

Вот она, непомерной высоты вершина, которая издали казалась пятнышком с булавочную головку! Итти прямо по скальной стене при такой высоте и такой погоде было бы безумием. Неужели повернуть назад, не завершив восхождения?..

Переглядываемся. Во взгляде у всех тревога. Однако вскоре мы находим более легкий путь. Последние

Утомительной была переправа через бурную Шах-Дару.

...Разбили лагерь у слияния рек Шабой и Хапак.

Происходит выючка каравана.

Снег, пронизывающий ветер, но мы упорно движемся вперед к вершине пика Карла Маркса.

усилия. Все утомлены до предела, но близость вершины действует ободряюще.

Усталые, но довольные своей победой, мы, наконец, на вершине.

Радость наша была, однако, не полной. Облака покрыли плотной пеленой соседние хребты, и мы не могли насладиться видом, который должен был открыться перед нами с этой высочайшей вершины.

Быстро сложили тур. Вложили записку и, распростившись с вершиной, начали спуск по новому пути на юг, к Пянджу.

В Пяндже мы вздохнули свободно и поздравили друг друга с успешным окончанием основной части работы нашей экспедиции.

* * *

Через несколько дней мы принимали серные ванны у старинной разрушенной крепости на берегу бурной Шах-Дары. На костре жарилась форель, наловленная нашими рыболовами.

Вскоре мы прибыли в Хорог — столицу Горно-Бадахшанской автономной области. Когда-то он представлял собой пограничный военный пост, заброшенный в далеких горах. Там было несколько домиков и гарнизон в сотню казаков. Путь к нему лежал по ущельям Памира, и чтобы попасть сюда с широкими проездных дорог, нужно было затратить много дней пути. До советской власти в Южном Таджикистане не было никаких путей сообщения, и, по существу, единственным видом транспорта являлся вьючный. В годы сталинских пятилеток здесь началось усиленное строительство новых, просторных дорог. Памирский тракт связал Хорог с городом Ош в 1933 году, а в 1941 году Хорог был связан трактом имени Сталина со Сталинабадом.

К 1950 году намечено провести расширение тракта имени Сталина, реконструировать магистраль Сталинабад—Куляб и построить ряд мостов через горные реки. Кроме того, будут построены две железнодорожные ветки. Все это значительно улучшает транспорт в горах Памира.

Сейчас в Хоробе насчитывают не одну тысячу жителей. В Хоробе есть драматический театр, кино, городской парк культуры и отдыха, педагогический техникум. Под Хоробом, на реке Гунт, построена гидроэлектростанция, которая дает городу не только свет, но и тепло, заменяя топливо. Электробаня в Хоробе, пожалуй, одна, из первых в нашем Союзе. В ближайшие годы в Хоробе будет сооружен водопровод. В городе много зелени. Он имеет чистый и опрятный вид.

Простившись с Хоробом, взглянув еще раз на любимые горы, мы не без сожаления уехали в Москву.

В последние дни

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

Рис. Б. Винокурова

Рассказ

В тот самый день, когда по радио сообщили, что Берлин взят нашими войсками, летчик Коля Серов был сбит зенитным снарядом.

Это видел летчик Лунин, всегда летавший вместе с Серовым. Они вдвоем кружили над морем, следя за движением немецких кораблей, удиравших из Либавы. В Либаве и ее окрестностях немцы были вплотную прижаты к морю нашими войсками и могли удирать только по воде. Истребители Лунин и Серов вели разведку: выслеживали немецкие суда.

Оба они знали, что война вот-вот кончится, что немцы обречены и что эта разведка, быть может, последнее боевое задание, которое им поручили. Чувство торжества и счастья не покидало их в полете ни на мгновение. А между тем разведка оказалась трудной, потому что ветер гнал по морю длинные полосы тумана. Коля Серов только оттого и попал под снаряд, что слишком близко подошел к вражескому суденышку, стараясь разглядеть его сквозь туман.

У Лунина горючего оставалось на семь минут полета — ровно столько, сколько нужно, чтобы долететь до аэродрома. Он как раз собирался повернуть к дому и приказать Серову следовать за собой. Они могли разговаривать друг с другом в полете, потому что у обоих были шлемофоны — особые радиоаппараты, помещавшиеся в их летных шлемах. Но не успел он произнести и слова, как услышал у себя в шлемофоне резкий грохот, — это в самолете Серова разорвался снаряд. Лунин обернулся, увидел пылающий самолет, вoločающий за собой столб бурого дыма, и помчался к нему.

Серов выпрыгнул из самолета. Метров восемьсот пролетел он, не раскрывая парашюта. Наконец парашют раскрылся, и падение резко замедлилось. Лунин успел, снижаясь, два раза облететь вокруг Серова, прежде чем тот коснулся гребней волн.

Как и все морские летчики в последний год войны, Серов был снабжен резиновой лодкой, занимавшей в сложенном виде очень мало места и раскрывавшейся от прикосновения к воде.

Не успел Лунин сделать третьего круга, как лодка Серова раскрылась. Она была похожа на байдарку или на каяк эскимоса. В ней сидел Серов и махнул Луину рукой.

Летя теперь над самой водой, Лунин с удивлением заметил, как высоки волны. Сверху, с высоты двух тысяч метров, где он только что был, море не казалось ему таким бурным. Серов в своей лодочке подпрыгивал на белых гребнях. Волосы его развевались на ветру, — он, падая, потерял свой шлем.

Лунин ничем сейчас не мог ему помочь. Он убедился, что немецкого судна, сбившего Серова, отсюда, снизу, не видно. До берега было километров восемь. Горючего у Лунина осталось на три минуты. Медлить больше невозможно. Он взмыл и помчался.

Чтобы добраться до аэродрома, ему нужно было долететь до берега и перемахнуть через береговую полосу, где все еще держались немцы. Аэродром был расположен позади немцев, на полянке посреди леса, и на такой далекий путь горючего уже никак хватить не могло. Был только один выход: за оставшиеся три минуты подняться как можно выше и оттуда, с высоты, попытаться спланировать на аэродром. И Лунин понесся к берегу, круто набирая высоту.

О себе он не беспокоился. Лунин был уже не молод, двадцать лет проработал в авиации, обучил несколько поколений летчиков, служа инструктором в летной школе. Он провоевал всю войну с первого дня и управлял самолетом, как собственным телом, почти без размышлений, твердо и уверенно. Он думал только о Серове. Коля Серов был гораздо моложе Лунина и казался ему почти ребенком. Последние три года они

не разлучались: жили вместе, во всех полетах и боях были вместе. Летчики-истребители летают парами, и такую пару составляли Лунин и Серов, — Лунин был ведущий, а Серов ведомый. В воздушном бою ведущий выслеживает и догоняет противника, наносит ему удар, а ведомый сзади охраняет ведущего, потому что летчик-истребитель на самолете один и не может одновременно смотреть и вперед и назад. Серов, охраняя Лунина, столько раз спал от смерти, что между ними установилась совсем особая близость, редко встречающаяся между людьми других профессий.

Три минуты кончились, когда Лунин находился как раз над береговой чертой. Мотор замолк, наступила странная, непривычная тишина. В этой тишине самолет продолжал двигаться вперед, медленно снижаясь. Немецкая зенитка раза три выстрелила по Лунину и замолчала, — слишком еще высоко он находился, чтобы надеяться в него попасть. Ветер дул с моря попутный и очень помогал Лунину; однако над линией фронта он прошел уже так низко, что мог различить пулеметчиков, лежавших у пулеметов. Теперь до самого аэродрома был только лес, ни одной поляны, где можно было бы сесть. Лунин медленно плыл на беззвучном самолете над щетиною елок, которые, казалось, поджидали его. Прямо перед собой он увидел бугор, поросший лесом, и в течение нескольких секунд был почти убежден, что этого бугра ему не преодолеть. Но порыв ветра перетащил его через верхушку бугра. Отсюда уже виден был аэродром. Самолет Лунина выпустил шасси. Почти касаясь колесами острых еловых вершин, он пролетел последнюю сотню метров и опустился на самый край аэродрома.

Приказав своему технику заправить самолет горючим, Лунин побежал к землянке, где помещался командный пункт полка. Снег сошел еще совсем недавно, на аэродроме блестяли лужи. Меховые унты Лунина сразу намокли, и бежать было трудно. Пар валил от него, когда он, запыхавшийся, стоял перед командиром полка и докладывал о том, что случилось с Серовым.

Офицеры штаба полка, сидя между необтесанных бревен, подпиравших потолок, были сегодня заняты той же работой, что всегда: говорили по телефону с дивизией, составляли донесения, чертили графики боев; как всегда, несколько летчиков, неуклюжих и огромных, словно медведи, толпились у входа в ожидании приказаний; как всегда,

как каждый день, дневальные и связные топили печурку, подметали пол. Но на всех лицах сегодня было что-то новое — торжественное и счастливое. Все они уже знали, что победа одержана, что Берлин взят, что вот-вот немцы капитулируют — и войне конец.

Выслушав доклад Лунина, командир полка приказал немедленно позвонить в дивизию, чтобы на помощь Серову выслали гидросамолет и катер. Посмотрев на лицо Лунина, расстроенное, утомленное и раскрасневшееся, он сказал ему мягко:

— А вы пойдите и отдохните.

К Лунину в полку относились с особым уважением не только потому, что он был один из лучших летчиков, но и потому, что он был старше всех по возрасту. Сам командир полка лет десять назад курсантом учился у Лунина фигурам высшего пилотажа. Он всегда старался предоставить Лунину покой и отдых, если это было возможно. Но Лунин не ушел. — Гидросамолет могут подбить «Фокке-Вульф», — сказал он.

— Я вышлю кого-нибудь из наших летчиков для сопровождения гидросамолета, — ответил командир полка.

Лицо Лунина стало упрямым.

— Они не найдут, — сказал он. — А я знаю это место наизусть.

Командир понял, что удерживать его не стоит. Лунин выскочил из землянки командного пункта и, тяжело дыша, побежал к своему самолету.

С гидросамолетом он встретился в условленном месте над морем. Гидросамолет с трудом преодолел ветер, который стал еще сильнее. Два длинных поплавка, подвешенных снизу, — реданы — делали эту машину медлительной и неповоротливой в воздухе. В безветренную погоду гидросамолет, конечно, имел бесспорные достоинства, так как был силен и мог поднять много груза, но при ветре летать на нем было трудно. Ветер не обтекал его, а ударял плашмя в его широкое тело с разными пристроечками и башенками, сбивал с курса, кренил, поворачивал. Лунин кружился перед ним, то залетал далеко вперед, то возвращался, чтобы не потерять его из виду. Эта необходимость возвращаться раздражала и тревожила Лунина. Он чувствовал, что приближаются сумерки.

В сущности, сумерки уже начинались. День был пасмурный, тусклый, но к этой тусклости примешивалась уже особая тень, — знак близящейся ночи. Еще чуть-чуть стемнеет, и не легко

Наконец парашют раскрылся.

будет отыскать Серова в его крохотной лодочке среди бесконечного простора моря. Не совладав со своим беспокойством, Лунин оставил гидросамолет далеко позади и помчался вперед один.

Он то взмывал ввысь, чтобы видеть как можно шире и дальше, то опускался к самым волнам, чтобы лучше их разглядеть. Волны испугали его. Они вздымались тяжелыми бурными буграми, рябыми от ветра, и были теперь гораздо больше, чем во время его прошлого полета. Ветер, как назло, крепчал, тучи стремительно неслись над морем, разыгрывалась буря, и страшно было подумать, что должен был чувствовать Коля Серов в своей крохотной лодочке. Жив ли он еще?

И вдруг Лунин заметил над морем хорошо знакомый ему силуэт «Фокке-Вульфа».

Немецкий истребитель взлетал свечкой вверх, потом переворачивался и почти отвесно шел к воде, стреляя из пулемета. Вода кипела под ним от пуль. Выпустив очередь, «Фокке-Вульф» переворачивался над самой водой и опять несся вверх, чтобы снова ринуться вниз, стреляя.

Круто повернув, Лунин помчался к «Фокке-Вульфу». Но немец, заметив советский истребитель, бросил свое занятие и на предельной скорости понесся к берегу. В эти последние дни войны немецкие летчики уже не решались вступать в бой с советскими самолетами.

Лунин не стал его преследовать. Он домчался до того места, где только что вода кипела под пулями, и увидел маленькую лодочку, которая качалась на волнах. Серов не сидел в лодочке, а лежал ничком. Лунин видел только его спину и теперь уже не сомневался, что «Фокке-Вульфу» удалось застрелить Серова. Вдруг Серов поднял лицо и, взглянув прямо на самолет Лунина, сел и замахал рукой. Несмотря на сумерки, Лунин был убежден, что Серов ему улыбнулся.

Лодочка Серова с необыкновенной легкостью взлетала на гребень волны, а потом скользила вниз, в провал между волнами. Надутая воздухом, она оказалась удивительно устойчивой. Серов сидел в ней и греб руками, как веслами. Он греб, направив нос лодочки в сторону открытого моря, стараясь уйти от захваченного немцами берега, к которому его несло ветром.

Лунин давно уже заметил, что расстояние между Серовым и берегом сильно уменьшилось. Гребя ладонями, трудно держаться против такого сильного ветра. Да и долго ли можно так грести? Ветер принесет его к немцам. Лунин сделал круг и опять помчался к Серову. На этот раз он пронесся от него так близко, что едва не задел. В течение мгновения между ними было не больше двух-трех метров, и все же он не мог ничем помочь ему, не мог сказать ему ни слова. Промчавшись мимо, он увидел приближающийся гидросамолет.

Гидросамолет шел низко над водой, почти касаясь верхушек волн своими длинными поплавками. Командир экипажа, — на гидросамолете был экипаж из трех человек, — вел свой странный, похожий на громадную водяную птицу корабль прямо к Серову.

Лунин ждал, что гидросамолет вот-вот сядет на воду и подберет Серова. Но случилось не так. Вместо того чтобы сесть, гидросамолет понесся дальше, слегка набирая высоту. Отойдя метров на двести, он сделал круг и полетел обратно. Но опять не сел возле Серова, а пронесся мимо.

Лунин связался с командиром гидросамолета по радио.

Лунин побежал к землянке.

задержка вывела Лунина из себя. Темнота сгустилась каждое мгновение, через несколько минут он уже и сам не найдет Серова.

Не имея возможности разговаривать по радио с командиром катеров, он связался с командным пунктом своего полка. Может быть, там что-нибудь знают. С командного пункта полка позвонили на базу катеров, а тем временем, пока тянулись эти переговоры, все три катера повернули и пошли прочь, в открытое море. Лунин в отчаянии и бешенстве кружил над ними. Наконец с командного пункта полка ему сообщили:

— Мины.

— Какие мины?

— Море в этих местах заминировано. Серов находится в самой середине минного поля. Катеры подойти к нему не могут. Вот если бы не так темно...

Все это было похоже на какое-то колдовство. Слово заколдованный, сидел Серов в своей резиновой лодочке, и снять его оттуда не было никакой возможности. Совсем стемнело. Лунин больше не видел ни волн, ни Серова. Дальнейшие попытки спасения пришлось отложить до утра. Лунину оставалось только одно: вернуться на аэродром. В мучительной тоске летел он над темным морем, над темным лесом.

Мины Серову не страшны, — лодочка его слишком легка, чтобы подорваться на mine. Не страшны ему пока и «Фокке-Вульфы», — они не найдут Серова в темноте. Вот разве на рассвет... Но увидит ли еще Коля Серов этот рассвет? Его или перевернет волной, или вынесет на берег, к немцам...

Сдав самолет технику, Лунин, не ужиная, побрел по темному пустынному аэродрому к кубрику. Морские летчики, подобно морякам, то помещение, в котором спят, называют кубриком. Обычно это просторная землянка на краю аэродрома, защищенная от вражеских бомб тремя-четырьмя накатами толстых бревен. В кубрике, где жил Лунин, горела яркая электрическая лампа, озарявшая девять коек. Летчики уже поужинали и только что пришли из столовой. В столовой они слушали московскую радиопередачу, полкуют подробности взятия Берлина, и обсуждали ее, рассаживаясь по своим койкам.

Они все уже знали о несчастье с Серовым и, увидев Лунина, примолкли. Они любили Серова, боялись за его судьбу и жалели, что в такой счастливый день его нет вместе с ними. Им было жалко и Лунина, — лысеющий, пожилой, с утомленным лицом, он, казалось, осунулся за этот день и еще постарел. Они стали убеж-

дать его, что, пока Серов жив, еще не все пропало, и советовали ему пойти поужинать.

Но Лунину совсем не хотелось есть. Не раздеваясь, он лег на свою койку. Койка Серова была пуста. Лунин всегда спал рядом с Серовым, между их койками стояла только небольшая тумбочка, вроде шкафчика, служившая им обоим. Лунин привык видеть совсем близко голову Серова с раскинутыми по подушке почти желтыми волосами, привык слышать его дыхание. Дверца тумбочки была выломана, и там внутри, на виду у всех, лежали вместе мелкие вещи Лунина и Серова. У Лунина вещей было мало: зубная щетка, бритвенный прибор; зато Серов хранил в тумбочке много всяких пустяков, которыми эчег дорожил. Карандашик в металлической оправе, трубка с чортиком, кинжал, набор зажигалок и мундштуков, коробочки, флакончики, даже пуговицы... В увлечении Коли Серова этим вздором было много еще совсем детского, очень милого для Лунина. Каждая эта вещь была ему хорошо знакома, и, глядя на них, он вспоминал смех Серова, его веселые, смелые, добрые глаза. Толстой пачкой лежали в тумбочке письма, которые Серов получил из дома за три года войны. У него были отец, мать и две сестры, обе моложе его, младшая совсем маленькая. У Лунина не было родных, — родители давно умерли, а своей семьей он не обзавелся. Родных Серова он никогда не видел, но знал о них все, словно прожил вместе с ними много лет. Серов всегда рассказывал ему про них, показывал все письма из дому. И Лунину было хорошо известно каждое письмо в этой пачке.

Все уже спали, и один только Лунин бессонными глазами глядел в потолок, когда в кубрик вошел командир полка. Он подошел к койке Лунина, сел у его ног и вполголоса, чтобы никого не разбудить, стал обсуждать с ним план спасения Серова. Он говорил деловито, не втражая ни сожалений, ни соболезнований, не уверяя, что все непременно кончится благополучно. И за эту сдержанность Лунин был ему благодарен.

Они оба сразу сошлись на том, что Лунину следует вылететь при первых проблесках зари, чтобы найти Серова раньше, чем его найдут «Фокке-Вульфь». Командир полка больше не предлагал послать кого-нибудь вместо Лунина. Опять было решено испытать и катеры и гидросамолет. Ничего другого нельзя было придумать.

— Прогноз погоды на завтра хороший, — сказал командир полка, уходя. — Через час ветер уляжется и волны станут меньше.

После его ухода Лунин вышел из землянки посмотреть, что делается на дворе. Ночь для начала мая была на редкость темная, черные тучи низко неслись над лесом, ветер кидал из стороны в сторону тяжелые лапы елей. Все это не предвещало ничего доброго. О хорошей погоде командир полка говорил, конечно, просто так, в утешение.

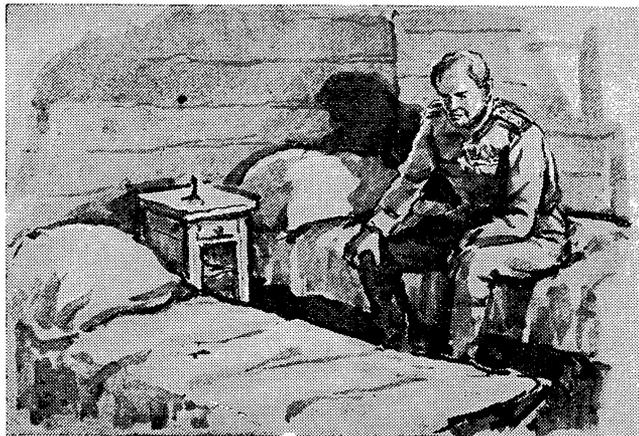
Вернувшись в кубрик, Лунин опять лег на свою койку, даже не пытаясь заснуть. Светало очень рано, до рассвета оставалось часа два. Два часа пролежал он, не двигаясь. Потом снова вышел.

Ночь еще не кончилась! Но как все изменилось! Тучи исчезли, и большие звезды сияли на высоком небе, начинавшем уже слегка бледнеть. Очертания деревьев неподвижно чернели в холодном воздухе. Ветра не было.

На востоке, за лесом, чуть-чуть розовело. Пора. В тающих сумерках самолет Лунина понесся на запад.

Он перелетел через немцев, прижатых к берегу, и был уже далеко над морем, когда сзади, из-за берега, встало солнце. Оно сначала позолотило легкие облачка в вышине, потом озарило самолет. Лучи его сверкали так ослепительно, что в сторону берега было нестерпимо смотреть. И только до моря они еще не добрались, — над морем все еще клубился сумрак.

Но вот, наконец, озарилось и море. Волны были велики, но катились как-то лениво. Ветер не рябил их, как вчера, не срывал с них верхушки, не пенил. Ни клочка тумана над волнами; весь огромный простор был отчетливо виден от горизонта до горизонта.

Койка справа была пуста.

Бесконечная сияющая пустыня. Ни дымка, ни паруса. И нигде ни малейшего признака лодочки.

Лунин несся то вверх, чтобы видеть подальше, то над самыми волнами, чтобы не пропустить ни одного метра поверхности. Он то приближался к берегу, то уходил в открытое море. Он сворачивал все чаще, кидаясь то в одну сторону, то в другую. Серова не было.

Лунин в отчаянии готов был уже сообщить на командный пункт, что ночью Серов погиб и дальше искать его бесполезно, как вдруг на поверхности моря, в стороне берега, заметил несколько всплесков, — словно большая рыба, разыгравшись на солнце, пыталась выскочить из воды. Лунин отлично знал, что это такое. Такими с высоты кажутся разрывы артиллерийских снарядов, упавших в воду. Немецкие береговые батареи обстреливали море. Почему?

Солнце, висевшее над самым берегом, слепило глаза и мешало смотреть. Лунин мчался навстречу солнцу, к берегу. Теперь, когда он подлетел ближе, разрывы снарядов казались ему не всплесками, а столбами белой пены и бурого дыма. Эти столбы, возникающие на широком пространстве, были особенно густы в одном месте. И там, где разрывы снарядов были гуще всего, Лунин увидел лодочку Серова.

Лунин понял, почему он не видел ее до сих пор. Она находилась слишком близко от берега, ближе, чем он предполагал, и солнце мешало ему смотреть. От Серова до берега было не больше двух километров.

Немцы видели Серова отлично, солнце им не мешало, и они били по нему прямой наводкой. Снаряды разрывались то справа от него, то слева, то перед ним, то за ним. В такую маленькую цель попасть не легко, и все же некоторые снаряды разрывались так близко, что лодочку подкидывало. Среди всех этих взрывов Серов неподвижно сидел в своей лодочке, ко всему равнодушный. Казалось, он дремал. Он больше не греб руками, — вероятно, у него не было сил гребсти. Может быть, он умер? Но когда Лунин пронесся над самой головой Серова и обернулся, ему показалось, что Серов приподнял голову и смотрит на него...

Наконец появился гидросамолет. Ветра не было, гидросамолет мог сесть на воду, не рискуя перевернуться. Лунин помчался к нему навстречу, чтобы привести его к Серову. Теперь Лунин был спокоен. Если в ближайшие три минуты ни один снаряд не попадет в лодочку, Серов будет спасен.

Гидросамолет сел на воду в полукилометре от Серова и, как большая белая водяная птица, поплыл к нему, оставляя за собой длинный пенный след. И сразу же немецкие артиллеристы, обрадовавшись, что перед ними такая крупная мишень, оставили Серова в покое и перенесли весь огонь на плывущий гидросамолет. По Серову стреляла одна батарея; по гидросамолету было по крайней мере пять батарей, весь берег осыпал его снарядами. Столбы воды еже секундно обступали его со всех сторон.

Гидросамолет несколько замедлил ход, свернул сперва вправо, потом влево. Некоторое время он, плывя широкими зигзагами, все еще пытался двигаться в сторону Серова. Но скоро взрывы окончательно преградили ему путь, и он только метался, стараясь увернуться. Лунин понял, что гидросамолет погибнет, если сейчас же не взлетит. И гидросамолет взлетел.

Лунин низко носился большими кругами над Серовым, мучаясь от своей беспомощности. Немцы на берегу окружены, разгромлены, и надеяться им не на что. Серов жив, качается на волнах в своей лодочке, озаренный ласковым майским солнцем, лучший друг его, Лунин, то и дело пронесится над самой его головой, и все же он обречен и спасти его никак не удастся. Гибель Серова не принесет немцам никакой пользы, их злоба бессмысленна, и все-таки они его погубят. Неужели им позволят его погубить? Не может этого быть!

Командный пункт полка поминутно запрашивал Лунина о положении дел. Из переговоров по радио Лунин знал, что наши авиационные, морские и сухопутные части, расположенные вокруг на сто километров, знают о Серове и внимательно следят за его судьбой. Сам командующий флотом приказал сделать все возможное, чтобы Серов был спасен. И действительно, все возможное делалось, — там, за минным полем, уже сияли на солнце присланные для спасения Серова катеры.

По правде сказать, к их появлению Лунин вначале отнесся довольно равнодушно, — они ведь приходили сюда и вчера вечером. Впрочем, на этот раз у них, видимо, был какой-то особый план. Два катера — один совсем маленький, другой побольше — двинулись необыкновенно сложным и извилистым путем, в глубь минного поля. Лунин понимал, что вблизи от берега мин нет и что минное поле уже осталось позади Серова, — немцы обычно не ставили мин у самого берега, чтобы дать возможность своим судам двигаться вдоль береговой полосы. Но катерам, стремящимся подойти к Серову со стороны открытого моря, нужно преодолеть широкое заминированное пространство.

Они шли ощупью, один по следу другого, то сворачивая, то останавливаясь, иногда даже пятясь назад. Оба катера медленно, но упорно приближались к берегу, и мало-помалу их движения становились все увереннее. Видно, самую страшную часть минного поля им удалось уже преодолеть.

И все-таки Лунину казалось, что они совершили этот опасный и сложный маневр напрасно. Он знал, что катер еще лучшая мишень для артиллерии, чем плывущий по воде гидросамолет.

Немцы пока не стреляли. Они притаились, следя за движением катеров, чтобы подпустить их поближе и бить наверняка. И первый снаряд взорвался как раз в то мгновение, когда оба катера, почувствовав, что вышли на свободную воду, понеслись вперед.

Они неслись, а снаряды рвались вокруг, и сверкаю-

щие столбы воды обступали их все гуще и гуще. И вдруг над передним катерком возникло небольшое, плотное облачко дыма. Лунину сначала показалось, что в катер попал снаряд и поджег его. Нет, он ошибся. Облачко дыма росло, росло, росло, протянулось за катером бесконечным хвостом и, повиснув огромным занавесом, скрыло полморя. И Лунин, ликуя, понял: дымовая завеса!

Немцы также поняли, и огонь всех своих батарей сосредоточили на маленьком катерке. Волоча за собой все расширяющийся дымный хвост, он, бесстрашный, мчался, нет, не к Серову, а прямо к берегу, по kloкочущему от взрывов морю. Потом повернул и понесся между берегом и Серовым. Опять повернул и сам скрылся за своею завесой.

Стена плотного дыма, растянувшись на много километров, скрыла от немцев и Серова и оба катера. Немцы перестали стрелять. Лунин тоже ничего не видел, потому что и сам попал в дымную мглу, подымавшуюся все выше.

Когда он, наконец, из нее выбрался, он снова нашел лодочку Серова. Она была пуста. Два катера осторожно пробирались гуськом через минное поле, направляясь в открытое море.

Час спустя Лунин сидел в землянке командного пункта полка и звонил по телефону на базу катеров. Оттуда ему сообщили, что Серова уже привезли.

— Ну, как он? Здоров?

— Здоров.

— Что делает?

— Спит.

Лунин и сам очень хотел спать. От бессонной ночи, от длинного полета, от пережитого волнения он весь полон был счастливой усталости. Он пошел в кубрик, разделся и лег. «Серов спасен», думал он, засыпая.

Спал он спокойно и очень долго, много часов. «Серов спасен!» подумал он, проснувшись. Он пошел в землянку командного пункта и опять позвонил на базу катеров.

— Серов спит, — ответили ему.

— Еще не просыпался?

— Не просыпался.

В этот день так ему и не удалось поговорить с Серовым, — Серов спал. Только на следующее утро Серов, наконец, подошел к телефону.

— Коля!.. Ну, как, выспался?

— Выспался.

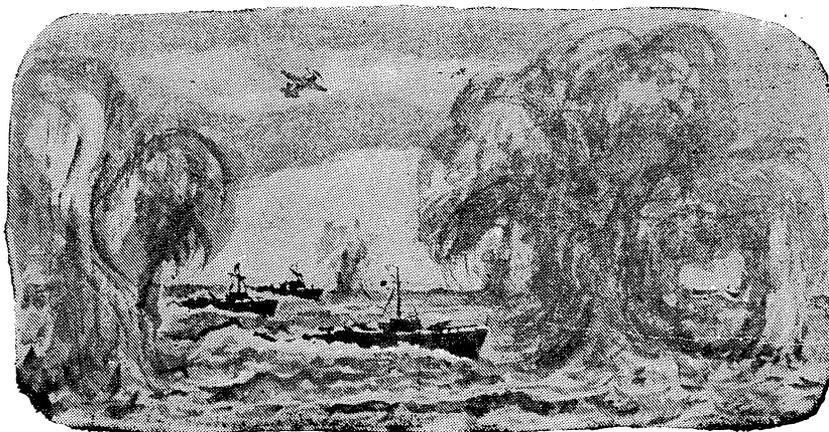
— Очень было трудно на лодке?

— Очень. Ночью меня чайки измучили, кружились надо мной, садились на голову, на плечи, я только и делал, что гонял их... Я знал, что меня выручат.

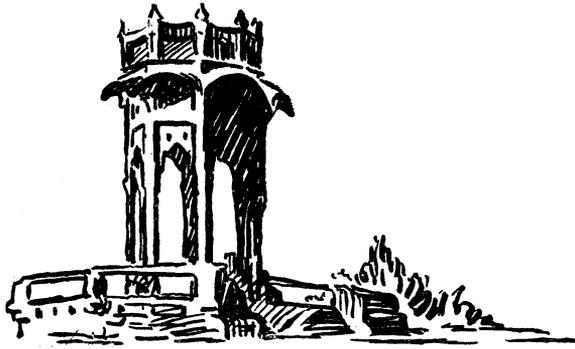
— Знал?

— Не сомневался... А ты слышал новость? Только что сообщили — Германия капитулировала.

Война кончилась. Это был первый день мира.

Они неслись, а снаряды рвались вокруг.

По городам и дорогам Индии

Акад. В. П. ВОЛГИН

Первая часть нашего пути шла почти точно с севера на юг — от Москвы, через Баку и Тегеран, до Басры на берегу Шат-эль-Араба, недалеко от его впадения в Персидский залив. За два летних дня мы перенесли из морозной московской зимы в обстановку теплого и влажного лета; из сосновых лесов, окружающих Внуковский аэродром, в рощи финиковых пальм в окрестностях Басры, у Шат-эль-Араба.

Вылетев из Москвы в 7 часов 30 минут утра, к 3 часам дня мы были уже в Баку, где ночевали.

Утро следующего дня было сырое и туманное, но самолет наш быстро прошел полосу тумана и вновь вышел в солнечный день. Уже через час полета перед нами раскрылась панорама горного хребта, тянувшегося с запада на восток. Миновав перевал, мы пошли вдоль южного склона заснеженных гор и спустя два с половиной часа опустились в Тегеране. В Тегеране уже было сухо, светило солнце, но чувствовалась значительная высота над уровнем моря.

Путь от Тегерана до Басры пролегает над высокими горными кряжами южного Ирана. Проходит около часа полета, и перед нами вновь грандиозная горная страна. Самолет начинает подниматься вверх: отдельные горные вершины достигают здесь высоты более 4 000 метров, а мы летим на высоте около 4 500 метров. Это наивысшая точка подъема за все время нашего пути.

После перелета через горы самолет начал быстро спускаться вниз, к равнине Месопотамии, к границе Ирака. Пейзаж резко изменился. Под нами была низменность, вся изрезанная многочисленными водными потоками: Шат-эль-Арабом, его разветвленной дельтой и каналами. Для посадки нам был указан аэродром в сорока с лишним километрах от Басры. На этот раз мы видели Басру только с воздуха и могли разглядеть лишь большое поселение на берегу Шат-эль-Араба да паромы, стоящие у пристаней (до Басры по Шат-эль-Арабу поднимаются большие морские суда).

На следующий день, вылетев рано утром и в течение нескольких минут пройдя над дельтой Шат-эль-Араба, мы оказались над Персидским заливом. Мы летели ближе к аравийскому берегу, держа курс на Бахрейские острова и Оман (юго-восточный выступ Аравии). Персидский залив сверху замечательно кра-

сив, особенно когда над его яркой голубой поверхностью разбросаны мелкие ярко-белые кучевые облака, оттеняющие голубизну воды. Кое-где в заливе видны небольшие острова, резко выделяемые зеленой полосой прибрежных водяных растений.

После полета над заливом мы приземлились для заправки самолета на Бахрейнских островах. Это уже Аравия и по природе и по быту. Аэродром под началом англичан обслуживают арабы.

Желто-серая песчаная почва. Город с узкими улочками, плоские крыши домов. Рощи пальм. Мулы, нагруженные поклажей, как и во времена царицы Савской, и рядом — дряхлые, «осланнные» на Бахрейнские острова такси, в которых увидишь иногда и араба в его исконном одеянии, так мало гармонирующим с автомобилем.

За Бахрейнскими островами, миновав еще одну излучину Персидского залива и песчаный, изрезанный гольми, скалистыми горами северный выступ Омана, мы вышли к Аравийскому морю, составляющему большой залив Индийского океана между Аравией и Индией. Дальше наш путь пролегал над морем, вдоль желто-се-

рых пустынных южных берегов Ирана и Белуджистана. Безлюдье этих берегов, как и берегов Аравии, поражает: невольно возвращается мысль к тому, как мало удалось здесь человеку воздействовать на природу. Вероятно, эти берега имели такой же вид и во времена походов Александра Македонского в Индию. Кстати, нам показали место, где, по преданию, происходила высадка войск Александра с кораблей.

Долететь до Карачи засветло нам не удалось, и мы приземлились на маленьком, заброшенном на побережье Белуджистана аэродроме Джоуанни. Ночь в Джоуанни врезалась в память. Это была теплая, совсем летняя ночь. Феерически ярко светила луна, стоявшая почти в зените.

На следующее утро мы вылетели на заре и видели восход солнца на море. На север от нас тянулось то же пустынное побережье. Направо поднималась с моря высокая стена облаков, ярко-розовых в лучах восходящего солнца, перламутрово-серых в тени.

Перелет до Карачи занял не много времени. Скалистые берега сменились вскоре обширной, низменной, во многих местах заболоченной дельтой Инда. Мы — в Карачи и, следовательно, в Индии.

Последний перелет Карачи—Дели проходил уже над

В октябре 1946 года Академия наук СССР получила приглашение на сессию Всеиндийского научного конгресса, которая состоялась в январе 1947 года в городе Дели. Академия наук приняла приглашение и направила в Индию делегацию во главе со своим вице-президентом акад. В. П. Волгиным. В состав делегации входили: акад. Е. Н. Павловский, проф. С. У. Умаров и проф. А. В. Большаков. В настоящей статье В. П. Волгин рассказывает читателям журнала „Вокруг света“ о своих впечатлениях от поездки в Индию.

индийской землей. Въезд в Индию со стороны Карачи показывает ее не с выигрышной стороны. Миновав дельту Инда, самолет идет над пустыней Тар — над желтовато-серой землей, необработанной и безлюдной. Лишь в северной ее части появляются видные с самолета квадратики и прямоугольники зелени и посевов. Справа вырисовываются горы Араваллийского хребта, идущего от плоскогорья Деккан к северу и врезающегося в североиндийскую равнину вплоть до района Дели. По мере приближения к Дели все чаще и чаще видны населенные пункты. С самолета они представляются серыми, очень скучными и почти лишенными зелени. Все больше и больше обработанной земли.

Наконец мы садимся на аэродроме в Дели. Наш долгий путь — почти в семь тысяч километров — закончен.

* * *

На аэродроме нас ожидала торжественная встреча. На всех членов делегации надели, по индийскому обычаю, ожерелья из живых цветов и после обмена краткими приветствиями мы отправились в отель. Был ясный теплый день, напоминающий наши хорошие августовские дни. Путь наш лежал сначала через новый город, весь утопающий в садах вечнозеленых растений. Затем мы проехали старый город с его оживленными торговыми кварталами и выехали вновь в парковую зону. Здесь находился отель, где были размещены все иностранные делегации.

Наши комнаты выходили на опоясывающую все здание террасу. С террасы открывался вид на небольшой сад пальмовых деревьев и разнообразных цветущих растений. По деревьям сновало множество белочек, явно чувствовавших себя среди людей, как дома.

Часы, свободные от занятий конгресса, от многочисленных заседаний, выступлений и приемов, мы посвящали осмотру Дели, его научных учреждений и достопримечательностей. Дели — город очень старый, по преданию, существовавший еще за много лет до нашей эры (под именем Индрарпасты). Расположенный на реке Джамна, на скрещении торговых путей, ведущих в Пенджаб и в предгорья Гималаев, к устью Инда, в долину Ганга, в Деккан, — Дели издавна приобрел значение крупного торгового и стратегического центра. В течение столетий Дели был резиденцией сменявших одна другую династий, правивших Индией. Неоднократно в своей бурной истории Дели переживал нападения со стороны очеред-

Встреча советской делегации на Всендийский научный конгресс на аэродроме в Дели. В центре — глава делегации, вице-президент Академии наук СССР В. П. Волгин; второй слева — профессор Е. Умаров; первый справа — академик Е. Н. Павловский; второй справа — профессор Московского университета А. В. Богдашов.

ных завоевателей, неоднократно подвергался разграблению. В XIV веке его брал Тамерлан. В XVI веке — Бабар, основавший империю Великих Моголов. В XVIII веке Дели был взят и разграблен Надиршахом. В 1803 году завоеван англичанами. В 1857 году он был сильнейшим центром сопротивления восставших против англичан индийских революционных масс и вновь был взят англичанами после шестимесячной осады.

В 1911 году в Дели была перенесена столица Британской Индии.

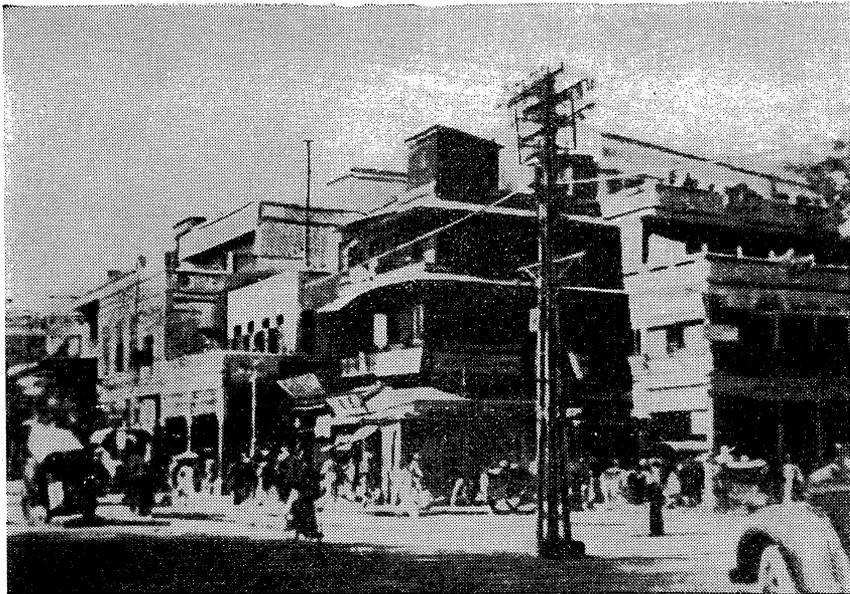
В Дели сохранилось очень много от индийской старины, а улицы старого города отражают в себе и многообразные бытовые особенности различных географических и национальных районов Индии.

На главной торговой артерии старого Дели — Чандни-чок — вы увидите людей в самых разнообразных одеяниях: полуголых, с небольшой повязкой вокруг пояса, в короткой накидке, закутанных в длинные плащи, напоминающие тоги; одетых в узкие белые панталоны и сдвоенные куртки или в европейскую пиджачную пару, чем-то, однако, отличающуюся от европейской. Можно встретить здесь и северян в бараньих куртках и, наконец, просто европейцев.

По улице у самого тротуара ползет переполненный людьми вагон узкоколейного трамвая, немало такси, велосипедистов, а рядом с ними — двухколесная тележка, в которой умещается подчас четверо-пятеро человек, сидящих на боковых скамейках друг против друга. В такую тележку запряжена лошадь, а изредка — человек-рикша. Трудно представить себе, как можно бегом тащить за собою тележку, в которой сидят два-три человека или человек с большим грузом. И над всем этим потоком движения возвышает свою голову нагруженный вьюками верблюд. На тротуаре среди движущейся толпы сидит хиромант с длинной черной бородой и предсказывает прохожему его судьбу. Рядом — мальчишка, со сложным сооружением из множества чашечек, продает проголодавшемуся завтрак, накладывая на зеленые листья понемногу из каждой чашечки. С важностью проходит по тротуару священное животное индусов — корова. Ее никто не трогает. Под ногами у людей, лошадей и коров, между автомобилями и пешеходами там и здесь бегают проворные белки. Вдоль тротуаров, отделенных от улицы аллеями

На заседании конгресса. За столом — В. П. Волгин и глава Временного индийского правительства Джавахарлар Неру.

Улица в Дели — столице Британской Индии. В течение столетий Дели был резиденцией династий, правивших Индией.

деревьев, расположены многочисленные лавки: мануфактурные, металлических предметов, кустарных изделий, бакалейные, съестные... Во многих лавках хозяин сидит на ковре, прямо на полу, поджав под себя ноги, и, не вставая, развертывает перед покупателем ту или иную ткань. Наибольший интерес представляют для европейца кустарные изделия — металлические, из слоновой кости, вышивки и т. п. В обработке металла, в резьбе из слоновой кости, в вышивке по бархату золотой и серебряной нитью (излюбленная тема — павлин с распущенным хвостом) делийские мастера достигают большой художественной высоты.

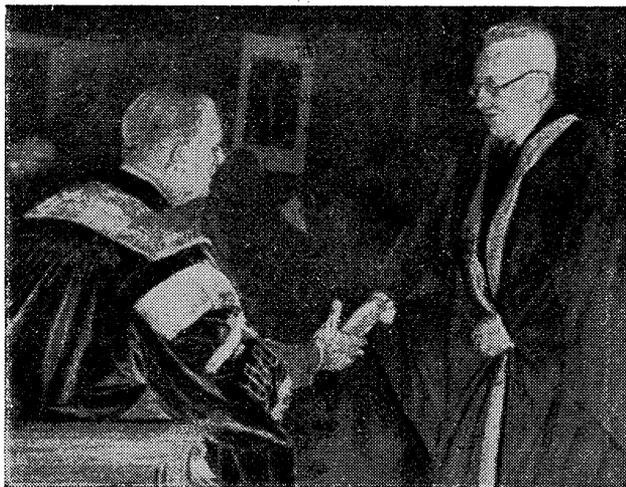
В своем историческом развитии город постепенно передвигался с юга на север (до английского владычества; англичане построили новый город к югу от старого). Поэтому территория, расположенная к югу от Дели, изобилует историческими памятниками. Самое замечательное из исторических сооружений в окрестностях Дели — Кутаб-минар и окружающие его развалины. Кутаб-минар — изумительная по своей конструкции пятиэтажная башня высотой свыше 70 метров, построенная из красного песчаника и белого мрамора. Чередование в облицовке этажей, смена оттенков окраски — от пурпурного до темно-оранжевого, своеобразие балконов, опоясывающих башню в основании каждого этажа, с их резьбой и орнаментом, вязь арабских надписей производят совершенно исключительное впечатление. Постройка башни была начата около 1200 года нашей эры Кутаб-эд-дин-Айбеком. Айбек был рабом афганского султана Мухамеда Гури, вторгшегося в Индию в конце XII века и основавшего в северной Индии большое мусульманское государство. Мухамед назначил Айбека правителем Дели, а после смерти Мухамеда Айбек, захватив власть в свои руки, положил начало правлению так называемой династии Мамлюков, сделал Дели своей резиденцией. Постройка была закончена лишь в XIV веке. Прекрасны также окружающие башню развалины мечети и других сооружений, построенных тем же Кутаб-эд-дин-Айбеком в конце XII века. Характерно, как принципы мусульманской архитектуры видоизменялись в эти первые века мусульманского владычества в Индии, как мусульманская архитектура впитывала в себя традиции старого индийского зодчества. Постройки Айбека дают прекрасный образец такого сочетания. Здесь же стоит железная колонна с надписью, относящаяся к началу V века. Это один из немногих в Дели памятников домусульманского периода.

В самом центре современного «старого города» расположен памятник, относящийся к более поздней эпохе Великих Моголов. Это построенный императором Шах-Джаганом (1638—1650) дворец, так называемый «Красный форт», получивший свое название от красного песчаника, из которого сооружены его стены и башни. По признанию самих англичан, этот перл архитектуры XVII века обезображен казармами, построенными в нем для английских войск. Но прелесть этого архитектурного памятника, созданного в пору наивысшего подъема могольского искусства, не могли стереть ни протекшие над ним три века, ни грабежи завоевателей (особенно Надир-шаха), ни сооружения англичан. Его сады и лужайки, его бассейны, его изящная «Жемчужная мечеть» (Моти-Маджид), его колонны из красного камня, его павильоны и залы из белого мрамора, прекрасная живопись и орнамент стен, чудесный вид, открывающийся на долину Джамны, — все это вместе взятое составляет замечательный художественный ансамбль. Можно понять гордых своим созданием строителей дворца или оценивших их труд повелителей, начертавших на одной из стен смелую надпись: «Если рай на земле, то это здесь, то это здесь, то это здесь...»

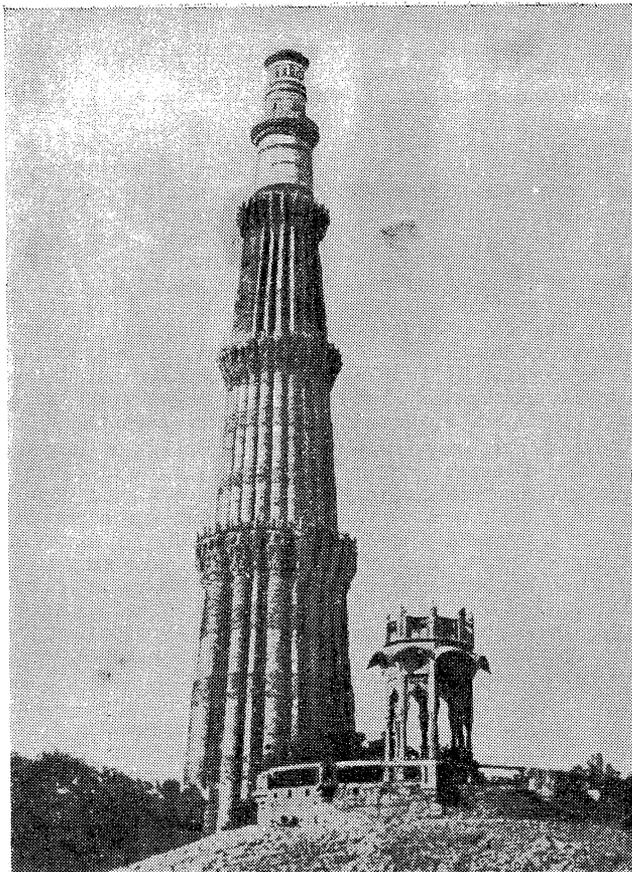
В новом Дели немало больших новых зданий, предназначенных для общественных учреждений: здание парламента, где заседает в настоящее время учредительное собрание Индии, здание правительственных учреждений, дворец вице-короля; есть интересные особняки индийских князей и политических деятелей. Большие здания вдохновлены образцами классической архитектуры (европейской), хотя в них и привнесены, в связи с требованиями климата, некоторые черты индийского зодчества: большая затененность фасадов, обилие крытых галлерей, внутренние дворы и т. д.

Новый Дели — настоящий город-сад. Его улицы — аллеи, проезжая по которым сплошь и рядом вовсе не видишь за зеленью выходящих на эту улицу домов.

Научным конгрессом была организована для иностранных гостей экскурсия в Агру. Агра, расположенная на той же реке Джамне, к юго-востоку от Дели,

Лорд Уэйвелл, бывший вице-король Индии, поздравляет академика В. И. Волгина с присвоением ему степени доктора — *honoris causa*.

Кутаб-минар — изумительная пятиэтажная башня.

была столицей Монгольской империи в период ее наивысшего подъема, при Акбаре Великом и его ближайших преемниках.

Вылегов из Дели ранним утром, минут через пятьдесят мы уже приземлились в Агре. С аэродрома мы поехали не в город, а к замку Акбара — Фатехпур-Шикри, находящемуся на расстоянии тридцати с лишним километров от города. Фатехпур-Шикри построен на холме, с широким видом на окружающую его, простирающуюся на много километров равнину. Его расположение, крутые склоны холма, мощные стены, у их подножья — рвы, наполненные водой, грандиозные порталы с ведущими к ним широкими лестницами — все это придает замку строгий и суровый вид.

Вернувшись после осмотра замка в Агру, проехав по ее узким и кривым улицам, очень оживленным, наполненным пестрой толпой торговцев и покупателей, и осмотрев снаружи стены форта Агры, мы направились к самому изумительному памятнику Агры — всемирно известному Тадж-Магалу.

Тадж-Магал — мавзолей, воздвигнутый в начале XVII века строителем Красного форта и множества других зданий в Дели и Агре, императором Шах-Джаганом в честь его рано умершей жены. Здесь же похоронен и сам он. Прекрасное, стройное здание с большим куполом и четырьмя минаретами — высший образец мусульманского зодчества. Оно сооружено целиком из белого мрамора и стоит на большой площадке, покрытой плитами того же белого мрамора. Его задний фасад возвышается над долиной Джамны, передний выходит в прекрасный сад баньяновых деревьев, пальм, кипарисов, цветущих кустарников и вьющихся растений. Сад разделяется на две части большим бассейном с фонтанами. Бассейн имеет форму прямоугольника, своей короткой стороной об-

ращенного к главной арке здания; вдоль его длинных сторон тянутся ряды кипарисов. Подходя к зданию, видишь в воде его отражение. В солнечный день, четко вырисовываясь своей белой массой на фоне синего неба, Тадж-Магал весь сияет и, кажется, сам является источником света. Громадный по размерам и в то же время необычайно легкий, он поражает не только своим архитектурным совершенством, но и великолепным орнаментом портала и стен.

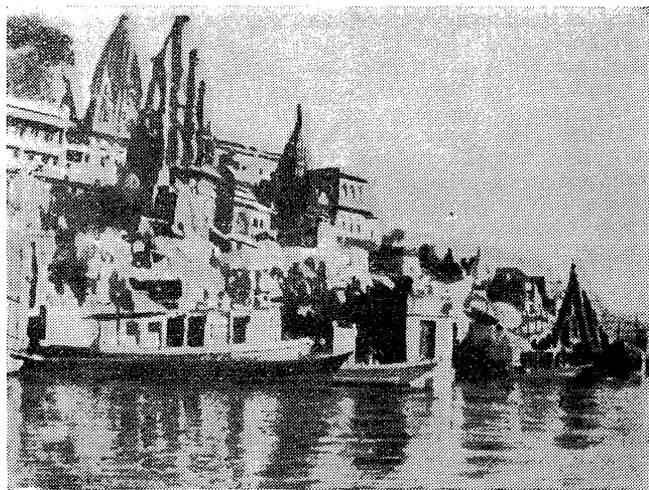
Еще более поразительна кружевная резьба по камню и мозаичные украшения внутренних частей мавзолея, сделанные из агата, яшмы, цветных мраморов и изображающие цветы, которые, по преданию, любила императрица (нарциссы, лилии, ирисы). Четырехугольник сада окружен стеной, по четырем углам которой расположены здания того же типа, но меньшего размера. Прекрасны и ворота в этой стене. Входя в них, видишь Тадж-Магал, как бы вписанный в арку.

В Агре мы впервые имели возможность увидеть маленький кусочек подлинной «деревенской» Индии. Мы видели ужасающую грязь и бедность деревенских поселений, издали кажущихся каким-то нагромождением куч глины. Эти жилища, тесные и низкие, трудно назвать домами, скорее это конуры. Мы не могли не увидеть также и скудости одежды крестьян, особенно детворы. И опять-таки слово «одежда» кажется здесь мало подходящим. Эти печальные картины были для нас как бы наглядной иллюстрацией, помогающей понять существо аграрных отношений в современной Индии.

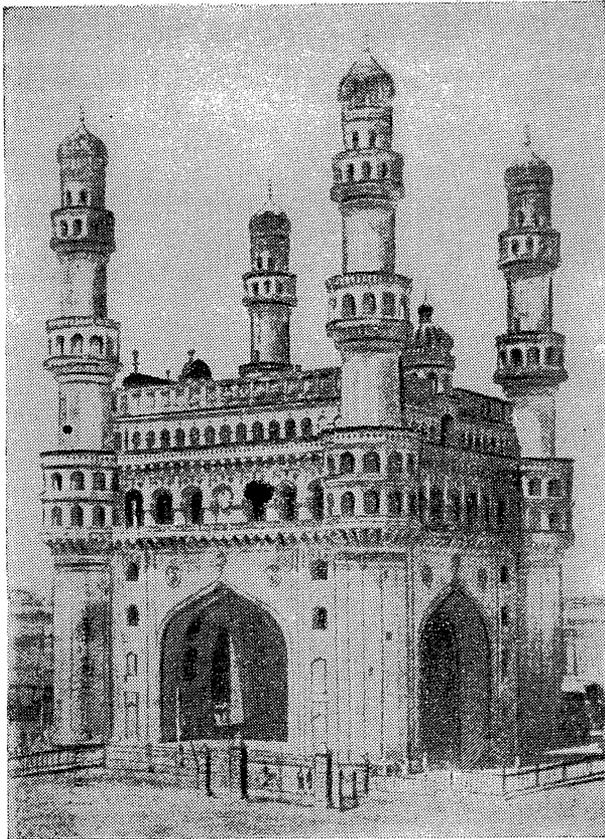
***

По окончании конгресса нам было предложено совершить поездку по Индии. После всестороннего обсуждения для этой поездки был избран такой маршрут: Дели—Бенарес—Хайдерабад — Аурангабад—Бомбей—Дели. Этот маршрут давал возможность ознакомиться, с одной стороны, со значительнейшими историческими памятниками Индии, с другой стороны — с ее крупными университетами.

Утром 11 января после трехчасового полета над долинами Джамны и Ганга, мы оказались уже над Бенаресом. Даже с самолета ясно видно, что в этих долинах обрабатывается вся земля, за исключением прибрежных песчаных отмелей. На пути с аэродрома в Бенарес мы могли рассмотреть поля вблизи. Большая часть участков в январе отдыхает; не убран сахарный тростник с его высоким стеблем и серебри-

Набережная в Бенаресе.

Чар-минар (четыре минарета) в Хайдерабаде — сооружение, построенное в XVI веке, как грандиозные ворота, ведущие на большую площадь города. Теперь они стоят в центре площади.

сто-серыми метелками. По полям рассеяно немало манговых деревьев, приносящих сочные кислотоватосладкие плоды, составляющие в Индии излюбленное лакомство.

Пейзаж оживляют бегающие по полям и прыгающие по деревьям обезьяны.

Бенарес — один из старейших городов Индии; время его основания неизвестно, но уже в санскритской литературе он упоминается с эпитетом «блестящий». Расположенный на берегах Ганга, он издавна почитается, как главный центр индуистской религии и индуистской «науки». В нем насчитывают свыше тысячи храмов одного только бога Шивы. Общее число индуистских храмов, как утверждают, превышает 1500.

Бенарес, подобно Агре и Дели, был завоеван мусульманами еще в XII веке и оставался под их властью почти без перерывов вплоть до прихода англичан. Но мусульманское владычество не отразилось здесь так сильно, как оно отразилось в городах, расположенных ближе к западной границе Индии. Хотя в Бенаресе немало мечетей, среди них нет ни одной значительной в художественном отношении. Индуистские храмы, не очень старые, все же примыкают по своему стилю к традициям индийского (домусульманского) зодчества. Общий вид Бенареса весьма своеобразен и резко отличается от вида городов, где мусульманская культура пустила более глубокие корни.

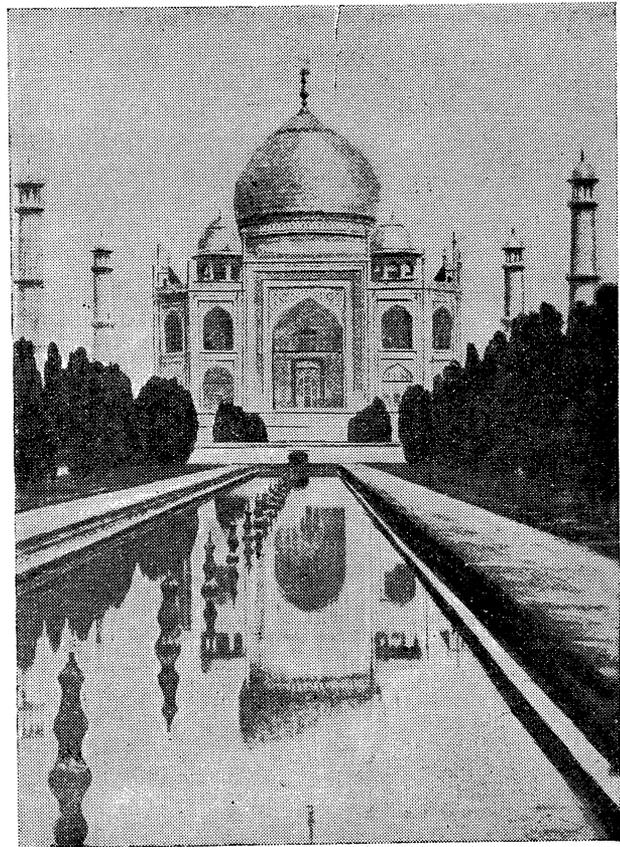
В день нашего приезда мы успели побывать в центральной, старой части города. Невероятно узкие, извивающиеся и грязные улочки доступны здесь только для пешехода. Тротуаров, конечно, нет, так как сама улица является узким тротуаром. Над улицей нависают высокие, затеняющие ее дома. В нижних этажах домов расположены открытые на улицу

лавки. Наверх приходится подниматься по крутым и кривым каменным лестницам. В тесноте и давке этих улиц ходят разносчики со своим товаром, богомольцы, направляющиеся к храмам, втиснутым здесь же, между домами, и неизбежные «священные» коровы.

Самый замечательный из храмов, который мы видели в этой части города, — храм Вишнесвара, построенный в начале XVIII века. Храм в архитектурном отношении принадлежит к так называемому типу Нагара. Характерная его особенность состоит в том, что основная четырехгранная башня, возвышающаяся над святилищем, где находится изображение божества, окружена ступенчато поднимающимися одна над другой башенками. Каждая из них представляет как бы уменьшенную копию основной башни. Интересен также, но не в архитектурном отношении, храм богини Дурга. Он наполнен сотнями жизнерадостно прыгающих, бегающих и дерущихся обезьян, которых здесь прикармливают в честь богини.

Чтобы дать понятие о тесноте застройки в старых улицах Бенареса, стоит упомянуть, что храм Вишнесвара невозможно увидеть целиком с улицы. Приходится подняться по лестнице одного из соседних домов в верхний этаж, чтобы увидеть оттуда золотую кровлю башни и рядом с нею купол над входом в храм. В современном Бенаресе есть и более широкие улицы. На них часто встречаются рикши. Тяжкий труд их мало облегчает своеобразная модернизация: человек, тянущий тележку, не бежит впереди нее, а едет на велосипеде.

Следующее утро было посвящено осмотру — на этот раз не с воздуха, а с воды, — несомненно, самой большой достопримечательности Бенареса — набережной Ганга. Именно здесь находится большинство храмов разнообразных божеств индуистского Олимпа. Именно сюда, к берегам священной реки, стекаются паломники из всех областей Индии, сюда

Мавзолей Тадж-Магал в окрестностях Агры.

Крепостная башня в Якутске (XVII в.).

Фото В. Зенковича.

От крепости Якутского острога, построенной в XVII веке, сохранилась одна башня. Это древнее произведение русского деревянного зодчества охраняется как памятник старины.

Жатва. На работу в поле выходят мужчины, женщины, дети.

приносят больных для излечения и покойников для омовения водами Ганга и сожжения. Большинство значительных областей Индии имеет здесь каждая свою особую святыню, свой храм и свой участок берега.

Берег представляет собой зрелище, совершенно необычайное. На спускающихся к Гангу лестницах масса народа, и тут же неизбежные коровы. У самого берега завернутые в саваны покойники и рядом — дымящиеся костры, на которых их сжигают. Немного поодаль — склад дров, специально заготовленных для кремации, кучи дупла, которые затем сбрасывают в Ганг. У берега над водой деревянные помосты. На помостах много молящихся, застывших в своих молитвенных позах; иог, стоящий на одной ноге, в самом неудобном положении, какое только можно придумать. В руках у него кокосовый орех. А между молящимися и покойниками просто купаются бородатые дяди, тщательно намыливающие свои длинные бороды, и весело барахтающиеся ребята, повидимому, не очень чувствующие «святость» вод Ганга и просто радующиеся жизни. Еще дальше — лодка, а на ней в стоячем положении везут на середину реки умершего «святого», которого полагаются, не сжигая, опускать в воды Ганга. Утверждают, что в некоторых местах дно реки усеяно человеческими костями.

Утром 13 января мы вылетели из Бенареса в Хайдерабад. Если от Дели до Бенареса мы летели на юго-восток, то теперь наш путь лежал на юго-запад. Через час приблизительно мы перелетели линию тропика Рака. Миновав обработанные поля долины Ганга, мы впервые за время поездки по Индии увидели внизу большой лесной массив, покрывающий значительную часть территории так называемых центральных провинций Индии. Здесь значительно меньше населенных пунктов, которые расположены почти исключительно по берегам рек. Миновав эту лесистую страну, перелетев извивающуюся внизу Годавари, мы достигли пределов самого большого из «самостоятельных» княжеств Индии — Хайдерабада. Еще полчаса — и мы садимся на аэродром столицы княжества, носящей то же имя и расположенной на 18° северной широты.

Это была самая южная точка нашего пути, и мы это сразу почувствовали: если в Дели я по вечерам с удовольствием надевал летнее пальто, то в Хайде-

рабаде испытывал неумолимое желание скинуть и пиджак и жилет, а ночью можно было спать только с открытыми окнами.

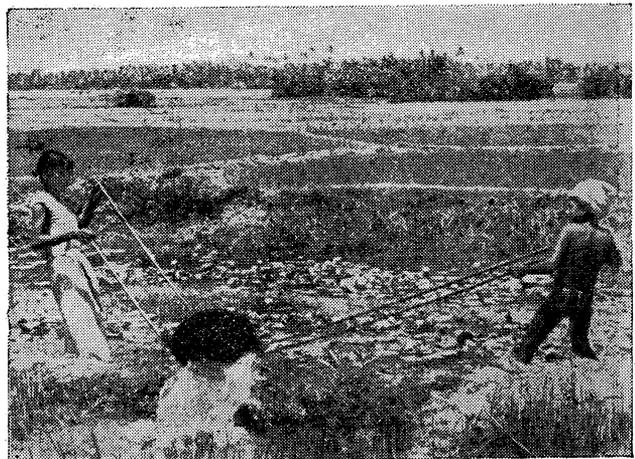
В княжестве еще очень сильны феодальные отношения. При этом княжеская династия и большинство помещиков, владеющих землей, — мусульмане. Подвластное население — индусты. Таким образом, основные социальные группы исповедуют различные религии, что особенно резко их разделяет. Низам — «его возвышенное высочество» — полновластный повелитель над жизнью и судьбами подданных. Общий тон жизни в Хайдерабаде — более аристократический, чем в так называемых «британских владениях». В вопросе о путях будущего развития Индии Хайдерабад также занимает особую позицию: основная тенденция — получить статус доминиона, непосредственно входящего в Британскую империю.

Город Хайдерабад насчитывает около миллиона жителей (если считать вместе с Сикандерабадом, непосредственно к нему примыкающим). Для равнины, на которой раскинулся город, характерно множество разбросанных на ней (зачастую между зданиями или рядом со зданиями) громадных каменных глыб.

Вокруг города много искусственных озер, созданных главным образом для целей орошения. Одно такое озеро находится в самом городе. Та часть города, где живут имущие люди, состоит из весьма комфортабельных особняков, окруженных садами и выходящих на содержащиеся в большом порядке широкие и чистые улицы. В кварталах, где живет беднота, улицы грязные и узкие, как и в других городах Индии. Характерную черту города, прежде всего бросающуюся в глаза, составляют возвышающиеся над зданиями небольшие башенки, увенчанные белыми луковичными куполами.

В Хайдерабаде нас поместили в особом типе отеле, предназначенном для «гостей низама». Перед отелем большие зеленые лужайки, спускающиеся к озеру, окруженному рядом пальм.

Во второй половине дня мы поехали за город, в Голконду, — крепость и резиденцию династии Кулубшахов, правивших Хайдерабадом до его завоевания Ауренгзебом. Голконда славилась некогда по всему миру сокровищами, собранными в ней хайдерабадскими князьками (кстати, утверждают, что современный низам Хайдерабада — самый богатый человек в мире, хотя его богатства и лежат втуне в его сокровищнице).

Примитивная оросительная «система».

Голконда, как и многие другие индийские крепости, расположена на холме. Она окружена стенами, сложенными из больших каменных глыб, с хорошо укрепленными воротами, которые сами по себе представляют целую систему проходов, стен и башен с 87 бастионами. В этой крепости последний из Кутуб-шахов в течение восьми месяцев выдерживал осаду войск Аурангзеба; крепость пала лишь вследствие подкупа и измены. Внутри крепости были расположены арсенал, мечети и разные дворцовые сооружения, развалины которых сохранились до наших дней. С бастионов Голконды открывается широкий вид на раскинувшиеся вокруг равнины, над которыми она господствует, на город вдаль, на живописную группу мавзолеев Кутуб-шахов на северо-западе. Мавзолеи построены в саду, изобилующем водой и зеленью. В архитектурном отношении мавзолеи Голконды проще мавзолеев Агры и близки по типу к делийскому мавзолею Гумаюна. Помещение, хранящее гробницу, построено в большом мавзолее над одним или двумя этажами аркад и увенчано полусферическим куполом. Они немало пострадали от времени; от украшавшей их стены и куполы цветной керамики почти не осталось следа. В своем современном виде их ансамбль уступает нашему изумительному ансамблю мавзолеев Шах-и-Зинда в окрестностях Самарканды.

15 января мы вылетели в Аурангабад — город, находящийся в северо-западной части того же Хайдерабадского княжества. Аурангабад интересен тем, что в его районе находятся замечательные памятники индийской культуры — пещерные храмы Эллары и Адженты.

В Эллоре свыше тридцати пещерных храмов и монастырей, вырубленных в каменной породе невысокого горного кряжа, расположенного на расстоянии 18 миль от Аурангабада. Время их сооружения — от первого по девятый век нашей эры. Если пещерные храмы составляют одну из самых оригинальных страниц в ранней истории индийской архитектуры, то среди многочисленных групп таких храмов элларская группа заслуживает, пожалуй, наибольшего внимания. Пол и стены храмов, многочисленные колонны и скульптурные изображения богов и животных — все это вырублено из массива. Стены, колонны и входы в храмы украшены резьбой и барельефами. Трудно представить себе, какого неимоверного труда потребовали эти сооружения при примитивной технике того времени.

Самый замечательный из элларских храмов — брахманистский храм Кайласа, VIII века, посвященный богу Шиве; его осмотр отнял у нас больше всего времени. В отличие от всех других пещерных храмов

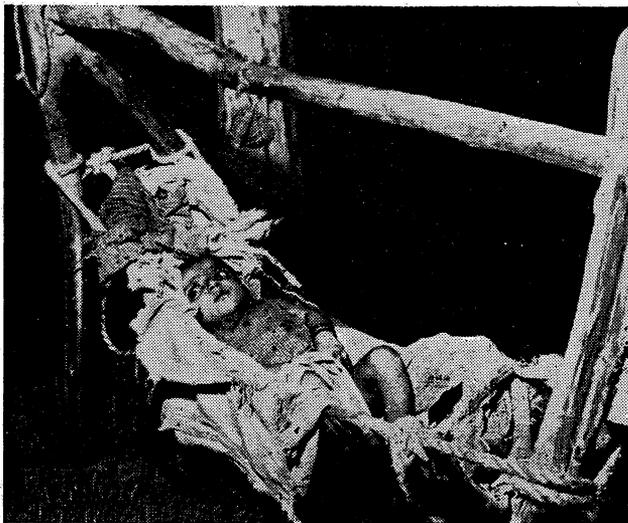
Женщины-работницы переносят уголь.

он отделен от окружающего его массива вырубленным в массиве же двсром, открытым сверху, но окруженным скалой со всех четырех сторон. Такой характер сооружения давал больший простор художественному воображению, чем обычный тип пещерного храма в точном смысле этого слова: здесь можно было украсить скульптурами не только вход в пещеру, но и площадку двора с окружающими его галлереями; здесь стены храма открыты для резьбы и барельефов не только с внутренней, но и с наружной стороны. Скульптурные изображения Шивы и Вишны встречаются здесь посетителя уже у входа. Миновав арку входа, он видит большую скульптуру Лакшми и другие изваяния. Во дворе направо и налево стоят два гигантских каменных слона; один из них прекрасно сохранился до наших дней. Все галлереи, лестницы и переходы украшены бесконечным числом фигур богов индуистского Олимпа. Чаще всего встречается Шива в разных видах: то один то с женой Парвати. Ряд скульптур изображает сцены из индийской мифологии, эпизоды из Рамаяны и Махабхараты. Животный мир представлен преимущественно слонами, но есть и обезьяны и змеи. При всем совершенстве отдельных изображений их изобилие в конце концов начинает казаться чрезмерным и как-то подавляет восприятие.

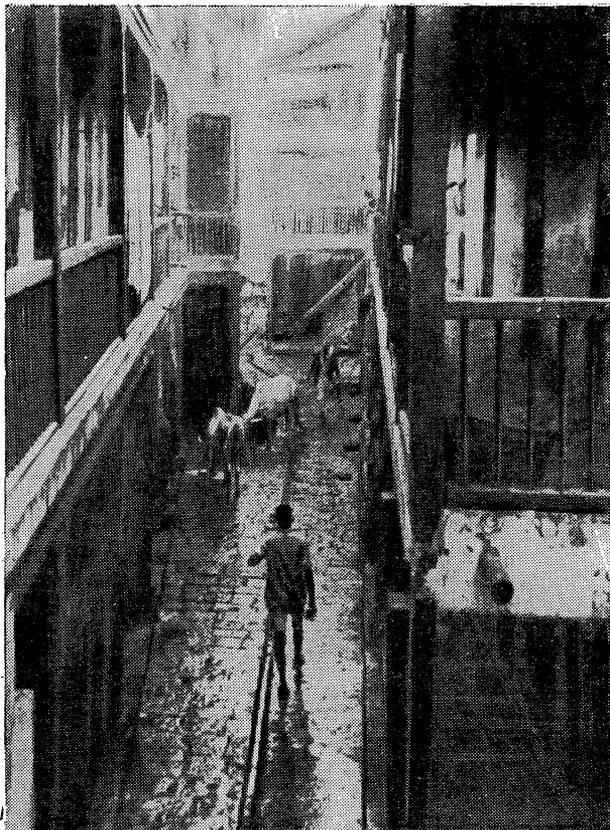
Весь следующий день нам пришлось посвятить поездке к пещерам Адженты; они расположены на расстоянии ста с лишним километров от Аурангабада, в тенистом живописном ущелье, по дну которого протекает небольшая ручей. Всего в Адженте двадцать девять пещер, из которых пять представляют храмы, остальные — монастыри. В отличие от Эллары все аджентские сооружения являются буддийскими памятниками. После упадка буддизма в Индии «святые места» Адженты были совершенно забыты. Их случайно открыл в 1819 году проходивший в этих местах отряд английских войск. Сооруженные в I—VII веках нашей эры аджентские памятники в архитектурном отношении близки к одновременным буддийским храмам и монастырям Эллары. Своеобразие Адженты состоит в том, что в аджентских пещерах, наряду с прекрасными произведениями буддийской скульптуры, находятся изумительные образцы буддийской фресковой живописи того времени.

Фрески, как и скульптура, изображают главным образом эпизоды из легенд о жизни и перевоплощениях Будды. Поражает жизнеутверждающий характер живописи, не имеющий в себе ничего аскетического: яркие и жизнерадостные краски, много любовно трактованных жанровых сцен. Много цветов и птиц.

17 января утром мы прилетели из Аурангабада в Бомбей. Трудно представить себе большой контраст, чем контраст между Аджентой с ее храмами первых веков нашей эры и «ультрасовременным» Бомбеем. Крупнейший торговый и промышленный центр Индии, второй по числу населения индийский город (первый — Калькутта) — Бомбей представляет громад-

В страшной нищете живут крестьяне в современной Индии. На снимке — крестьянский ребенок в люльке.

Типичный темный переулок в рабочем квартале Бомбея.

ный интерес для каждого, кто стремится изучить социальные отношения и экономику современной Индии. Рабочий класс Бомбея — активнейший отряд рабочего движения. Деревни бомбейской провинции являлись как раз во время нашего пребывания в Индии ареной крестьянского движения.

Бомбей расположен в очень живописной местности на берегу глубокого залива Аравийского моря. Особенно хороша бомбейская бухта с разбросанными на ней островами (на одном из них тоже сохранились пещерные храмы). Вечером и при восходе солнца. По характеру застройки главных улиц Бомбея — город совершенно европеизированный, к сожалению, в дурном смысле этого слова. Большой участок набережной прекрасной бомбейской бухты застроен нелепыми, безвкусными коробками.

19 января мы возвратились из Бомбея в Дели, закончив таким образом нашу круговую поездку по Индии.

23 января мы вылетели из Дели в обратный путь.

* * *

Мне уже приходилось упоминать о дружественном отношении, которое встречала в Индии советская делегация. Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что нам было оказано исключительное внимание во всех городах Индии, которые посетила советская делегация. Научные работники, помимо официальных приемов в университетах, устраивали в нашу честь приемы и обеды. Студенческая масса горячо приветствовала нас во время и после наших выступлений. Нас приглашали к себе и крупные политические деятели.

Выступая с приветствием на заключительном заседании конгресса, я выразил надежду, что приезд нашей делегации будет содействовать укреплению и развитию научных и культурных связей между народами СССР и народами Индии. Подчеркнув важность дружественных связей между народами для дела мира и прогресса, я выразил ученым Индии пожела-

ние успехов в их работе на благо народов Индии и всего человечества.

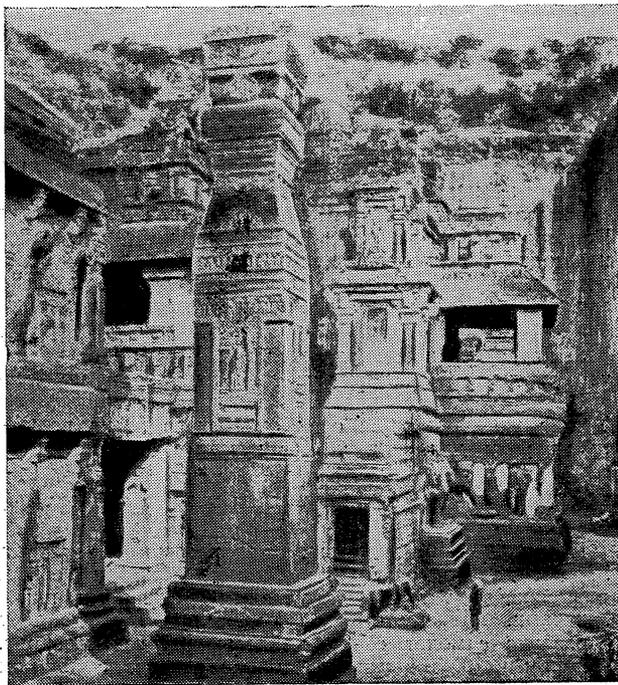
Отвечая на мое приветствие, заместитель председателя временного правительства Индии и в то же время один из руководителей Индийского научного конгресса, Джавахарлал Неру указал, что в течение последней четверти века в Индии с громадным интересом следили за достижениями и успехами Советского Союза. «Мы соседи, — сказал Неру, — и, как соседи, мы должны интересоваться друг другом, знать друг друга. Но дело не только в этом. Вы явились пионерами во многих областях человеческой деятельности. Вы преобразовали обширные пространства вашей страны с быстротой, изумившей человечество. Все те, кто стремится к преобразованиям в Индии, видят в Советском Союзе образец для подражания. Мы хотим поэтому больше знать о том, что вы сделали, и о том, как вы это сделали».

В заключение г. Неру настоятельно подчеркнул важность дружественных культурных связей между народами Индии и народами СССР. «Для укрепления этих связей, — заявил г. Неру, — большое значение будет иметь предстоящее в ближайшем будущем установление между СССР и Индией дипломатических отношений».

Как известно, в настоящее время дипломатические отношения между СССР и Индией уже установлены.

На обратном пути, пройденном нами так же благополучно, как и путь в Индию, мы остановились и ночевали в двух новых местах: в Карачи и на гражданском аэродроме Басры, расположенном вблизи города. Карачи — растущий портовый город. Взяв такси, мы успели проехаться по его улицам, застроенным преимущественно новыми домами европейского типа, и побывали на берегу моря, где раскинулся довольно редкий рынок — рынок раковин. Здесь можно найти раковины разного образца, разного цвета и разного размера, местные и привозные, ценной от половины анны до десяти и более рупий. Проехали мы также на этот раз и в Басру; увидели ее порт на Шат-эль-Арабе, многочисленные прорезающие ее каналы, ее рынок и рощи финиковых пальм.

31 января, в четвертом часу дня, мы приземлились на Внуковском аэродроме. Всего — с поездкой по Индии — мы налетали около 18 000 километров.

Пещерный храм в Эллоре.

По гуцульской земле

В. САФОНОВ

Фото Д. Бальтерманц

Селения на нашем пути нечасты. Высокие соломенные крыши, аист на коньке. Но и на самой бедной хате проведена где-нибудь синяя черта, ровная цветная полоса подчеркивает окна, наличники в узорах. К синему присоединяется красный, спорит с ним, борется. Чем дальше, тем все больше расцвечены деревни. Красный цвет побеждает, он господствует. Мы проезжаем улицами в багреце.

Меркнут горы. Потухает последнее дерево на дальнем гребне — выхваченное огнем, оно отделилось ото всех и долго одно горело. Но неумолчен шум Тиссы, он сопровождает нас, с ним мы въезжаем в Рахов — удивительнейший город Советской страны, центр Гуцульщины.

ЦВЕТ ПРАЗДНИКА И БУДНИ

Еще только приблизился к незнакомой жизни, только извне касаешься ее, еще не открылись неведомые законы, управляющие ею, — и странной, необычайной предстает она. Как в младенчестве, когда впервые забредешь в дальний угол двора и жадно, очарованно вбираешь в себя людей, занятых невиданными делами, и небывалые предметы, и громкое жеванье лошадей с подвязанными к мордам торбами, и примятую траву; или так должно быть у мореплавателя, когда он вот только бросил якорь перед берегом, которого не знает карта, — опоясанным бурунами, с кивающими по ветру рощами и синими куполами вдалеке...

При тусклом свете в кабинете секретаря окружного комитета партии Машенко слышно повторяющееся слово «Бумстрой». Идет счет вагонам, платформам, грузовым машинам. Это все — Бумстрой. Прибыло оборудование, надо принять немедленно. Оно — для Бумстроа. Обсуждаются итоги работ на строительной площадке. Расчистка, тысячи кубометров земли, котлованы, готовность зданий... Цифры четырехзначные, пятизначные, очевидно, всем присутствующим хорошо известны, в них не допускается никаких округлений.

Лица серы, поздно, должно быть, — многие сильно устали, другие разгорячены; дым папирос и самокруток не успевает уплывать в окно. Лес недодан! Тотчас же называется срок очередного пуска воды — пуска реки для сплава. Лес нужен Бумстрою.

Внезапно вторгается вопрос о мешках. «Один поднят. Где второй?» Опять трещит телефон. «До сих пор не найден? Чорт их там знает, как ищут!»

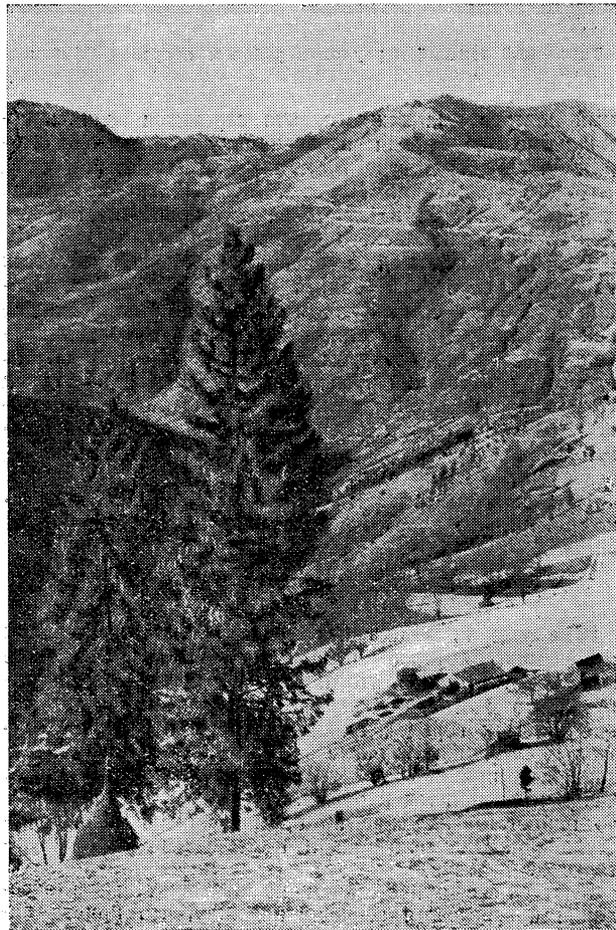
На улице — ночь темна, непривычно прохладна. Звезды далеки, редковаты. Может быть, и сейчас разыскивают тот второй мешок. С фонарями или с факелами. Потому что два мешка почты сбрасывает с воздуха самолет «У-2», прилетающий из Ужгорода.

Утром в окно врывается солнце вместе с шумом Тиссы. Город вытянут вдоль реки, в нем одна длинная настоящая улица; на прочих городской дух сразу

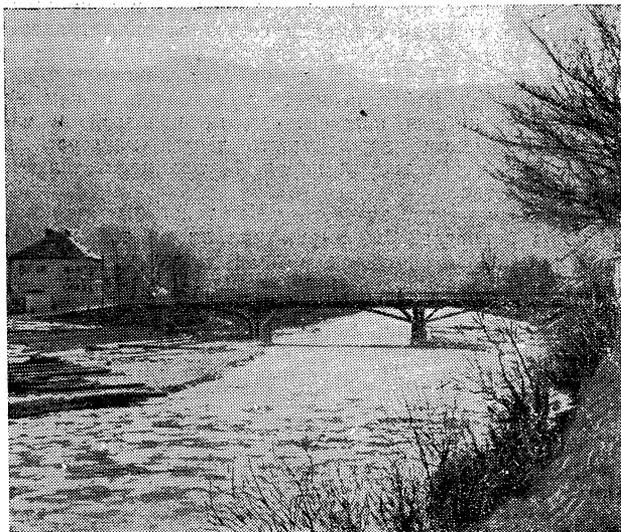
осиливается сельским. Горы тут — как дома. Они спереди, сзади, слева и справа; они вторгаются в сады, во дворы, и дворы горбятся. Круглые головы холмов в зеленых чепцах сверху заглядывают в город.

Как светлые капли, высоко висят хижинки горцев...

По главной улице идет худой пожилой дядько: с ним мальчик. Они останавливаются, бьет барабан. «Люди! Хлопцы!» громко повторяет дядько. Собирается небольшой кружок. Дядько громко объявляет распоряжение городских властей — не читает наизусть, а передает суть своими словами: «Ось так. У девять

Дикими и безлюдными кажутся эти горы. Но светлые пятна тропок протянулись по ним. В седловине приютился крестьянский двор.

На Тиссе. Ясный полдень. Тишина. Только неумолчно звучит голос реки.

годин треба. Усім кажите, щоб чули. Кто не может хоч у десять...» И дядько с мальчиком идут дальше.

На площади, в центре города, где в братской могиле спит герой-партизан Алексей Борканюк, где проносятся машины Бумстроя и откуда направляются автобусы на Солотвино,—на площади, которой ни один житель города не минует в свободный воскресный день, мы знакомимся с Михаилом Федоровичем Попадичем. Он сейчас инспектирует культурно-просветительные учреждения Рахова. Но сказать это о нем — почти ничего не сказать. Он знаток края, быта его и культуры, собиратель народных песен — коломыек. Он напечатал книжку «спиванок» села Богдан. Слушая его, думаешь: хорошо, что во многих городах нашей родины есть такие люди, и должны они быть во всех городах — энтузиасты, знающие каждый камень, хранящие в своей памяти прошлое, радующиеся будущему родного города.

— Вас заинтересовали «уставки»? — спрашивает Михаил Федорович (мы говорим о замечательных гуцульских вышивках, которыми в этот воскресный день пестрела улица). И сразу любезно предлагает: — Тогда вам стоит пройти вместе со мной — тут рядом.

Высокая калитка. Сад с «золотыми шарами». Тишина. Дверь в святыхлице заперта.

— Это я! — Михаил Федорович называет себя.

Ясно, что мы попали не просто в артель. Здесь как бы некий центр, связанный с мастерицами города и округа, с селами, издавна знаменитыми своими вышивками.

Делается все, чтобы древнее народное мастерство не пришло в упадок, чтобы традиции его не пресеклись и было обеспечено дальнейшее развитие его.

В комнату, куда мы зашли, кажется, уронила свое оперение стая птиц.

Твоему изумлению приходят на помощь. И тогда постепенно начинаешь замечать целую гамму переходов в радуге.

Здесь есть секреты, своя сложная алгебра, повеяющая гармонию. Точная терминология: звездочки, кривульки, клинцы, очка, ковбанчики, зирницы...

Знаток сразу определит — по узору, по игре цветов, по теплоте тона: это дело рук мастериц Богдана, это — из Ясиня.

Уставки из Ужка — младшие сестры в семье, они суше, очень сдержанны. Пожалуй, беднее. Нижняя Вересня: ясное изящество рисунка, синий, красный на белом. Три-четыре, а то и шесть-восемь синих, красных «завейхвостов» из Волового теплеют, начинают многоцветно сверкать в Рахове.

Можно составить настоящую карту рукодельной географии Закарпатья.

В июне 1946 года в Ленинграде состоялась очередная сессия отделения истории и философии Академии наук СССР. На этой сессии член-корреспондент Академии наук Д. К. Зеленин выступил с докладом о происхождении этнографической группы украинского народа в Карпатах — гуцулов. Вот вывод, к которому пришел докладчик: «После разгрома Киева Батыем в начале XIII века предки гуцулов переселились в Карпаты». Доклад был назван: «Потомки древних киевлян в Карпатах»¹.

Так следы какой же древности мы, может быть, еще находим здесь?! Мы знаем: порабитатели сделали все, что они могли, чтобы остановить развитие народа...

Тяжкая, скудная, безжалостная судьба была уготована здесь тем, кто спасся от Батыев. Судьба заживо замураванных. Их навеки обрели прозябать там, куда надсмотрщики их даже не решались наведываться. Зачем? Там, в горах, они казались замураванными прочно. Им оставили сухую палку — пусть, как в легенде, заставят ее зазеленеть и питаются ее плодами.

Гремящее время летело по планете; оно рушило царства и огнем человеческой мечты опалило землю. Для них не должно было быть времени. Их глазами была открыта соседняя долина да вершина над ней, их уши слышали шум дерева, крик птицы и зверя, стук заступа о скудную, железную почву. Они почти не знали хлеба. Не знали грамоты — не было школ для гуцульских детей. Голод, авитаминозы, обезображивающие болезни гор глодали их; и вымирали селенья, не слыхивавшие о врачах. Но всемогущ человеческий труд: сухой прут, политый потом, зазеленел в их руках. И, как искру из кремня, высекали люди красоту из самой беды, из жестокой скудости своей. Они окрасили будни в цвет праздника и нищие праздники одели в багрец.

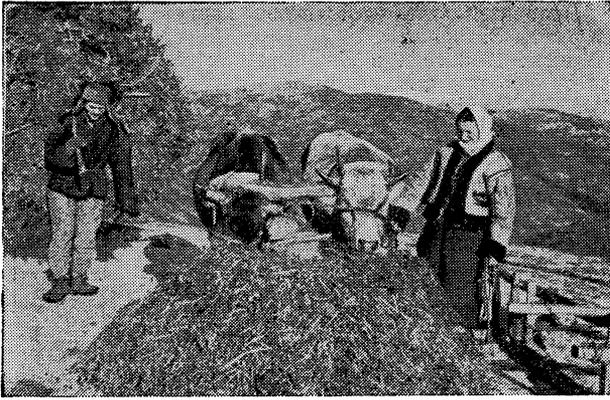
Что такое поэзия? Что такое искусство? Этнографов, побывавших у гуцулов, поражает, что оно пронизывает весь быт их, что его прикосновение озаряет все мелочи обихода.

Древние танцы — «аркан», «гуцулка», черта синькой под окном, узор суриком, одежды, коломыйки, очаги песнетворчества чуть не в каждом селе. П. В. Линтур в Ужгороде показывал мне тетрадки коломыек, созданных вот сейчас простыми крестьянами. Есть семьи, все члены которых обладают этим даром. Он тогда привел к примеру семью Романи из Нанкова Хустского района. Мать, дочь складывали и «спивали», то есть пели, а сын Михаил, поэт, погиб героически в борьбе за освобождение своей родины. Ибо

¹ Реферат о докладе Д. К. Зеленина в «Вестнике Академии наук СССР» № 8—9 за 1946 год, стр. 138—139.

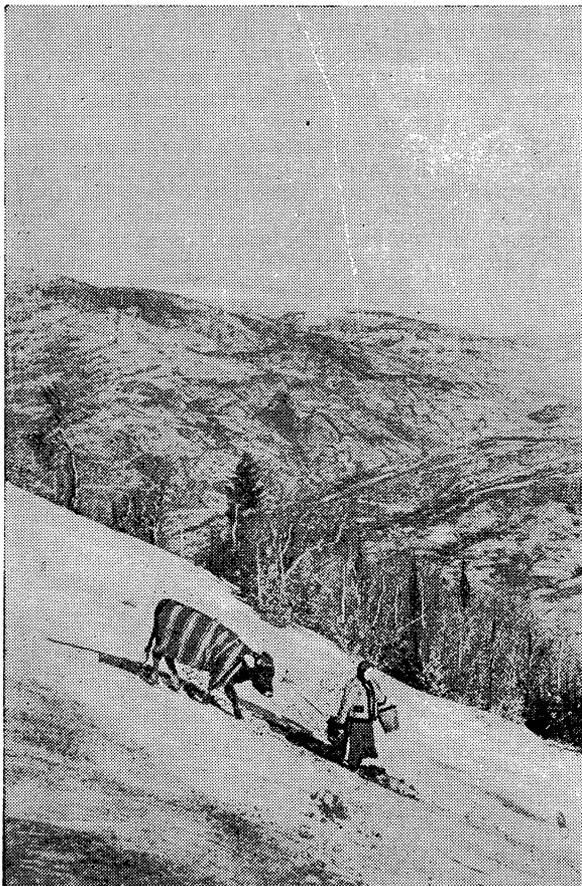
Холодный день в Рахове. Люди влезли в кожухи. Но, как всегда, крестьяне-горцы в воскресенье спустились в город.

Высоко в горах на полонине. Накосили сена.

когда песенная стихия — живая, то поэт — боец. Еще обильнее этот песенный источник в гуцульских горах. На наших глазах родились «спиванки» о партизанах, о братской армии, пришедшей с востока, о Сталине. Почтенные этнографы, навесившие некоторые деревни, были смущены: их приветствовали песней, в их честь тут же, на месте складываемой...

Изумительна гуцульская резьба по дереву и по металлу. Вряд ли есть где-нибудь равная ей. Зайдите в гуцульский музей в Коссове. В глаза блеснут художественные чеканки, литье, инкрустации по дереву костью, металлом и стеклом, расписные тарелки. Да ведь, в сущности, каждая гуцульская хата — это музей, и на простых, некрашеных стенах там жаром

Привычный, но нелегкий путь. Несколько раз в день совершает его крестьянка с полонины, чтобы напоить корову, принести воды.

горят и синеют эти расписные тарелки — над простым столом, за которым собирала семью скудная трапеза.

Особым словом даже обозначает гуцульский народ художника, мастера: это слово — «сточник».

Не на сбыт работали здесь художники: о нем не слыхивали; не для наживы: они не подозревали самой возможности зарабатывать деньги мастерством. Для самого себя творил народ. И тем поразительнее его творчество.

Так что же такое искусство? Что такое был этот дар красоты бедняков? Не выражение ли он той же самой силы души, которая стояла одна против врагов семьсот подъяремных лет и устояла, потому что помнила о себе и сберегла себя?

Но слишком ярко, слишком необычайно искусство гуцулов, слишком непохоже на то, что знали и умели соседние народы. И законен вопрос: откуда взялось оно, где его корни?

Это тот главный вопрос, который исследовал Д. К. Зеленин в своем докладе.

Ни книги, ни соседи не научили гуцулов. В книгах и не нашли бы они рецептов для своего мастерства, да и где было читать книги горным пастухам, дровосекам, сплавщикам леса, почти сплошь неграмотным (93 процента неграмотных по статистике 1910 года)?

Их искусство, говорит Д. К. Зеленин, родилось в великой стране, вблизи могучего города. Это искусство Киевской Руси, которому удивлялись некогда во всем мире, искусство златоверхого Киева. Его-то неведомо пронесли гуцулы сквозь все века.

И с особенным, сложным, гордым чувством глядишь на эти уставки, на эту резьбу. Ведь это — их и мое, это — наше, кровно-исконное, общерусское, это то великое, что было у колыбели и в начале огромного, всемирного пути творчества моего народа — нашего народа...

... Уже тени легли черными широкими каймами на улицах Рахова. Слышен опять барабан. «Люди! Хлопцы!» Тот же сиповатый по-старчески, еще звучный голос: высокий, чуть сутулый дядько, много выходявший в жизни своими немного вывернутыми ногами, стоит в кружке обступивших его людей. Он бьет в барабан и оповещает: «В Квасах прибудилася двохлитня телиця с проколотим вухим — так чи може хто знае, чья?»

ВЕТЕР В РАХОВЕ

Да, в это воскресенье было легко убедиться, что население здесь, в городе, — величина переменная. Цыганский табор палаток вырос под высокими соснами, на осыпанном хвоей склоне выше улицы Буркут, возле источника холодной, железистой, шипучей от газа воды — к ней спускаются по сырватым ступеням, а после ведрами разносят ее во все дома соседних кварталов. Это вырос лагерь участников карпатского похода. Ими занято и общежитие в городе. Майки физкультурников видишь везде на улицах.

А мы вмешиваемся в группу горцев, в стаю белых птиц, опустившихся на тротуары около центральной площади. Обмен приветствиями, степенный, серьезный. Скамей здесь пока не удосужились поставить, но сидеть можно и на бревнышках, и на краю тротуара, и просто на корточках, прислонясь к стенке.

Беседа завязывается очень неторопливая, люди тут думают так: надо не только поговорить самому, но и послушать, что говорят вокруг. Да и слово — не птичий помет, его не подобает ронять, как попало. Но видно, что беседе со свежими людьми рады.

В горах у них — тоже новости. В сельцо, куда чорт дорогу мстил, да с пути сбился — бросил, приехал учитель.

Потом собрали пастухов, овчаров. «Пусты полонины» — сказали. Да то и сами знали: пусты горы с тех пор, как господь их поставил, а как же? А тот, профессор, что ли, речь о богатствах повел. Расчел, сколько худобы прокормят Карпаты: чуть не миллион голов у него вышел. И говорит: будет непременно этот миллион.

И это еще — не все новости. Народ нетерпелив

стал. С места снялся. Из молодых особенно. Олена Бочкор вот в Ужгород ехать хочет — там теперь украинский университет. И школы ей мало! Дивчина с села, а хочет быть больше попа учена!

Горец коротко кивает головой, и не видно, дивится ли он этой невероятной мысли.

— А что тут делается в Рахове, может, скажете, чи правда, чи неправда?

Совсем безучастный вопрос после долгого молчания, — а ведь ради него-то и вся беседа. И кругом только про это и говорят. И на паперти, и на площади у Тиссы, и в съестных лавочках.

Про что же спрашивают — правда, мол? Пронесся «Студбеккер», за ним легковая машина. Каждый мальчишка знает, чьи машины. И никого не поражает, что воскресенье, а они несутся: в таком огромном деле хватает забот и на воскресенье.

— Ось се, — коротко говорит гуцул и мохнатой бровью указывает на мгновенное бензиновое облачко. Потом подкидывает, с виду безразлично, но явно выжидательно: — Руху богацько стало. (Движения много на улицах.)

Говорят в горах: целый город выходит из-под земли. А делать будут в том городе такую бумагу, или картон, из которого можно строить. Значит и леса и горы станут на службу ему.

Люди оживленно переговариваются. Декорум мнимого безразличия силен, но сейчас им нелегко соблюдать его, как положено. И вдруг с уст одного из них слетает:

— Тогда, выходит, и глухой, хоть на другом краю страны, услышит о Верховине!

У Льва Толстого в «Казаках» рассказано, как к каждой мысли Оленина на Кавказе примешивалось: «а горы...» Здесь, в Рахове, ко всему, что вы видите и что происходит, примешивается — Бумстрой: к городскому пейзажу, к облику улиц и дорог, незаметно, но властно взятым другим, новым темпом движения, к разговорам горожан и гостей из округа, к бытовому обиходу. Висит объявление: требуются рабочие. Пришел состав из Сигета — для Бумстроя. Приехали из Москвы еще инженеры — их видели на улицах, в дорожных макингтошах.

В домике возле Тиссы стоят двухэтажные корпуса бывших кавалерийских казарм. Их приспособляют для нужд комбината. Но уже возводятся новые огромные корпуса. Вокруг них вырастет новый город с клубами, школами, яслями, кино. Тогда, видимо, придется перепланировать весь Рахов. По расчетам, для первых нужд строительства уже требуется несколько сот тысяч кубометров леса. Уже сейчас только возникающий, еще не работающий комбинат меняет всю экономку округа.

Так ветер времени врывается в глубь Верховины.

Туристы собрались выступить. Пестрой толпой они ожидали на центральной площади. Одни щеголяли полным альпинистским снаряжением и «лейками» через плечо, другие — постарше — оставались в обычных пиджаках. Горожане с любопытством разглядывали их. Слышались беседы, сперва вполголоса, потом громче. Это — спорили, и можно было разобрать, что спорящие разбились на две партии. Обнаружились сторонники горы Поп-Иван, утверждающие, что выше ее нет на Карпатах и маршрут на Говерлу выбран ошибочно. Другие были за Говерлу. Туристы слушали снисходительно: они знали с точностью до метра высоту обеих вершин. Мальчишки с гроздьями винограда сбежали к реке. Там шум Тиссы покрыл для них все звуки, и они взобрались на бревна, застрявшие при сплаве, и уселись на них, болтая босыми ногами в белой холодной воде.

Показался поезд на узкоколейке. Издали открытые вагончики его напоминали цветочные кусты. Поезд медленно подползал, и еще на ходу с него посыпали приехавшие с гор гуцулы в своих вышиванках, белых и многоцветных.

Паровозик уютно и миролюбиво пыхтел. Туристы бмиг унижали вагончики. Машинист выглядел: все ли готово? Потом он дал свисток, похожий на писк. И из вагончиков замахали шляпы, руки, платки; и дружно им ответила вся площадь, кивали женщины у ворст. «Добрый путь!» сказали десятки голосов. Мальчишки с бревен неустоно качали головами и потрясали полуобъеденными кистями — легким облачком снялись с них облепившие их пчелы или осы. Что кричали мальчишки, не было слышно за шумом реки, и они отчаянно болтали голыми ногами, пошившими в воде, которая завивалась около них воронками.

Поезд тихо полз улицей вдоль Тиссы — в горы.

«МОРСКОЕ ОКО»

Воздуха словно не было. Был человеческий глаз и врезанные, впечатанные в небо контуры гор. Каждая черта выделялась — как в лупу; казалось, видны красные куски отставшей коры на стволах у горных вершин. Все близко, достижимо. И, если бы дать себе труд, верно, можно было пересчитать по дереву эти леса до самого дальнего гребня.

Дорога нырнула в дубраву, и высокий полог ветвей сомкнулся над головой. Километр за километром тянулся он. Иногда дубы сменялись буками. Но не было конца этой лесной дороге. Она развертывалась, как волшебная пряжа, неведомо откуда взявшаяся и вот заполнившая весь мир, хотя в руках был маленький клубок.

Ничего не осталось для путника, кроме стволов, древних, мшистых, исполненных, кроме сумрака и вечного ропщущего шума: слитный, однообразный, он казался только голосом вечной тишины. Ни зверя; редко-редко недалеко перепархивает одинокая темная птица, лениво взмахнувшая узкими крыльями. И вдруг шопот, бормотание; среди моховин серебрится струйка. В ней — вскипающие пузырьки. Может быть, это железистый или радиоактивный источник — горные склоны почти повсюду сочатся ими; может быть, это весть о сокровищах, которые спят в карпатских недрах и наполовину еще не разведаны нами...

Но невольно покоряешься внушению этого покоя, этой непомерной вековой неподвижности. Что прервет, что осилит ее?

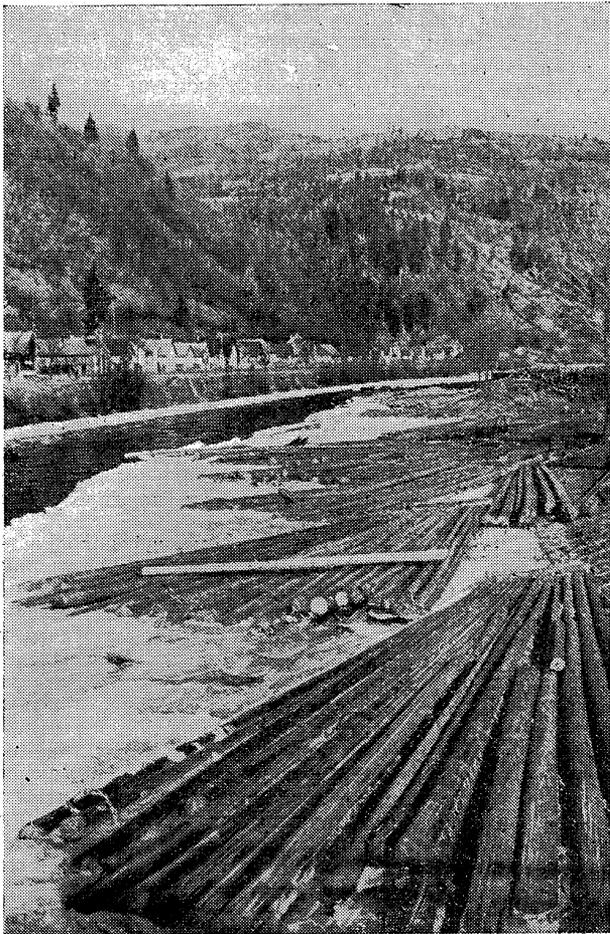
Разматывается нескончаемая пряжа. Теперь понимаешь, что такое 48 процентов площади Закарпатья, занятые лесами. Там, где свежее воздух, появляются сосны. Они стройны; они выпевают тонко, звеняще; под ними пусто, подлеска почти нет — мельтешат бурые и красные стволы. Внезапно торчком стоящий известковый утес раздвигает лес. Остаток кораллового рифа древнего океана...

Выше, выше... Где те рубежи, так близко, так уютно замыкавшие кругозор, которые ясно рисовались перед тобой на открытом месте всеми своими отчетливо различимыми буграми и складками? Конца — нет... Над соснами — кедры. Нежданно с удивлением встречаешь сибирскую лиственницу.

Расступился лес. Блеснуло горное озеро. Оно сильнее и круглое, два склона сбегают к нему и охватывают его мягкой зеленью, как два века глаза, смотрящего в небо. «Морским оком» называется здесь такое озеро.

Большая птица, вероятно орел, плавным и мощным полетом пересекла открытое пространство неба над ним.

Нашлась та сила, которая осилила извечную недвижность, разорвала оковы. Какими веселыми, ухающими перекатами постуков, гулов вторглась она сюда, как задорно подхватывает их эхо! Они слышны за несколько километров. Голоса, удары топора, звон пил — издали все это соединяется в одно могучее звучание. Нет сильнее, нет громче его во всей окружающей природе. Какой-то свой ритм в этой симфонии, свои звуковые лады; то нисходит она до звенящего, внятного пиано, то нарастает до раскатистого форте. И вдруг опять вырывается взрыв голосов.

Шлюзы открыты. По полой, бешеной воде, похожей на белый кипяток, все в пене, плоты прибыли в Рахов.

Много и по-разному писалось о рубке леса. Мы читали и помним элегические страницы о вторжении в величественное спокойствие природы грубых звуков разрушения и смерти. И вот мы слышим их в девственных лесах, чей покой от века еще никем не был смущен. И здесь, в летний день, под бездонным небом, мы слышим ликующие звуки, — не смерть в них, а торжество над мертвым пленом, не гибель, а рождение непобедимой радости. Как будто послышалась вдали и широко полилась над землей песня, спетая хором косарей в поле в знойный обеденный час, — и у путника, идущего издали, услышавшего ее, расширяется грудь, и блеснули глаза, и, как сметенная паутина, спадает с души все, что мельчило и пригнетало ее...

Мы обходим места порубок. Вблизи все звуки раздельнее и менее громки. Тут работают сотни людей. Но то, что разносилось, как гул голосов, оказывается скупой трудовой переключкой, короткой командой, иногда дружными, ритмическими покряками вроде нашего «взяли». А вообще голосов, пожалуй, даже меньше, чем у нас на порубках, — работа идет молчаливее. Идет она, очевидно, строго слаженно, подчиняясь крепкому порядку. Ни среди деревьев, где виднеются люди, ни на уборке сваленных стволов, ни на разделке их и подготовке к сплаву нет суеты.

У карпатских лесорубов — свои старые традиции. Но уже сейчас размах лесоразработок слишком велик, — традиций не хватает, в них властно вмешивается новая организация труда. Не хватает и лесорубов — втягиваются в дело не только окрестные, но и дальние села.

Бревна, светлые, розовые, с душистым запахом

сдобного теста, сложены на открытых полосах, прогалинах. Смеющееся солнце заливает отвоеванное человеком у леса пространство. Они возникают по большому плану, в котором учтены и нанесены на трудовую карту необозримые лесные массивы.

Курится дымок. Кухня варит горячую пищу. Скоро не надолго умолкнут звуки рубки, артели выйдут на поляны, люди поставят котелки и положат хлеб на светлые бревна — такие гладкие, чистые, душистые, что с них можно есть, как с тарелки.

Наступает кульминация в лесной симфонии.

Тисса перестает существовать немного выше Рахова. Там место слияния двух горных рек, образующих ее; — Белой и Черной Тиссы. Она слишком мелка для сплава.

Их перехватывают плотинами. В горах есть искусственные озера — водохранилища. В определенное время открывается шлюз. Сильный, пенящийся поток воды, с водоворотами, вырывается, до краев наполняет узкое русло. Стремительная, неузнаваемо-преображенная несетя теперь река. Рыхлой, желтоватой кипенью бьет в берега и крутит с ревом все, что ни попадет в ее бешеные воды.

И вот из-за поворота показываются плоты. Их мчит, их стремят, задвывает, кидает. Их много — один за другим. На них люди! Это сплавщики — бокараши. Ловко, бесстрашно управляютя они с потоком. Плот крутнуло, захлестнуло; он нырнул — вода по пояс людям; видно, какими отчаянными усилиями они не дают себя смочь.

Ремесло бокаря — трудное и опасное. Это не просто ремесло, но и искусство.

Когда они проносятся мимо; мы слышим песню,

Никогда не сплавляли столько плотов. Нынешняя работа по-иному организует людей и рождает новое отношение к себе. Сплавщики плывут вниз, к Рахову. Они знают, что туда они ведут топливо, ведут драгоценный материал для строек пятилетки — для фабрик, гудки которых скоро далеко разнесутся, сзывая народ, для электростанций, которые ярко озарят равнины и засветят огни в хатах деревень.

Они знают еще, что там, внизу, в Рахове, ждет их великан. Он растет не по дням, а по часам, растет и от их, бокарашей, труда; и это его руки гигантски протянулись, достали даже сюда, в карпатскую глушь, и разбудили лес от извечного сна.

Да, так, от извечного сна, просыпается этот край. И кажется, будто сломана грузная запруда, открыт шлюз, и хлынул животворящий поток — вот такой же, какой несетя из озера, из искусственного «морского ока», созданного людьми.

Спать тишина. Далеко — шумная река. Мы долго взбирались по крутым тропам.

И снова лесное царство отступило. Мы на лугу, чуть покотом, с мягкой, ровной травой. Удивителен этот луг, высоко вознесенный над землей, — широкий, с крестиками белых и желтых цветов; и странно, именно эти крестики, обыденные, невзрачные, вызывают чувство обособленности, отрешенности этого места.

Несколько возов с сеном движутся навстречу. На первом, лицом к передку, лежит девушка. Она приподнимается, управляет платок, кивает нам, потом опять ложится, еще раз без особого любопытства поглядывая в нашу сторону. Возы движутся в сторону скотных дворов и хат пастухов и доярок.

А мы идем туда, где слышится негромкое звяканье колокольцев. Пастухи собрались около потрескивавших под котлом сухих веток — они горят бледным, очевидно, жарким огнем почти без дыма.

— Добрый день!

Человек средних лет, в простом кожухе, худой, смуглый, черноволосый, ответил. Другие — парни помоложе. Они подвинулись, мы сели. Старшего звали Петром. Он пригласил нас поесть с ними, как сварится. Но котел кипел, и мы поняли из разговоров, что кого-то еще ждут.

Петр достал кисет. Один из нас предложил папирсы. Парни не курили.

— Красно дякую, — поблагодарил Петро.

Подшел старик лет под шестьдесят. Он снял шапку и произнес:

— Слава Иусу!

И Петро, который с нами поздоровался по-обыкновенному, старику ответил:

— Слава вовеки!..

Старика-то и ждали. За едой он сказал про обновку, которую купил жене в Рахове. А Петро сообщил, что Бицай с сыном сено уже накопили, да укос мало-ват, трава прижухла. Палов, слава тебе, нет, леса нигде не горят.

— Ветер с полуночи нанес тучи на Черногору, — сказал старик. — Дожди будут. Марийка что, Микола? — спросил он пастуха, у которого кожух, такой же простой, как у Петра, был накинут на одно широкое плечо.

— Уж на шлюбу (свадьбе) погулял, — отозвался Микола, покусывая травинку; к тулье шляпы его был приколот пучок желтых цветов.

— Файна гынка (девка), — сказал старик, не выказывая ни удивления, ни радости.

Все это, очевидно, был разговор не о главном. Старик о главном не начинал, — возможно, не хотел при посторонних, а прочие покорно ожидали. Но у молодого Василя недостало терпенья.

— Няньо! А у Рахове что виделось тебе?

— Ми сби видит, шо світ гарбуз, а люди, як мухи, — с досадой проговорил старик.

— Ци будують (строят), ци так полишили (бросили), — осторожно, даже без вопросительной интонации сказал Петро и примиряюще усмехнулся.

— Полишили? — вдруг ухватился старик. — Муры (стены) уже кладут. Я бих ишов, сам и бачив.

— Муры, будь ласка!..

— Еще копалей больше ста увечери приняли. Та ще треба..

— Ух! — удивился маленький веснучатый Михайло, парень лет шестнадцати. — Где же жить им?

— А дома рабочим построят, — все так же строго, смотря не на него, а прямо перед собой, продолжал старик. — Улицу или четыре — того не знаю. Лампочки в домах, люди говорят. Кругом садочки, яблоньки посадят..

— Життя, як свято (праздник), — сказал Василь.

Старик в первый раз повернулся к нему.

Он сказал так громко, будто завидел нас где-то вдалеке:

— Покажите нам ту сторону, где Москва. Прошу.

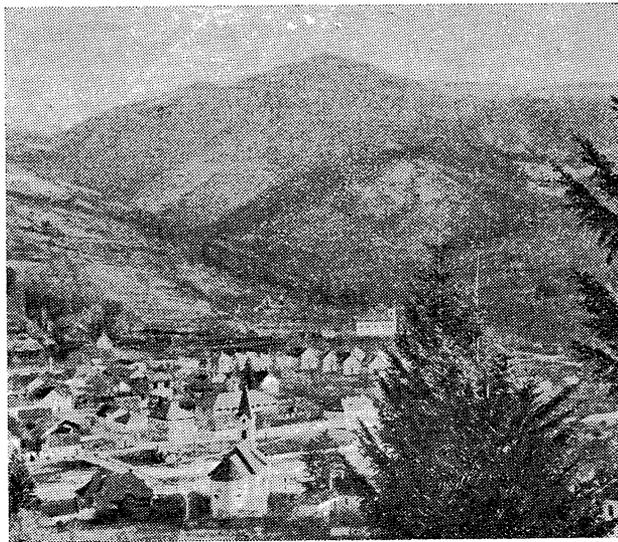
Мой спутник нерешительно обвел глазами кругозор, затем он вытянул руку. И, следом за протянутой рукой, пять пар глаз обратились к столпившимся на северо-востоке горам. Старик пожевал губами, но молчал, глядя попрежнему строго и как бы забывшись.

Потом солнце, склоняясь, красноватым золотом заткало зеленый ковер долины, и сильным свежим запахом травы и воды повеяло снизу. Зарозовел колоссальный шатер Говерлы. Василь вскочил. Вскоре послышались его дудка и колокольцы под откосом..

— Ишли вивцы, а вивчар забул трембиту, — раздавался сзади нас негромкий голос. Рослый Микола лежал на спине, примяв шляпу с букетиком цветов, а веснучатый Михайло сидел подле на корточках.

— Не бачит трембиты, та и вернувся: бо вивцы сдохнуть, коли б вивчар без трембиты. Але де вивцы спали, там спит чорт..

У наших пастухов нет трембит, да вряд ли где и на окрестных горах увидишь древние гуцульские двух-трехметровые трубы. Некогда голос их мощно разносился на полонинах и с вершины на вершину передавал сигналы и вести — в несколько часов узнавала вся Гуцульщина, что народ восстал против Габсбургов и мадьяр. Тогда немцы называли трембиты «боевыми

Рахов — удивительный город, центр Гуцульщины.

флейтами». Редко видны трембиты на полонинах, но всякий ребенок в Закарпатье знает, что они такие, если даже никогда не слышал этого голоса, громового и нежного..

— ...Вирубив вивчар из дерева чоловика, убрав его в свий одяг и положив спать. А сам влиз на приколибок: сидит и чекае. Чорт зачав мучить, морить деревяного чоловика.

— Ду-урний, — изумленно протянул Михайло.

— То ж не людина! Ты чуй, Як когут заспивав, чорт мусив у пекло. Тоди вивчар слиз, взяв трембиту и пишов до овед. Ось — хто дурний, а хто разумний..

Нет мистики в гуцульских сказках. Ни чадных туманов потустороннего, ни ужасов, — земля в них светла, тверда. Много кмора — так смеются сильные и добрые люди.

И я вспомнил давно, еще в Ужгороде, слышанную легенду о колоколе Говерлы. Будто бы здесь, на склонах Говерлы, некогда стоял русский город, и был в нем колокол, так отлитый из серебра искуснейшими мастерами, что звон его разносился по всем Карпатам, и будто прислал колокол из Киева Ярослав Мудрый. Всякий знал, что пока слышен этот звон — жив, свободен народ. Мадьяры, ворвавшись, сожгли город; но колокол так и не смогли захватить — он исчез.

Легенду мне рассказывал один кинооператор. А фольклорист из экспедиции профессора Богатырева, также слышавший рассказ, снисходительно передернул плечами:

— Варианты града Китежа.

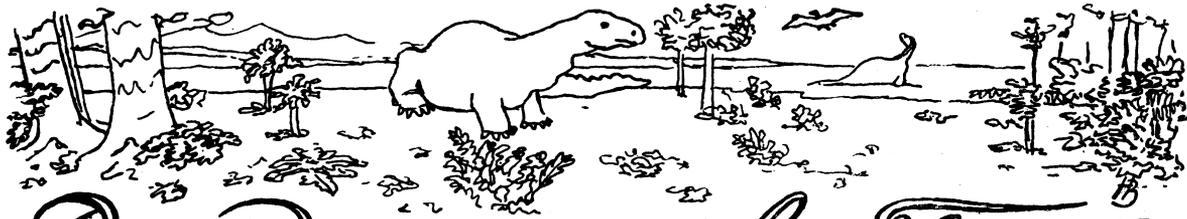
И теперь я говорю пастухам про город на горе, про вражье нашествие и про то, что колокол не дался — ушел в землю. «Что же, так и пропал серебряный колокол?» спрашиваю я, поглядывая на старика. Но он смотрел на далекий шатер, воздвигнутый на пылающих зубах Черногоры; глаза его были выцветшие, небольшие, с желтоватыми белками.

Была та тишина вечернего часа, когда звук может, кажется, облететь всю землю, не ослабляясь, — и снизу, из сизой долины, долетали слабая дробь рубки леса и отдаленные раскаты рухнувших стволов.

Петро улыбнулся.

— Он звонит — разве ж сами не слышите? Ишь гудит. Вин гукае!

И я так и не понял, знал ли он предание, или то и в самом деле был только бродячий сюжет, прикрепленный к гуцульской земле неумным киноображением оператора, моего ужгородского собеседника, — но я понял зато, что мне довелось узнать самый верный конец истории о колоколе Говерлы.

Видение в Гоби

Акад. В. А. ОБРУЧЕВ

Рис. Н. Витинга

Геологическая экспедиция находилась уже две недели в Монголии, в Долине озер.

Эта долина отделяет обширное лесисто-степное нагорье Хангай, занимающее север Монголии, от цепей Гобийского Алтая, расположенных южнее. Долина имеет несколько сот километров в длину с запада на восток и от сорока до шестидесяти километров в ширину. С нагорья Хангай в долину выбегают речки. Меньше крупные из них по выходе из гор быстро теряют воду, и их сухие русла теряются в степи. Более крупные реки впадают в соленые озера, расположенные ближе к подножию Алтая. Эти озера и обусловили наименование долины. В промежутках между речками предгорья Хангай из виде мягких увалов и цепей холмов часто вдаются довольно далеко в глубь долины, поверхность которой вообще представляет сухую степь, местами переходящую в полупустыню. Долина озер, в сущности, является западным рукавом степи Гоби, занимающей значительную и самую низкую в отношении абсолютной высоты часть Восточной Монголии.

Гобийский или Монгольский Алтай, окаймляющий с юга Долину озер, состоит из двух, местами из трех-четырех параллельных горных цепей, между которыми расположены более или менее широкие продольные долины, кое-где с речками и озерами. Цепи эти нередко скалисты, достигают абсолютной высоты в 3000—4000 метров, а в отдельных местах вершины их поднимаются выше снеговой линии и покрыты снегом и небольшими ледниками, которые видны издали и служат хорошими ориентирами. Монголы вообще любят обозначать термин «богдо» (великий) — чем-либо замечательные горы, и эти высокие вершины Алтая носят имена Ихэ-богдо, Бага-богдо и Цасату-богдо.

По Долине озер и между цепями Алтая пролегают большие караванные дороги, по которым в прежнее время ходили торговые караваны из городов Кобдо и Улясутай в китайский город Кукухото (или Гуй-хуа-чен) на северной окраине Китая, в нынешней провинции Суй-юань.

Реки, выбегающие из Хангай в Долину озер, врезают свое русло в дно долины и поэтому окаймлены террасами. Вдоль рек растут разные кусты, местами рощицы тополей и тала, а по берегам озер зеленеют заросли камышей, желтеют сыпучие барханные пески, которые встречаются и в других частях долины. На террасах вдоль рек, где грунтовая вода залегает глубоко, поверхность иногда представляет черную пустыню, усыпанную мелкой галькой и щебенкой, совершенно черного цвета от пустынного загара — «лака пустыни», который покрывает тоненькой пленкой породы любого цвета и состава и блестит под лучами солнца подобно маленьким зеркалам. Эти участки долины почти лишены растительности: жалкие кусты, колочки или перекаги-поле отстоят один от другого на десятки шагов.

Дно долины вокруг озера, а также в промежутках между ними большей частью представляет более или менее обширные впадины, ограниченные одним, двумя или тремя уступами, подобными ступеням гигантской лестницы. Уступы эти обычно разрезаны ложбинами и оврагами, иногда отрезающими от края уступа отдельный скалистый или округленный холм, который геологи называют «свидетелем». В обрывах уступов часто вскрыты пласты горных пород, слагающих дно Долины озер. Это грубые конгломераты с галькой и щебнем разных пород, песчаники, глины, редко мергели различных цветов — белого, желтого, зеленого, серого, шоколадно-бурого, кирпично-красного. Иногда красные цвета господствуют, и уступы под лучами восходящего или заходящего солнца кажутся раскаленными или пылающими.

В слоях этих пород нередко включены кости и даже целые скелеты позвоночных животных, которые некогда населяли обширные степи Центральной Азии. В верхних уступах находят кости лошадей, двухкопытных, носорогов, хищников, грызунов, изредка птиц и черепах, вообще животных, характерных для третичного периода. В нижних уступах попадаются кости и даже яйца земноводных и пресмыкающихся, особенно раз-

ных ящеров верхнемелового периода, а в самых нижних слоях залегают черные горючие сланцы, называемые «бумажными», потому что они делаются на тонкие слои, похожие на листы грубой бумаги. В них находят целые скелеты небольших рыб, остатки ракообразных, мелкие пресноводные ракушки, отпечатки растений: возраст этих слоев определяют как нижнемеловой, даже переходный к юрскому.

На дне впадин встречаются кое-где площадки кучевых песков, похожих на старые, заброшенные кладбища. Они состоят из холмиков высотой до метра, чаще до полуметра, расположенных довольно тесно один подле другого. Каждый холмик неплотно покрыт длинными, тонкими и гибкими ветвями куста нитрария с мелкими листочками и красными, соленосладкими ягодами, которые любят есть верблюды, козы и бараны. Под защитой каждого куста песок, переносимый ветрами, мало-помалу накапливается и удерживается, пока куст живой. А если его уничтожить, например на топливо, песок холмика опять будет развеян ветром и разнесен по соседним холмам.

* * *

Геологическая экспедиция прибыла в Долину озер, чтобы вести раскопки остатков вымерших животных третичного и мелового времени, сохороненных в слоях уступов, окаймляющих впадины на дне долины.

Экспедиция состояла из трех ученых — геолога и двух палеонтологов — и двух препараторов, умеющих откапывать хрупкие кости, укреплять их на месте жидким клеем или гипсовыми оболочками, чтобы затем вынуть из слоев без повреждений и укладывать в ящики для вывоза этих ценных редкостей домой. Несколько рабочих для раскопок, шофер автомашины, пастух для верблюдов и лошадей также входили в состав экспедиции, которая уже обследовала несколько впадин и выбрала одну из них, в уступах которой нашлось особенно много богатых костеносных слоев мелового возраста. Эти слои выходили в обрыве, который с

утра до вечера освещался и накалялся летним солнцем. Чтобы облегчить работу на солнцепеке, ее вели так: вставали с восхода солнца и уже с 6 часов утра начинали раскопки, пользуясь утренней прохладой, до 11 часов. Затем делали перерыв для отдыха и обеда в течение самых жарких часов, а с 4 часов до заката опять работали. Палатки экспедиции стояли на нижней террасе, недалеко от русла небольшой речки и в километре с лишком от места раскопок, на дне большой впадины.

В половине августа один день был очень труден для работы. В Центральной Азии тихая погода бывает редко. Обычно с восходом солнца просыпается и ветер. Он дует сначала слабо, к полудню усиливается и продолжается до заката, мало-помалу ослабевая. Ночью большую часть тихо. Но в этот день ветер не пропал с восходом, стояла полная тишина, солнце светило сквозь какую-то дымку и представлялось красным кругом без лучей. По мере поднятия его над горизонтом духота усиливалась; пыль, которую вздымали кайлы и заступы, не уносилась ветром, как в другие дни, а висела густой пеленой в воздухе и затрудняла дыхание. Все обливалось потом, хотя и сбросили рубашки.

А в этот день раскопки обнаружили особенно интересные окаменелости: не кости, а целое гнездо из 12 яиц ящеров, лежавших в буро-красном песчанике одно возле другого. Они отличались от птичьих яиц более удлиненной формой и имели 20 сантиметров в длину и 6—7 в поперечнике. Некоторые были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров. Следовательно, гнездо, согреваемое солнцем 75 миллионов лет назад, уже было близко к созреванию, когда какая-то катастрофа, может быть, песчаная буря, разлив реки или озера, на пляже которого самка ящера отложила свои яйца, занесла их толстым слоем песка и задушила пробуждающуюся жизнь.

Когда вскрыли все гнездо и освободили яйца от песчаника, в котором они покоились, было уже почти однадцать часов и все изнемогали от духоты и пыли. Поэтому решили отложить окончание раскопки до вечера. Но, уходя на стан, ученые распорядились, чтобы гнездо покрыли брезентом, придавленным по краям камнями.

— Большой песчаный буран будет! — заметил монгол-рабочий, взглянув на небо.

«И эти драгоценности могут пострадать — их занесет песком или даже разбросает и разобьет», подумал геолог Попов.

Вернувшись на стан и пообедав, все разошлись по палаткам на отдых. Днем полы палаток всегда немного поднимали, чтобы продувал ветерок; без этого в палатках, нагретых солн-

цем, было бы слишком душно. Начальник экспедиции — геолог Попов — занимал отдельную маленькую палатку. Он улегся на складную кровать и задумался. Уже несколько дней ученые горячо обсуждали вопрос, какой вид Центральной Азии имела в то время, когда ее населяли различные семейства, роды и виды древних ящеров. Каков был климат этой обширной страны, какова растительность? Кости, находимые в изобилии, давали хорошее представление о животном мире, а состав меловых слоев указывал на условия их образования. Это были континентальнее отложения, образовавшиеся на суше, в озерах, реках и на подножиях гор в виде сильных наносов из материала, вынесенного дождевыми потоками из ущелий гор. Здесь было довольно много конгломератов и грубых песчаников — значит, местность не представляла равнины, а была гористая: в озера сносился материал размыва окрестных холмов и гор.

Но почему же в меловых слоях совсем не попадались остатки растений?

По мнению палеонтолога Петрова, отсутствие пластов угля среди этих отложений доказывало, что на дне впадин вокруг озер не было болотистых лесов, которые могли бы превратиться в пласты каменного угля. Другой палеонтолог, Панов, говорил, что огромные, неуклюжие бронтозавры и другие крупные ящеры не могли бы жить в болотистых дремучих лесах и пробираться между стволами деревьев. Обилие костей ящеров, найденных учеными, показывало, что когда-то здесь были обширные пышные луга с отдельными кустами кустов и деревьями или леса, похожие на нынешние «галлерейные» леса в Южной Африке, где свободно гуляют слоны и носороги.

«Окаменелые стволы деревьев, похожие на кипарисы, уже найдены нашими исследователями в Монголии, — вспомнил геолог замечание, сделанное недавно Петровым. — Значит, деревья здесь были».

«Но почему же в костеносных слоях нет отпечатков листьев или стеблей растений? — продолжал размышлять Попов. — Ведь эти огромные и

Некоторые яйца были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров.

многочисленные травоядные ящеры нуждались в большом количестве растительной пищи, чтобы существовать самим и доставлять пищу хищным ящерам, столь же многочисленным и разнообразным».

Остается предположить, что эти обжорливые громадные травоядные съедали дочиста всю растительность, конечно, за исключением древесных стволов. Вот почему в отложениях совсем не попадали листья и стебли вместе с костями. Все было съедено и переварено! А в этой обжорливости, может быть, и кроется главная причина вымирания ящеров. Они вырождалась и вымирали от недостатка пищи, уступая место мелким и менее прожорливым млекопитающим.

Попов лежал на кровати, и мысли его возвращались к этому интересовавшему его вопросу: почему так обильны и разнообразны были семейства, роды и виды ящеров, вообще именуемых динозаврами, в меловом периоде и почему так быстро и загадочно исчезли они к началу третичного времени? Он вспомнил и о летающих ящерах, также разнообразных и обильных, и об отсутствии переходных форм от них к настоящим птицам, за исключением странного археоптерикса, жившего, впрочем, гораздо раньше. В противоположность голым птеродактилям археоптерикс уже был покрыт перьями, но он имел еще зубы в клюве и когти на крыльях.

* * *

В палатке было очень душно, и не спалось.

«Пойду лучше на воздух, пройду к раскопкам, проверю, хорошо ли укрепили брезент», подумал Попов. Он надел шляпу и вышел из палатки. И сразу же ему бросилось в глаза изменение всего облика местности. Вместо сухой степи с пожелтевшими от летнего зноя кустиками и мелкой травкой перед ним расстилался ярко-зеленый луг. Трава выше колен и выше; одни были похожи на огромные кочаны капусты с отвисавшими сочными листьями, каждый из которых был величиною побольше дождевого зонтика. Другие кусты походили на кактусы, но без шипов и с алыми цветами. На третьих, более мелколистных, гроздьями висели мушкетерские ягоды, похожие на крупные сливы.

Геолог шел по лугу, раздвигая траву. В воздухе реяли синие, зеленые и красные крупные стрекозы, пронеслись с громким жужжанием черные и бронзовые жуки величинной в детский кулак. Вдали на юге луг доходил до подножия цепи Монгольского Алтая, которая поднималась зеленой стеной, увенчанной рядом

скалистых пиков, на которых белели пятна и полосы снега.

Несколько раз геолог оглядывался на ходу и замечал, что Хангай, ограничивавший горизонт на севере, также сделался выше, круче и зеленее. Немного дальше, среди луга, справа, открылся вид на русло довольно широкой и полноводной речки, которая струилась между невысокими берегами. Эта речка совсем не походила на жалкий ручей, журчавший по гальке среди широкого, сухого русла, которое пролегалo недалеко от стана экспедиции.

Еще сотни три шагов — и открылось устье речки у большого озера, гладь которого расстилалась почти до западного горизонта. На воде кое-где плавали какие-то крупные черные птицы с большими головами на тонкой шее и длинными клювами. Время от времени они погружали всю переднюю часть тела, выставляя заднюю, как делают утки. Попов повернул по хорошо протоптанной дорожке вдоль берега озера налево, где в стороне виднелась группа пальм и каких-то остро-пирамидальных деревьев, похожих на кипарисы. Большая стрекоза, неожиданно с налету ударившая геолога по щеке, заставила его поморщиться.

Немного дальше его внимание привлёк возвышавшийся среди зелени луга голый и гладкий зелено-серый холм с темнозелеными полосами и пятнами.

* * *

«Какая-то странная порода, не змеевик ли? Нужно посмотреть», подумал Попов и направился к холму. И вдруг от холма отделилось нечто длинное, похожее на гигантскую змею с большой головой и блестящими глазками, смотревшими на человека. Геолог инстинктивно прижался к кусту, похожему на огромный кочан капусты, и закрылся его листом. Змея изогнулась, голова направилась к тому же кусту, раскрылась пасть, схватила плоскими резцами лист капусты, дернула и оторвала его, подняла вверх, подбросила и, подхватив за мясистый черенок, начала пожирать зеленъ, размахивая листом, словно веером, вверх и вниз.

Попов с интересом наблюдал эту сцену. Он догадался, что холм был туловищем этого чудовищного сквиwотного, а змея представляла его шею и голову, совершенно непропорциональные телу.

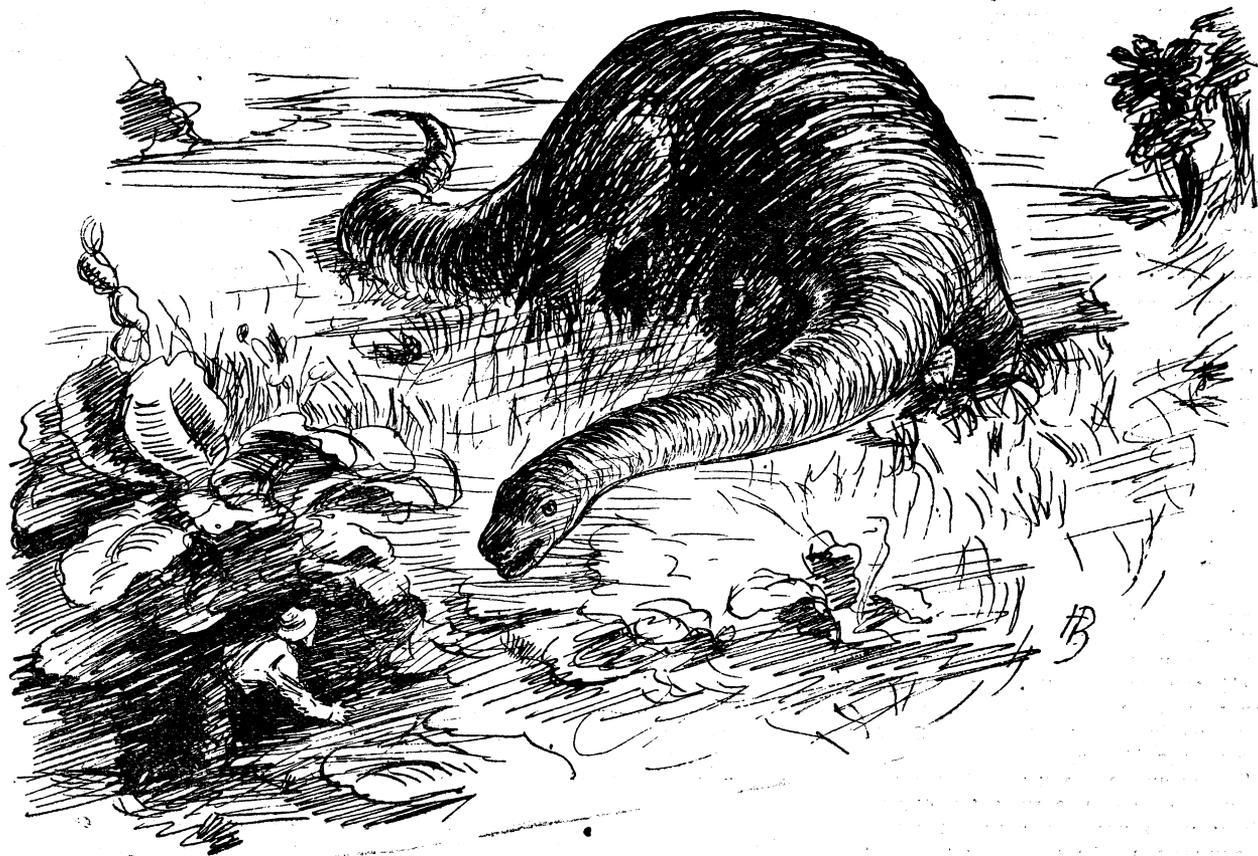
— Это, конечно, бронтозавр, — прошептал он. — Этакая громадина! Но нужно ретироваться, он может нечаянно толкнуть, опрокинуть, растоптать, хотя, по существу, это совершенно безобидный великан.

Скрываясь за листом капусты, геолог начал было осторожно подвигаться назад. Ящер заметил это движение. Голова человека в светло-зеленой шляпе среди темной зелени кустов привлекла внимание чудови-

ща. Оно приняло ее, очевидно, за сочный бутон или даже плод растения. Выплюнув остатки листа, голова ящера протянулась к ученому, который увидел возле своего лица розоватые мясистые губы и желтые резцы. Из чуть приоткрытой пасти зыривалось мощное кислое дыхание; с губ стекала зеленая струйка капустного сока. И вот губы схватили шляпу, сдернули ее с головы человека, подбросили вверх, подхватили и затянули в пасть. Но фетр не пришелся по вкусу ящеру. Мотнув головой, он выплюнул шляпу и потянулся за новым листом капусты.

Попов, невольно присевший, когда с него срывали шляпу, продвинулся под защитой куста на несколько шагов в сторону и, нагнувшись, побежал между кустами прочь от обжорливого великана. Местность в этом направлении немного повышалась. Остановившись через несколько минут и оглянувшись, геолог увидел, что бронтозавр продолжал обедать тот же куст. Его массивное туловище поднималось плоским бугром над всеми кустами, но темные полосы и пятна делали его мало заметным на фоне луга. Длинная шея с маленькой головой то поднималась высоко вверх, подбрасывая оторванный лист, то почти скрывалась в зелени кустов. Немного левее зиден был второй бронтозавр, также пасшийся на лугу.

Попов поднялся еще немного выше по косоугору и очутился на поверхно-

Голова ящера протянулась к ученому.

сти плоского увала. С него видна была другая обширная впадина с таким же дугом, кустами и рощами палм и кипарисов. Вдали сверкала гладь большого озера. Одно место на его берегу сразу привлекло внимание. Там то и дело взлетали и кружились мелкие и крупные темные птицы, слышались пронзительный писк и громкое кваканье. Полет птиц напоминал неровный полет летучих мышей с частыми, мелкими взмахами крыльев. Вероятно, на берегу озера лежала какая-то крупная падаля, и птицы (это были крылатые ящеры) взлетали, кружились, садились на нее, дрались друг с другом, падали и квакали.

* * *

Один из ящеров, кружившихся над падалью, повернул и полетел в сторону наблюдавшего за ним Попова, спланировал невысоко над его головой и сейчас же полетел обратно, издавая резкий свист. Можно было рассмотреть голое, зелено-серое туловище, поджатые к нему снизу короткие ноги с длинными когтями, широкие голые крылья в виде перепонок между боками тела и длинными пальцами передних конечностей, короткую шею и большую голову с длинным зубастым клювом. Величина тела достигала примерно роста десятилетнего ребенка.

«Высмотрел меня и, должно быть, хочет мной поживиться, — подумал Попов. — А теперь полетел за подмогой! Если парочка таких тварей нападет с двух сторон — защищаться от их когтей и зубов будет трудно. Нужно бежать!»

Он повернул назад и пошел по увалу, спускаясь к первому озеру. Неожиданно перед ним открылась небольшая котловина, на дне среди кустов журчал ручеек. Дно котловины представляло площадку, усыпанную мелкой галькой. На площадке резвился десяток маленьких ящеров величиной с кошку. Они подбегали друг к другу, тыкались носами, припадали к земле, кувыркались. В общем это напоминало игру резвых щенят. Но вид их был довольно странный. Голое, желто-зеленое с пятнами туловище оканчивалось с одной стороны недлинным хвостом, а с другой — рогатой головой, окруженной по шее высоким шитообразным воротником с зубчиками. Голова как будто была прилеплена к этому воротнику. Морда была клювообразной, над глазами выдвигался довольно длинный рог. В общем голова походила на нечто вроде шляпки странного гриба приклеенного к туловищу. Ноги были довольно длинные, с когтями. Попов с интересом наблюдал повадки этих ящерков.

«Как будто это трицератопсы, — подумал он. — Неужели они успели уже вылупиться из яиц, которые мы сегодня откопали?»

Буря быстро приближалась...

И вдруг широкая тень промелькнула по котловине. Ящерки тотчас же разбежались: одни укрылись под кустами, другие припали к поверхности земли, и можно было заметить, что темные пятна на их желтых телах делали их трудно различимыми на площадке, усыпанной галькой.

Крылатый ящер, пролетевший над котловиной, быстро замахаю крыльями и сел на гальку шагах в десяти от геолога, притаившегося между кустами на краю котловины. При первом взгляде на это животное Попов подумал с удивлением: «Но это же не ящер, а скорее настоящая птица!» Действительно, сразу можно было заметить, что животное это было покрыто чем-то, очень похожим на перья. Оно было высотой больше метра, считая от головы до конца хвоста, то есть крупнее орла. Шея была длиннее орлиной, клюв похож на клюв аиста и усажен мелкими зубами. Ноги высокие, пальцы снабжены большими когтями. Это был, очевидно, крупный хищник, преследовавший мелких ящеров. Медленно поворачивая голову, он высматривал притаившихся в котловине ящерков. Один из прикавившихся к гальке пошевелился, и хищник быстро скакнул к нему и ударил клювом по спине; при этом он расправил крылья, и легко было заметить, что это не перепоночка, как у ящеров, а длинные крылья зелено-серого цвета из стоящих перьев. Пойманный ящерок пронзительно пищал.

«Неужели это гесперорнис! — подумал Попов. — Тогда это одна из первых настоящих птиц, живших в конце мелового периода».

* * *

— Алло, алло, Иван Петрович! Вставайте скорее! Ураган налетает, нужно крепить палатки! — послышался чей-то громкий голос.

Попов вздрогнул. Окрик товарища прервал увлекательную игру воображения и вернул ученого мечтателя к действительности. Полотнища палатки надувались и хлопали; шляпа геолога валялась на полу. Попов вспомнил, что эту шляпу недавно жевал бронтозавр, поднял ее, нахлобучил и вышел из палатки.

Буря быстро приближалась. Вся западная половина неба была закрыта тяжелой буро-желтой тучей, край ее уже скрыл солнце. Низ тучи все время клубился в виде восходящих, круто наклоненных, круглящихся столбов. Гравий и песчинки дробью били по палаткам. По земле извивались змейками струи песка, пронеслись сухие веточки, листья, прыжками передвигались желтые кустики перекаченного поля.

Рабочие пригнали трех лошадей и двух верблюдов, которые паслись в степи недалеко от стана. На этих животных перевозили ящики с добытыми костями с места раскопок на стан, и в бочонках привозили воду из чистого бочага в русле речки, найденного довольно далеко от стана. Лошадей привязали к грузовику с подветренной стороны, а верблюдов уложили на землю спиной к ветру.

Еще немного — и буря надвинулась на лагерь. Стало темно. Полотнища палаток гнибались со стороны ветра глубоко внутрь и трепетали, песчинки сыпались на них градом и струйками стекали вниз. Казалось, что холст не выдержит давления воздуха, лопнет по швам, и палатка, разорванная на куски, улетит, подобно стае белых птиц, вместе с волнами бури на восток. Люди, стоя, подпирали руками вертикальные шесты, дрожавшие под напором ветра.

При одном из порывов бури Петров заметил своего товарищу Панову:

— Вспомните, что известный вам географ утверждал, будто бы пыльные бури бывают только там, где

имеются пахотные поля, с которых ветер и поднимает мелкую пыль. По его словам, в пустыне такие бури невозможны. Что сказал бы он сегодня, будучи здесь, в Гоби, где на сотни километров нет никаких пахотных полей и нет даже колесных дорог, всегда пылящих при ветре? Откуда же здесь столько песка и пыли?

— Бывают такие упрямые ученые, — ответил Панов. — Они упорно защищают свои слишком скоропалительно надуманные гипотезы, не считаясь с фактическими данными, которые их опровергают. Ему следовало бы посетить также пустыни — bad lands — в центральных штатах Северной Америки, где никто не пашет землю, а пыльные бури нередки и уносят пыль до Нью-Йорка, за тысячи миль на восток.

* * *

Буря продолжалась часа полтора и закончилась коротким, но сильным ливнем с грозой, вообще довольно редким явлением в Гоби. Ливень встревожил ученых. С уступов впадины, на одном из которых были вскрыты костеносные слои, вода могла литься потоками и водопадами, снести брезент, разбросать и повредить только что вскрытые яйца ящеров. Следовало проверить место раскопок. Палеонтологи направились туда. По пути, проходя вдоль берега речки, которая утром представляла

еще жалкий ручеек, они увидели целый поток, шириной с десяток метров. С шумом катил он свои волны, буро-желтые от грязи, перекатывая по руслу гальку и даже валуны. Очевидно, ливень захватил и склоны Хангая, откуда дождевая вода только теперь успела добежать до дна Долины озер.

На месте раскопок также видны были следы работы ливня. У подножия уступов во многих местах лежали смытые со ступеней конусы желто-красной грязи с галькой и обломками. В глубокой ложбине на дне впадины стояло озерко грязной воды. В озерке купался брезент, снесенный бурей со ступени, на которой утром было вскрыто гнездо яиц. Гнездо было покрыто слоем красной грязи в два-три пальца толщины, нанесенной водой.

Осмотрев место, ученые решили не счищать сейчас грязь с яиц. Это могло повредить намокшую скорлупу. До утра грязь не могла высохнуть, а только должна была застыть, и тогда ее будет легче снимать кусками, осторожно и не торопясь. Брезент вынули из воды и разостлали сушиться.

Тем временем Попов прошел на восток от стана, где он накануне нашел в барханных песках несколько палеолитических орудий и оставил их на песке, чтобы легче найти это место и начать правильную раскопку.

Орудия — грубые наконечники стрел, большое острие копыя и несколько скребков — лежали, чуть выдаваясь из песка, на самой нижней части наветренного склона одного из барханов. Геолог скоро нашел это место и сначала не поверил своим глазам: вместо семи-восьми предметов, оставленных накануне, он увидел целые десятки их. Повидимому, в этом месте когда-то была целая мастерская первобытного человека. В свое время мастерскую засыпал надвинувшийся большой бархан, и мастера ее потеряли. Много веков песок, перевеваемый ветрами, медленно перемещался по их направлению. Накануне, когда здесь были геологи, наветренный склон барханов начал сходить с места, где была скрыта под песком первобытная мастерская. Прошедший ураган почти очистил от песка древние орудия и камни, частью уже расколотые, когда-то принесенные сюда первобытными мастерами. На всех орудиях на гранях, созданных человеком при обивке породы, видны были следы полировки их песком.

Попов захватил несколько образцов орудий, чтобы показать их товарищам и начать раскопки. Это было первое открытие остатков палеолитического человека в Гоби, и оно очень обрадовало ученого. Теперь и он привезет из экспедиции хорошую добычу...

БОГАТСТВА НАШИХ НЕДР

На высоте 3500 метров над уровнем моря, на северных склонах Алайского хребта, в Киргизии, работала зимой 1947 года геолого-изыскательная партия.

Геологам удалось обнаружить здесь новое сурьмяное месторождение с богатым содержанием металла в руде.

Более широкий характер работа геологов примет здесь летом. Предварительные данные говорят о возможности наличия новых рудных залежей в районе Абширского сурьмяного месторождения.

В три раза увеличивается в текущем году объем работ по разведке железных руд для ленинградской металлургической базы. Геофизическая экспедиция Ленинградского геологического управления текущим летом произведет воздушную аэромагнитную съемку северной части Карело-Финской ССР на площади до 45 000 квадратных километров. Поисковые магнитосъемочные партии, воздушные (с самолетов) и наземные, будут работать и в других районах Карело-Финской республики и на Карельском перешейке.

В сесоюзный трест «Союзгазразведка» заняты поисками новых месторождений природного газа. Сейчас разведки ведутся близ трассы газопровода Саратов—Москва. В конце 1946 года было начато глубокое бурение скважин в районе

Пачелмского поднятия, в 120 километрах западнее Пензы. В 1947 году эти работы будут продолжены.

Трест начал разведки природного газа также и на границах Московской и Калининской областей, в Анапском районе Краснодарского края, в Приазовье, Астраханской, Сталинградской, Горьковской и Саратовской областях.

ТРУДЫ СОВЕТСКИХ ГЕОГРАФОВ

На Кавказе и в республике Средней Азии работают экспедиции 1947 года, организованные Институтом географии Академии наук СССР.

Участники экспедиций собирают материалы для большого труда — «География

СССР». Труд этот будет состоять из нескольких томов, общим объемом до 400 печатных листов.

Издание будет завершено в конце послевоенной сталинской пятилетки.

В полярную навигацию 1947 года отправляется на Новую Землю физико-географическая экспедиция Арктического института во главе с Г. В. Горбачевым. Экспедиция должна «стереть» последнее «белое пятно», до сих пор еще остающееся неисследованным на южной окраине Новой Земли. Общая площадь «пятна» достигает 5—7 тысяч квадратных километров. Попытка одной из экспедиций проникнуть в центральную часть этого района в 1923 году не удалась — географам преградил путь громадный ледник.

Экспедиция Арктического института провела в начале 1947 года археологические изыскания на месте древней Мангазы — одного из первых русских городов за Полярным кругом. Остатки острога, деревянных стен, окружавших город, башен и посада сохранились до сих пор. Экспедиция произвела съемку городища и его окрестностей. Раскопки дали ряд ценных материалов, характеризующих быт былых обитателей Мангазы — образцы керамики XVI—XVII веков, железные изделия, серебряные украшения и монеты времен Ивана Грозного и первых Романовых.

ОУЭНГА

РУСТАМ АГИШЕВ

Рис. Б. Езинева

Повесть¹

VIII

Нарты охотников уже были далеко. Чуя дом, собаки быстро бежали, распустив по ветру пушистые хвосты, грудью разрезая пелену свежеевыпавшего снега.

На задних нартах с тяжелой поклажей ехал Мукчука. Старик преобразился. Он бодро покрикивал на собак, размахивая длинной палкой. В глазах его светилось торжество. Он поминутно оглядывался назад, как беглец, уже ушедший, но еще остерегающийся погони.

Странно чувствовал себя Сандига, ехавший на передних нартах. Он смутно ощущал, что едет куда-то. Укутанный тулупами, он был привязан к нартам. Это удерживало его от падения на поворотах.

Он не может пошевелиться, раскрыть веки. Его тело будто налито свинцом, лицо горит, в горле пересохло, а голова, как дупло, в котором гудит ветер. Так худо ему никогда не было. Чем он болен?

Внезапно наскочив на пень, нарты повалились набок. Проволочив их по снегу, собаки стали. Вербки лопнули. Сандига вывалился и с головой ушел в сугроб.

Холод обжег его лицо. Он жадно глотнул снег. Дрожь пробежала по телу. Глаза раскрылись.

Мукчука ругал головных собак, пытался поднять нарты. Сандига подошел к нему, шатаясь, помог поставить нарты на след, тяжело опустился на них, растирая обмороженными пальцами виски.

Вдруг словно кто толкнул его. Сандига вскочил, лихорадочно оглядел передние и задние нарты, глухую просеку и остановил мутные глаза на брате.

— А Оуэнга?

Переминаясь с ноги на ногу, Мукчука молчал.

— Где мой сын?

Старик глядел куда-то в небо. Глаза его сузились, заблестели, голые дуги бровей сдвинулись.

— Его нет с нами. Нас нет возле него. Так пожелал Сандимафа!

Ноги охотника подкосились, он по пояс погрузился в скрипучий снег. Впервые за многие годы он почувствовал ложь в словах брата.

— Сандимафа не мог пожелать этого! — воскликнул он. — Что ты сделал с моим сыном? Зачем ты сковал мои руки?

И Сандига грозно надвинулся на брата.

Шаман не шелохнулся. Он холодно смотрел на охотника.

Обломав суковину, Сандига ударом о колено разнес ее в щепы.

— Слепая сила вот как слабого крушит. Так мой сын в лапах зверя пропадет. Мой маленький сын...

Держа в вытянутых руках бурукан, Мукчука тихо промолвил:

— Ты болен, брат! Покрепче себя держи. В тебя вселился злой дух. Изгоним его...

— Нет уж, погоди! — гневно крикнул охотник и, подбежав к упряжке, быстро повернул ее назад. — Сначала я сына разыщу.

И он на ходу вскочил на нарты.

Поднималась пурга. Наметанный глаз следопыта заметил уже, как прошла низом волокуша, осторожно трогая снег, как задымилась затем под стволом поземка, кружа снежинки.

Небо заволокло свинцом. Низко нависло оно над тайгой. Стало сумрачно, деревья сдвинулись, снег посинел.

Сандига глубже надвинул шапку, заторопил уп-

¹ Окончание. Начало см. в № 5 журнала «Вокруг света».

Держа в вытянутых руках бурукан, Мукчука тихо промолвил: «Ты болен, брат!»

ряжку. Надо во что бы то ни стало опередить пургу, чтобы не потерять следа.

Пурга налетела сбоку. Зашумела тайга, завывала, скособочилась. Сплошной гул встал над чащей. Содрогнулись могучие стволы, пригнулись к земле молодые деревья и, не в силах выпрямиться, звенели, как натянутые струны.

Непреодолимая сила давила на собак, сбивая их с пути. Они металась из стороны в сторону, скулили от ярости, проваливались в невидимые ямы. Колочий снег и сорванная хвоя комьями летели на открытое лицо седока, слепили глаза. Человек то соскакивал с нарт, то снова ложился на них вниз животом, яростно погоняя собак.

Сандига был рад, что начиналась пурга. Он полагал, что юноша, проснувшись, не решится в такую бурю покинуть избушку, где он был в безопасности. Он успокоит мальчика, скажет, что провожал дядю с «хозяином», а сам вернулся, чтобы еще денек поохотиться с сыном. Вот-то обрадуется мальчик!

Наконец за сплошной пеленой проносившегося наискось снега, за деревьями замелькала избенка. Она горела.

Красный огонь пожара в седой гущине пурги был зловещ. Ветер яростно хватал густые клубы дыма, поднимающиеся над земляной крышей. Горящая дверь билась о стену, рассыпая искры. Лыдина в окне растаяла, из отверстия вырывалось пламя.

С криком ворвался Сандига в избу, обжигаясь, обшарил пылающие нары, углы. Но там никого не было.

IX

Оуэнга плутал по тайге.

Вначале он, подложив в камин дров на случай возвращения, уверенно пошел на лыжах по свежим следам нарт, надеясь догнать охотников где-нибудь на привале.

Глубокий снег и еле заметные зарубки на деревьях, сделанные топором Сандиги еще много лет назад, связывали молодого охотника с родным стойбищем. Он был уверен, что если даже не догонит нарт, то все равно, рано или поздно, дойдет до дому.

Сил в нем было много.

Была еще и твердая уверенность, что отец одумается. Не может быть, чтобы великий охотник, поддавшись уговорам шамана, перестал быть отцом. Ведь они так любили друг друга! Сандига, конечно, повернет назад, они найдут друг друга. Видимо, отец хочет только проучить его за дерзость.

Но вот надвинулась пурга.

С содроганием принял юноша ее тяжесть на плечи. Бьюга заметалась между стволов, бешено ударила в лицо.

Оуэнга согнулся. Затем, раскрыв глаза, он увидел, что там, где только что вился заветный след, дымитесь высокий сугроб. Вслед за этим снежный вихрь закрыл и деревья.

Где-то далеко, в теплых избах люди сидят у ярко пылающих камельков, едят, пьют, готовятся к празднику. Сейла вышивает рукавицы, мать готовит ужин. Обе думают о нем и ждут.

— Сейла! — шептал посиневшими губами Оуэнга, вспоминая прощальные слова подруги. — Сейла!..

Натыкаясь на них, в кровь расцарапав лицо и руки о колючие кустарники, Оуэнга, как зверь, метался по сугробам. Но пояс в снегу он терял лыжи, шапку, рукавицы, снова подбирал их.

На пути его вставали буреломы. Раз он оказался погребенным внезапно свалившимся деревом. И только по счастливой случайности остался жив.

Задыхаясь, из последних сил волоча ноги, взобрался, наконец, юноша на пригорок, на котором росла одинокая ель.

Место показалось ему знакомым. Он вспомнил, что под этой елью находится берлога убитого «хозяина». Вид знакомого дерева обрадовал и успокоил юношу. Отсюда он легко может добраться до избушки, переждать бурю, подкрепиться остатками пищи, затем снова пуститься в путь по зарубкам отца.

Оуэнга опустился на скалу под прикрытие тяжелых еловых ветвей, образующих удобный навес и, прислонившись спиной к стволу, решил немного отдохнуть.

Ель все еще содрогалась от ветра, но пурга стала заметно ослабевать. Лихорадочная дрожь дерева передалась человеку. Оуэнга почувствовал озноб.

Он знал: сейчас его потрясет лихорадка, затем усталость разольется по всем членам, сомкнет веки, заложит пухом уши. Потом сладкая дрема овладеет им — и он уснет навсегда.

Нет! Разве дома не ждут его Сейла, мать, отец? Они ждут его и знают, что пропасть он не может. Не должен пропасть!

Оуэнга с усилием открыл глаза.

Прямо на него, сквозь поредевшую сетку бури, глядели немигающие желтые глаза. Сердце юноши зануло.

Тигр распластался длинным полосатым телом на остатках разрушенной берлоги. Пять-шесть метров прогалины отделяли врагов.

Хищник настойчиво и осторожно преследовал вооруженного человека. Он был голоден. Хвост тигра размеренно хлестал по корягам справа и слева. Он лежал, положив крупную красивую голову на широкие лапы, видимо, готовясь к прыжку.

Оуэнга сжал ружье. Пробыл его час. «Под левую лопатку бей», пронеслось в голове. Это — «хозяина». А тигра? В какое место бить бога? В какое бы то ни было, — тигра надо уложить с первой пули. Это Оуэнга знал. Раненый зверь страшнее дюжины здоровых.

Ну, нет, история с медведицей не повторится! Теперь ему никто не помешает. В сознании юноши всплыло злое лицо дяди. Может, это шаман обернулся тигром?

Оуэнга был спокоен. В эту минуту он сам был, как тигр, — хитрый и гибкий. На всякий случай юноша проверил нож. Клинок был тут, на поясе. Все было на месте.

Раздвинув ветви, Оуэнга твердо шагнул из-под навеса, на ходу вскидывая ружье.

Красный огонь пожара в седой гущине пурги был зловещ.

Хищник, казалось, прирос к берлоге. Глаза его были, как два солнца. Тигр прыгнул внезапно. Могучее тело его упруго взвилось над прогалиной и повисло в воздухе.

Пуля охотника сразила зверя на полпути.

С коротким ревом животное повалилось на скалу у самых ног охотника.

Оуэнга, крича от радости, шагнул вперед. Он подумал, что враг убит. Но, собрав остатки сил, страшно рыча, тигр встал. Кровь лилась из развороченного черепа. Глаза не видели, но зверь наугад еще раз ринулся на своего врага. Сверкнул в воздухе нож. Человек успел опередить зверя. Удар пришелся прямо в сердце. Оба — и человек и зверь — повалились со скалы в снег.

С остервенением, крича и плача, наносил Оуэнга удары ножом.

Тигр содрогнулся, застонал, опрокинулся. Несколько мгновений лежал недвижно. Дернулся. Сомкнул окровавленную пасть. Затих.

Человек высоко поднял над головой нож.

Громкий ликующий крик вырвался из его груди.

Эхом откликнулась тайга.

Великаны-кедры спешили передать вокруг неслышанную весть о том, как сложил свою голову грозный властелин тайги.

X

Ветер, веселый, праздничный, кружит над стойбищем, задорно задевает ветви, обсыпанные искрящимися снежинками; вьется легкой поземкой; проносится над заевавшими мальчиком, с ног до головы укутанным в меха, шиплет его мимоходом за нос.

Вот уже ветер над крышей, шаловливо треплет дымок, поднимающийся из трубы, и словно принюхивается к запаху жареного, идущему из печей.

Вкусно пахнет медвежатина!

Хозяйки, одетые в новые цветные халаты, по вороту и подолу обшитые тяжелыми монетами, уже прожарили мясо со всех сторон и заливали его ароматным соусом. Они принесли в дар лесному хозяину священные душистые травы, посыпав ими сочные куски мяса. Блюда, украшенные еловыми ветками, поставлены в угол по соседству со «святым» буруканом. Еще раньше туда поставили разукрашенную голову медведицы. Ей не позабыли приготовить угощение: прямо перед пастью дымится блюдо с кашей.

Вкусно пахнет медвежатина!

А подростки уже обходят избы, призывая взрослых к вкушению священного мяса и сообщая приготовленных праздничных яств.

Низко кланяясь, мальчики неизменно говорят:

— Сородичи, мужчины, будьте гостями.

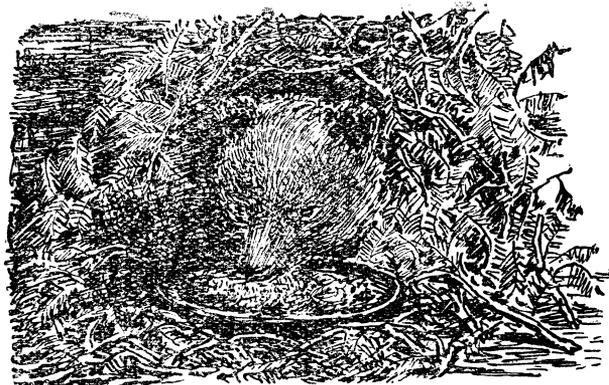
Медленно и важно идут на пиршество мужчины, одетые в праздничные собачьи дохи и лисьи шапки.

А когда за околицей раздается нетерпеливый лай чужих собак, все гурьбой выбегают из избы навстречу дальнему сородичу, прибывшему с домочадцами на праздник. Услужливо распаивают на прибывших меха, подхватывают на руки ребятишек и с почетом ведут в дом.

Девушки нарядились сегодня в лучшие свои платья и халаты, вышитые цветными узорами. Невесты надели серьги, кольца, ожерелья из серебряных китайских полумесяцев, означающих привет и ожидание. Они собирались обособленно, сидели, перешептываясь, где-нибудь в углу, поглядывая втихомолку на прибывающих нарядных женихов. На ногах у парней скрипели щегольские русские сапоги, в зубах лихо торчали длинные трубки, выточенные из черной березы. Подмигнет весело жених своей невесте, отойдут они в угол, сядут на корточки лицом друг к другу и курят не накурятся, говорят не наговорятся, и больше — глазами, мимикой.

Весть о гибели Оуэнги была встречена угрюмым молчанием. После долгой скорбной тишины горестно сказал старый Пассар:

— Значит, так пожелал амба!.. А смысленый был мальчик, отважный...

В угол, по соседству с буруканом, поставили голову медведицы.

Праздник было решено обратить в гризну по молодому сородичу и провести его в доме отца. В просторную избу Сандиги сородичи несли рис, муку, водку, сласти для детей, кувшины с липовым медом. С раннего утра пылала тут печь.

Но убитой горем старой матери было не до кушаний. Приготовлением яств занялись соседки. А она, распустив в знак траура волосы, ушла в темный чулан и плакала там неутешно.

— Теперь лишь о загробном мире думать мне придется, — тихо, чтобы не беспокоить собравшихся гостей, причитала она. — Слезы текут и падают, как дождь, колени ослабли, неподвижны стали. Я высохла вся, ноги не движутся...

Прислушиваясь к глухим рыданиям матери, гости горько качали головами.

XI

Сейла была одна. Все ушли на праздник.

После торжественного освящения медведицы там уже начались, навстречу, пляски под бубен, фехтование на палках и песни девушек. А она была здесь одна.

Съевшись, сидела девушка на кане, обхватив руками колени. Потухшими глазами из-под набухших красных век глядела прямо перед собой. Распущенные волосы ее спускались с лежанки черными блестящими прядями.

Прошедшие дни вставали перед ее глазами.

Вот они с Оуэнгой после жаркой потасовки о мальчишками идут в лес. Зеленая тайга шумит. А они, маленькие-маленькие, затерялись в ней, как букашки в траве. Внезапно Оуэнга ни с того, ни с сего пустился бежать и скрылся в чаще. Сейла бросилась вслед, но упала и, сидя на траве, громко плачет. Но вот выглянуло из-за березы смеющееся лицо Оуэнги. Плача и смеясь, девочка бежит к нему.

В густой чаще Оуэнга и Сейла собирают малину. Полными пригоршнями угощая друг друга, они состязаются, кто больше съест. Потом они купаются в ручье. Она обдаёт его ледяными брызгами. Он пытается потопить ее там, где даже ей по колено. Оба хохочут. И, усталые, ложатся на золотистый песок погреться на солнышке. Проверяют друг у друга повязки на руках, говорят о будущей жизни.

— Я буду первым охотником на весь Амур, — хвастает мальчик.

— А может, станешь рыбаком? — смеется Сейла.

Нет, он не хочет быть рыбаком. Он любит тайгу. Оуэнга обиделся, что она не понимает его, и молча удалился. А через день он пришел к ней как ни в чем не бывало. Он добрый.

А теперь он ушел и не вернулся.

Что теперь будет делать Сейла?

Слезы текут еще сильнее. Слегка покачиваясь, она поет песню:

*Как из многих деревьев самое высокое
Нравится больше всего,
Так и ты из всех молодых зверобоев
Самый прекрасный был.*

*О тебе я и ночь и день все думаю,
Мать свою будто ищу.
Твоей сумкой охотничьей сделаться хочу,
Полозьями нарт твоих.*

*Где ты шагом саженым похаживал,
Буду и я там ходить.
Да из реки, где вместе купались,
Тень твою черную пить буду...*

XII

Пока плясала и резвилась молодежь, в другой комнате беседовали старики и мужчины.

Самые интересные новости, как и следовало ожидать, сообщил сородич, приехавший из далекого стойбища Дземги. Он рассказывал, что около его селения уже нет тайги.

Клинообразная реденькая бородка Пассара удивленно поднялась кверху. Он не мог поверить молодому рассказчику, что пропала, начисто пропала тайга. Два года назад он сам был там. Тайга была густа, как гребень, и стояла высоко, как дым в безветренный день. «Шугит парень, — думал старик благодушно, — лишнего выпил».

А молодой рыбак рассказывал еще более странные вещи. Он говорил, что смельчаки, молодые пришельцы, построили дом, который ловит небесную молнию.

Слушатели затаили дыхание.

Ловит и рассылает по всем избам, и молния смиренно загорается там в стеклянных шариках.

Старый Пассар не выдержал:

— И светло горит?

— Светло горит, — ответил гость.

— Даже вышивать можно? — осмелилась спросить одна из женщин.

— Даже вышивать можно, — подтвердил рассказчик.

Молодежь, привлеченная удивительным рассказом, обступила сородича. Его заставляли снова и снова повторять рассказ про укрощенную молнию.

— Вот нынче пройдешь тропой, — говорил дальний гость, — а назавтра тропы уже нет. Могучие богатыри тяжельми, как якорь, заступами разворотили землю, навозили камня и щебня с берегов Амура, и глядишь — уже дом или кузня стоит.

Долго рассказывал приезжий сородич. Он был самым почетным гостем. Ему досталась голова медведицы.

В дальнем углу избы сидел Сандига.

Лицо у него было серое, одеревяневшее. Усы обвисли. Виски побелели за последние два дня. Глаза смотрели в землю.

Рассказы молодого гостя доходили до него как бы издалека. Образ покинутого сына стоял перед глазами. Явственно звенел крик: «Ай, отец!»

Сандига вздрагивал всем телом и беспомощно оглядывался по сторонам. Соседи всячески утешали отца. Но разве возможно было утешить отца? Он смотрел на молодежь, на женихов и искал там лицо сына. Но Оуэнги не было среди них. И не будет никогда.

— Ой, сын! — вздохнул Сандига и закачался от горя. — Где ты, сын?

И он встал.

Гости тревожно переглянулись и смолкли. Явственно послышался плач причитавшей за стеной матери. Сандига поднял лицо.

— Белка живет на дереве и орехами кормится, выдра под водой ютится и рыбу ест. Всяк зверь по-своему живет. Кто это сказал? — спросил внезапно он.

— Это сказал Сандига — великий охотник, — произнес чей-то голос.

— Слово отцов не потеряй, — раздался голос из угла, где находился балдахин шамана.

Сандига быстро повернулся на голсс. Глаза его вызывающе смотрели на брата.

— Слушайте, люди, — громко сказал Сандига. — Если детенышу белки угрожает опасность, она с ним с дерева в воду бросается и выплывает. Я сам это видел. А выдра, спасая мальчика, на сушу выходит и на смерть с врагом там дерется.

Сандига перевел дыхание. Люди слушали.

— А я? Сородичи, правильно ли сделали я и мой брат? Рассудите!

Опять стали слышны рыдания матери.

Первым сказал Пассар:

— Вы правильно сделали. Против бога нельзя идти. Надо беречь род.

Старики одобритительно загнули.

Молодежь зашевелилась, подвигаясь к рябому невысокому парню, брату Сейлы. Тот еще раньше Сандига заговаривал с ними об этом. Звали юношу Бамба. Он был другом умершего и смелым юношей. Товарищи ждали, что он скажет.

И Бамба, выступив смело вперед, сказал:

— Шамана судить бесполезно, а ты, великий охотник, плохо сделал.

Сандига стоял неподвижно, устремив горящие глаза на смельчака. И никто не знал, ударит он сейчас рябого или обнимет его.

Внезапно распахнулась дверь. В избу ворвался туман. Все повернулись, глядя на запоздавшего гостя. Когда туман рассеялся, все увидели у двери человека с обмороженным лицом и с ним старую Онэ. Плача и смеясь, она снимала с него смерзшуюся куртку, отряхивала от снега шапку.

Лицо гостя кровоточило. Мгновение стоял он, протирая глаза синими ледяшками пальцев. Потом звонко сказал:

— Отец, я вернулся. Вот я!

И все увидели, что это Оуэнга.

— Вернулся, вернулся, — твердила мать.

Все оцепенели.

Сандига отступил на шаг, еще не веря глазам.

— Ты ли это, сын?

Юноша бросился к отцу.

Но сидевший до сих пор безмолвно под своим балдахином шаман встал между ними. Оуэнга невольно остановился.

— Ты кто? — тихо спросил шаман.

Юноша молчал, растерявшись от неожиданного выпада своего врага. Мать припала к дрогнувшему плечу его.

— Кто ты, незванный и непрошенный? — громче повторил старик, и глаза его засверкали.

— Я — Оуэнга, — ответил юноша.

— Это Оуэнга, — сказала Онэ, тревожно взглянув на шамана.

— Конечно, это он! — вскричал Бамба, стоявший близко. — Здравствуй, брат!

Сядут на корточки лицом друг к другу и курят не накурится...

Юноша молчал, растерявшись... Мать припала к дрогнувшему плечу его.

— Отойти от него, Онэ! Отойдите все! — властно сказал Мукчука, двинув посохом. — Разве вы не видите, что это дух!

Какая-то девушка, взвизгнув, отпрянула к стенке. Старики залепетали заклинания. Молодежь шевельнулась, но не сдвинулась с места.

Несчастливая мать с воплем отползла от сына и припала к мужу. Сандига с содроганием вглядывался в знакомые, родные черты. Он все больше и больше убеждался, что перед ним не дух, а его мальчик во плоти и крови. Тот, кого он оплакивал, чья потеря посеребрила его виски.

Злая выдумка брага раздражала охотника. Какой же это дух? Просто над мальчиком смиловился амба и вот не тронул его.

Оуэнга стоял посредине комнаты, потерянный, одинокий, усталый. Шаман начал священную пляску.

— Сгинь, дух! Пропади, дух! — резко выкрикивал старик, прыгая вокруг племянника. Ему вторил гул бубна.

Сандига уже двинулся было, чтобы прекратить эту сцену и прижать к груди сына, как Оуэнга сам поднял горящее лицо.

— Ты врешь! — вызывающе глядя на шамана, сказал он внезапно, и в комнате стало тихо. — Я живой. А бога твоего я убил.

И он вытащил из-под полы окровавленную полосатую лапу.

Сандига отшатнулся. Вид тигровой лапы потряс его.

Старый Пассар прошептал:

— Бога нельзя убить, — и отвернул лицо.

Гости последовали примеру старика, со страхом отвернувшись от Оуэнги. Только один гость из далекого стойбища Дземги не отвернулся. У его родного селения русские богатыри тоже недавно убили тигра, и ничего с ними не случилось. Но рассказать об этом сородичам гость не осмелился.

— Кто убил тигра, тот окаменел. А ты — злой дух. Сгинь! — закричал шаман, потрясая буруканом.

— Стой, куда ты его гонишь! — гневно закричал Бамба, прикрывая своего друга. — Ведь он живой. Он озяб...

— Отец! — крикнул Оуэнга через голову дяди.

Медленно глухим голосом выговорил Сандига:

— Бога убил — себя убил...

Шатаясь, Оуэнга вышел. Бамба и его товарищ ушли вместе с ним. И мать, крадучись, вышла вслед за сыном. Ветер трепал ее седые космы. Вместе со

слезами они примерзали к лицу. Она сунула Оуэнге жирный кусок медвежатины и, задыхаясь от слез, согнувшись, пошла в избу.

XIII

Оуэнгу приютил Иван Ильич.

Прежде всего он осторожно растер и перевязал молодому охотнику обмороженные руки, смазал гусиным жиром лицо. Затем они уселись пить чай. Золотые искорки, теплившиеся в глубине глаз старого фельдшера, ласковые движения его ловких рук успокоили юношу.

Здесь, в уютной комнате, освещенной светом большой керосиновой лампы, Оуэнга почувствовал себя, как в новом, лучшем мире.

На полках стояли аккуратные ряды банок с надписями, стопки книг. Все это было ему знакомо. Он знал, в какой банке хранится порошок от лихорадки, в какой — от головной боли. Не раз он перелистывал страницы книг, стараясь проникнуть в их непонятный смысл.

В такие часы он любил слушать рассказы Ивана Ильича о жизни других народов в далеких странах и городах. Он молчаливо и с интересом слушал бывалого человека, но никогда не задавался вопросом: где лучше живут? Жизнь таежных людей вполне удовлетворяла его.

После пережитого в лесу и в родной избе Оуэнга впервые усомнился в правильности прежних своих убеждений. Не такая уж ладная жизнь была в тайге. Много в ней было непонятного, нелепого и печального в одно и то же время.

Все они — и Сандига, и Пассар, и особенно мать знали, что он — не дух. И попржнему любили его. Это он видел по их глазам. Но почему же тогда они позволили этому старому псу выгнать его из родного дома? Этого не мог понять Оуэнга и не мог простить. Горькая обида душила его. Никогда не предполагал он, что сородичи могут быть столь жестоки к своему соплеменнику. Если бы он был Самар или Киле — тогда другое дело. Но ведь он из рода Наймуки, как и все они. В чем же тогда дело?

Выслушав этот вопрос, Иван Ильич, хорошо знавший обычаи и суеверия нанайцев, сказал просто:

— Они боятся, что тигры теперь будут мстить твоему роду. И род Наймуки пропадет. Они решили отречься от тебя одного, чтобы спасти род.

— Это правильно?

— Конечно, нет. Тигры ведь обыкновенные звери. Они и знать не знают о твоём поступке.

— Я пойду и скажу сородичам! — горячо воскликнул Оуэнга приподнимаясь. — Они мне поверят. Они увидят, что тигры нас не трогают — врёт шаман...

Фельдшер грустно покачал головой:

— Бесполезно. Каждое несчастье шаман будет вальнуть на твою голову. Жизни он тебе не даст.

Глаза Оуэнги вспыхнули, потом потухли.

— Придется тебе все-таки уезжать, — добавил Иван Ильич.

Оуэнга низко склонил голову.

— А куда я пойду, — тихо вымолвил он, — кому я нужен?..

Сердце сжалось у Ивана Ильича. Но он подавил в себе желание приласкать, утешить юношу. Это было бы недостойно охотника.

— Ну и тигрлов! — добродушно рассмеялся он. — Уже нос повесил. Не будь тигриной лапы — я и не поверил бы, что это ты его убил. «Кому я нужен!» Таких, как ты, не так уж много окрест. Ты нужен своему народу. Понял?

Оуэнга недоверчиво взглянул на старика.

Оуэнга недоверчиво взглянул на старика. «Смеется надо мной, что ли? — подумал он. — Как я могу быть нужен тем, кто меня прогнал?»

Но Иван Ильич серьезен. В задумчивых золотистых глазах его юноша прочел горячее участие к себе.

— Они сами еще не понимают, что делают. Темные они. Ты должен поучиться. А потом их поучить.

Какое-то неосознанное, но давно уже назревавшее в нем светлое чувство вдруг всколыхнуло душу молодого охотника. Он понял, что действительно может быть полезен сородичам. Нельзя допустить, чтобы они продолжали жить по шамановым законам. Надо научить их жить по-новому. И это сделает он. Не беда, что шаман сначала оказался сильнее. Убивший бога — одолеет и шамана!

Огромную силу, как и в тот момент, перед схваткой с тигром, почувствовал в себе Оуэнга. Он вскочил на ноги и твердо, по-мужски ступая, прошелся по комнате. Деловито поправил прислоненное к стенке ружье. Закурил трубку.

Фельдшер тем временем надел свой халат и, достав с полки белую ступку, начал растирать какой-то порошок, искоса поглядывая на молодого друга.

— Никуда я не поеду, — сказал вдруг Оуэнга, останавливаясь перед ним. — Я буду бороться с шаманом. Я соберу всех молодых и объявлю старикам войну. Ты нам поможешь.

— Я сам старик, — уклончиво усмехнулся Иван Ильич, продолжая орудовать пестиком. — Как же я буду помогать вам против стариков?

— Ты другой старик, — поняв шутку, сказал Оуэнга: — у тебя в голове много знаний.

— А ты разве не хотел бы иметь такие же знания?

— Конечно, хотел бы. Но как это сделать?

— Надо поехать и поучиться.

— А куда?

— Ну, хотя бы в Комсомольск. Был я там недавно проездом. Хороший строится город.

— Это где Дземги были? А что там хорошего? — небрежно спросил охотник.

— Ничего особенного, дома, заводы, — в тон ему отвечал Иван Ильич. — Но есть там одна школа, где обучают таких, как ты, юношей. Всяким премудростям учат. И кто окончит эту школу — тому все доступно. Вот, к примеру, стоит дом. А как придут те

юноши — завтра на нем другой дом вырастет, а послезавтра — третий.

— Как же так? — удивился юноша, — почему их не ставят рядышком?

— Чтобы из окон далеко кругом видно было, — продолжал Иван Ильич оживляясь. — А что самое любопытное — воду наверх не таскают ведрами. Она из Амура сама туда приходит.

— По трубам, — догадался юноша и почему-то радостно засмеялся. — А что делают на заводах?

Глаза его уже горели жгучим детским любопытством. И чем больше рассказывал Иван Ильич, тем больше хотелось ему собственными глазами увидеть этот город.

— А меня приняли бы в ту школу? — робко спросил он наконец.

— Может, и приняли бы. Там уважают смелых юношей.

— И научили бы, как победить шамана?

— Если бы постарался... Кто окончит ту школу, тому никто не страшен.

Юноша долго молчал, загадочно и мечтательно улыбаясь. Занятый приготовлением лекарств, Иван Ильич изредка незаметно вскидывал на него умные стариковские глаза и тоже улыбался втихомолку. Он уже знал, что зажег в душе у юноши тот факел, который будет гореть всегда. Мысленно он видел своего питомца уже вернувшимся из Комсомольска — возмужавшим, насмешливым, сильным. Он много сделал для своего народа. И, мужественные, честные, эти люди встанут в один ряд со своими русскими братьями.

— Папаша, — сказал Оуэнга, приблизившись к старому фельдшеру, — я поеду в Комсомольск. Я хочу, чтобы и здесь вода сама приходила в дом... А как называется та школа?

Иван Ильич помолчал раздумывая. Потом сказал торжественно и тихо:

— Эта школа называется — комсомол.

— Комсомол... — повторил молодой охотник, задумчиво и светло улыбаясь.

XIV

Узнав от брата о возвращении Оуэнги, прибежала в дом Сейла. Девушка с плачем бросилась к юноше.

— Родной мой! — шептала она, обхватив его руками. — Ты вернулся, мой Оэн...

И тревожно ошупывала его плечи, забинтованные руки, не веря своим глазам.

Оуэнга смотрел на подругу.

— Сейла, — шептал он, — моя Сейла...

В поединке с тигром он победил, повторяя это имя. Он только сейчас почувствовал, как сильно любит Сейлу. Казалось, все годы прожиты ради этой хорошей встречи.

Юноша долго молчал, загадочно и мечтательно улыбаясь.

Я увидел среди снегов очертания знакомого стойбища.

Не пришлось Сейле идти в лес искать его останки, не обратились они в камень, как предвещал старик. С затаенным дыханием слушала девушка рассказ Оуэнга, прикинула к нему всем телом и, отирая его глаза кончиками пальцев, все думала о том, как хорошо быть рядом с ним.

Но он твердо заявил, что уходит. Без содрогания она не может и подумать об этом. Но что делать? Наверное, так надо.

Девушки, конечно, будут смеяться над ней, называть подругой духа. Ну и пусть смеются. Она-то лучше их знает, что он лучше всех. И она будет ждать его, хотя бы он прожил на чужбине сто зим.

Оуэнга уснул, разметавшись на постели. На губах его блуждала счастливая улыбка. Сейла трогала их и гладила тихонько, словно боясь спугнуть с них улыбку.

Перед рассветом, когда в окно просочился первый синий свет, она тихонько встала и пошла в дом отца.

Оуэнга с фельдшером уже сидели за чаем, когда она вернулась вместе с братом.

Задержавшись у порога, Бамба минуту стоял в нерешительности, потом твердо шагнул к другу.

— Уж и ты духа не боишься ли? — улыбнулся Оуэнга, поднимаясь навстречу.

— Сгинь, дух! — шутливо закричал Бамба.

Смеясь, друзья горячо обнялись. Помолчали, попыкая трубками.

— Значит, ехать собрался?

— Еду, — ответил Оуэнга.

— Жалко, — вздохнул тот.

— Жалко, — откликнулся Оуэнга.

— Я запряг для тебя лучших собак, — сказал Бамба. — Поезжай, брат! И возвращайся поскорей.

Они вышли на улицу. Стойбище еще спало. Лишь кое-где из труб поднимался дым. Сизые струйки тянулись к тайге. Над нею плыли обрывки туч. Оуэнга долго глядел туда. Потом еще и еще раз обводил глазами родные избы, торчащие из-под снега жерди плетней, рыбацьи лодки...

Старый фельдшер исподлобья смотрел на юношу. Глаза его увлажнились. Он обнял, поцеловал Оуэнгу и быстро ушел в избу.

Оуэнга сел на нарты. Собаки насторожились, ожидая знака. К плечу юноши припала Сейла.

— Полозьями нарт твоих сделаться, хочу. Меня с собой возьми!

Глаза ее были, как горячие угли.

— Нет, Сейла, — ответил он, — я поеду один. Но я скоро вернусь. Ты жди.

Она не плакала. Только ресницы ее дрогнули в неверном свете зимнего утра.

— Чтобы помнить обо мне, вот эти перчатки сохрани, — сказала она и сунула ему знакомые, вышитые ею меховые перчатки. Он подержал их в руке, примерил, потом бережно заткнул за пояс.

Вспомнилась мать. Глаза его подернулись дымкой.

— Сейла, — прошептал юноша, сжимая руку подруги, — матери передай: скоро вернусь. Пусть и она ждет.

Оуэнга осторожно поправил привязанное к нартам ружье, облизал пересохшие губы и, не поднимая головы, сказал:

— Бамба, отцу передай: пусть не забывает сына. Мы еще хорошо поохотимся с ним.

Оуэнга свистнул и взмахнул рукой. Собаки понесли легкие нарты...

* * *

Прошло несколько лет. Кончилась война. Попав на Дальний Восток, я вспомнил эту историю, и мне захотелось узнать дальнейшую судьбу ее героев. Вспомнив о настойчивом приглашении Бамбы, побывать при случае в его стойбище, я решил съездить туда.

На Оную я пробирался по заснеженному руслу Амура на перекладных вместе с почтой и газетами. Это старинное средство связи, описанное еще Пушкиным в его «Повестях Белкина», бытует на Амуре до сих пор. Сидя, укутанный в тулупы, рядом с молчаливым ямщиком из амурских рыбаков, занимающихся в зимнее время извозом, поглядывая на мелькавшие по сторонам бесформенные ледяные торосы и прислушиваясь к мелодичному позваниванию колокольца, я думал о предстоящей встрече с Бамбой и, может быть, с необыкновенным его другом... Вернулся ли Оуэнга в стойбище? Как встретили его сородичи?

Я расспрашивал об Оуэнге у почтовых работников, пока меняли лошадей, у каждого нового ямщика, у случайных попутчиков. Но никто не слышал про историю с тигром.

Наконец, проехав километров шестьдесят по руслу Оной, я увидел среди снегов очертания уже знакомого читателю стойбища. Первый же встречный сказал мне: «Бамбу ищи в сельсовете». Сельсовет оказался большим двухэтажным зданием, в первом этаже которого помещались почтовое отделение, магазин и изба-читальня. Протолкавшись сквозь толпу мальчишек и взрослых, высыпающих из домов к почтовой повозке, я взобрал на крыльцо сельсовета. Внутри было оштукатурено, тепло. Я решил спросить у самого председателя, где искать Бамбу. Каково же было мое удивление, когда из-за председательского стола сам Бамба поднялся мне навстречу. Он мало изменился. Был попрежнему строен, приветлив, прост. Только одет был теперь в офицерский китель без погон, синие шаровары и щегольские хромовые сапоги. На левой стороне груди его блестела золотая звезда Героя.

Сначала он не узнал меня и, дружелюбно улыбаясь, с интересом разглядывал неожиданного гостя, пока я стаскивал с себя тулуп и растирал платком обмерзшее на ветру лицо. Потом узнал, радостно вскрикнул и кинулся ко мне. Мы дружески обнялись. Девушкананайка, сидевшая поодаль за маленькой пишущей машинкой, перестала выстукивать и внимательно взглянула на нас.

— Познакомьтесь, — сказал Бамба, — это Сейла. А это — мой фронтовой товарищ, — рекомендовал он меня молодой женщине.

«Вот она какая, Сейла, — восхищенно подумал я, пожимая маленькую, смущенно протянутую руку. — Когда же она успела?» Потом я узнал, что Сейла окончила в Троицком русскую десятилетку и теперь работает учительницей в первых классах. На ней было темносинее шерстяное платье и белая вязаная кофточка, а на ногах — пестрые нанайские унты.

— Вы устали с дороги и проголодались, — сказала она приятным низким голосом. — Идите скорее домой. Бамба, что ты опять уселся! Подождут твои бумажки...

— Дела одолели, — виновато улыбнулся мне Бамба, торопливо собирая и пряча в стол бумаги. — Мягкое золото стране даем: пушнину даем. Три охотничьих бригады у меня работают. Сандига впереди

всех. Теперь он решил вызвать на соревнование бригаду охотников из соседнего колхоза. Договор оформляю.

— Сандига теперь бригадир?

— Пятый год работает. С тех пор, как умер его брат, Мукчука, другим человеком стал.

— Значит, шаман умер?

— Еще до войны.

— А Оуэнга где? Что с ним случилось? — нетерпеливо спросил я.

— Какой Оуэнга?

Бамба вопросительно взглянул на меня и удивленно переглянулся с Сейлой.

— У нас разве есть человек по имени Оуэнга? — спросила Сейла.

Сердце у меня упало.

— Я говорю о человеке, который тигра убил, которого вы любили, — сказал я Сейле.

— Ах, вы вот о ком, — улыбнулся Бамба, неторопливо натягивая шинель. — Стало быть, вы не забыли эту историю?

— Я хочу знать ее конец.

— Конец простой. Война застала Оуэнгу в Комсомольске, когда он оканчивал ремесленное училище. Он поехал на фронт. Вернулся оттуда с отличием. Теперь работает в родном стойбище. Вот и все.

— Но где же он? Я могу его видеть?

Бамба рассмеялся и вытянулся по-военному.

— Он стоит перед вами. Это про себя я рассказывал на фронте. А имя выдумал. Когда про товарища рассказываешь — лучше выходит...

От волнения у меня даже слезы выступили на глазах. Слившись в единый образ, Бамба-Оуэнга стал мне еще роднее. Я обнял его. Некоторое время мы молчали. Потом он потянул меня к двери.

— Погодите, я немного запутался, — сказал я. — Сейла ваша сестра или жена?

— Жена, — рассмеялся Бамба-Оуэнга и ласково потрепал ее по плечу. — Сами себя зарегистрировали, когда я вернулся и председателем стал. Брата у нее никогда и не было...

— Еще один вопрос: жив ли Иван Ильич?

— Жив. Вышел на пенсию. Но из стойбища не уехал. Продолжает врачевать охотников... Вопросов больше нет? Ну, идем теперь домой. Я вас такой медвежатиной угощу!.. Сам добыл зэря. И гостей позовем.

— Значит, я поспел к медвежьему празднику?

— В самый раз. Только вместо шамана будет хозяйничать Иван Ильич. Он отлично жарит медвежатину...

Вечером в самый разгар пира мы с Иваном Ильичем вышли на воздух. Было морозно. Стойбище лежало перед нами, дымя в небо сотней труб. Весело светились окна во многих домах. В избе читальне шумела молодежь.

— Вот она, наша жизнь, — сказал Иван Ильич.

Где-то поскрипывал снег под полозьями нарт. На краю стойбища заливались яростным лаем собаки.

Комсомольск на Амуре — Хабаровск

ТОРНАДО

С ревом тысячи курьерских поездов, крутясь, несется воронкообразная, похожая на хобот гигантского слона, густо-черная гуча. Это торнадо — «великий разрушитель», как называют в США этот сильнейший из ураганов. По свирепости и опустожительности с торнадо не сравняются даже вестиндские ураганы.

Сброшенные с рельсов паровозы, полуразрушенные здания, вырванные с корнем деревья — все это проделки торнадо.

После одного из таких ураганов в южной части штата Иллинойс в тридцатых годах текущего столетия был обнаружен тополь почти полуметровой толщины, насквозь пронзенный осевым шестом. В ствол другого дерева силой ветра была загнана доска, и притом так прочно, что выступающая часть выдерживала вес человека. Соломинки иногда загоняются в двери и столбы с такой силой, что торчат, как цветочка. Однажды торнадо разрушил железнодорожную станцию Эльмонт, в штате Канзас. Окно билетной кассы было найдено в нескольких кварталах от станции, но стекла в нем остались целы.

Торнадо движется обычно с юго-востока на северо-запад со скоростью 60—75 километров в час. Один шофер в штате Канзас, настигнутый торнадо, выскочил из машины и спрятался в угольный погреб ближайшего здания. Ураган поднял автомобиль на воздух и разбил вдребезги, ударив о ствол дерева. Дом был превращен в щепы, но погреб и человек в нем остались целы.

«Правила поведения» торнадо неопределенны. Иногда он лишь на мгновение спускается до поверхности земли, иногда проходит по ней до 400 километров, нанося удары направо и налево, а потом исчезает. Полоса разрушений может захватывать от 8—10 до 800 метров. Торнадо может разрушить несколько городских кварталов, пока их жители спокойно занимаются своими делами в другой части города.

Регулярными «рабочими часами» торнадо является промежуток от двух до

шести часов, но сильнейший за многие годы торнадо в Гейнсвилле (1936 г.), убивший свыше 200 человек и причинивший разрушений на 13 миллионов долларов, разразился в 8 часов 30 минут вечера. Чаще всего появляется торнадо в апреле, мае, июне. Число торнадо в год колеблется в США от

шестую прибор не выдерживает такой силы ветра. В центре спирального облака давление понижено под действием центробежной силы; создающийся при этом частичный вакуум и является чаще всего причиной «подвигов» торнадо. С приближением торнадо к зданию давление внутри здания оказывается выше, чем снаружи, и здание при этом может разрушиться.

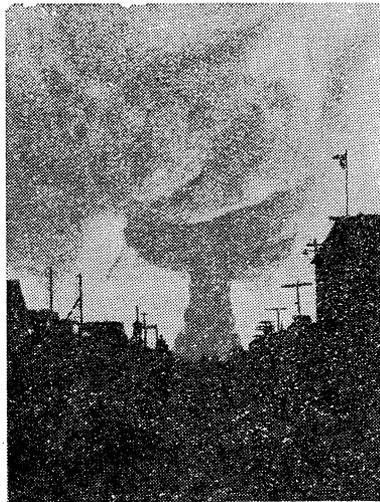
Возникновение торнадо связано с состоянием неустойчивого равновесия в атмосфере. Другими словами, торнадо образуется, когда массу теплого, влажного воздуха обгоняет волна холодного. Теплый воздух, как более легкий, поднимается вверх, холодный спускается, причем движение потоков становится вихревым. По мере конденсации влаги теплый воздух еще более нагревается и поднимается еще быстрее, а чем быстрее он поднимается, тем больше скорость его вращения. Так возникает небольшое «пятно» низкого давления. Температура в нем падает, пары конденсируются, вращательное движение облака становится заметным, а всосанная пыль окрашивает облако в темный цвет. Одно торнадо, спускаясь с облаков к земле, увеличивается по силе и размерам, другие уменьшаются, третьи, наконец, вовсе не касаются земли.

Пояс торнадо охватывает среднюю часть США — штат Канзас и частично штаты Айова, Миссури, Арканзас.

Если торнадо замечен в открытой местности, так что его скорость и направление можно определить, то от него можно успеть укрыться. В районах, где торнадо появляется часто, при доме обычно устраивается глубокий погреб, куда прячутся с приближением опасности.

Смерч представляет собой торнадо малого радиуса. Проходя над морем, он всасывает воду, но этот водяной столб обычно поднимается невысоко, — едва ли выше, чем на 6 метров.

Перев. с английского З. Бобьрь

65 (1919 г.) до 260 (1933 г.). Наибольшее число смертных случаев в результате торнадо наблюдалось в 1925 году. Это был самый страшный торнадо во всей истории США. Он прошел через три штата и убил 794 человека.

Воздух в торнадо вращается с огромной скоростью — от 450 до 750 километров в час, хотя точно определить эту скорость нельзя, так как ни один су-

УЧЕНИК ПРИРОДЫ

С. ВЛАДИМИРОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГО ВИДЕЛ

Образ натуралиста-ученого прошлых времен неразрывно связан у нас с представлением о человеке, собирающем минералы и растения, наблюдающем чучела птиц и зверей, спиртуящем ящериц и змей, накалывающем насекомых. Образ современного ученого-теоретика рисуется иначе. Мы видим его сидящим в кабинете, работающим в лаборатории, черпающим свои идеи в данных точных экспериментов и книгах, книгах и еще раз книгах.

Но мы часто не представляем себе, какое огромное значение для науки в целом и для деятельности исследователей, прокладывающих новые пути в науке, имеет тесное общение с природой, личное наблюдение за тем, что совершается в глубине леса, в тиши гор, в просторах степей, что таится в шахтах и каменоломнях и выходит наружу по речным откосам и оврагам.

Академика В. И. Вернадского, чьи труды послужили основой для новой науки — геохимии, чьи идеи и мысли направляют деятельность очень многих ученых и у нас и за границей, академик А. Е. Ферсман назвал «учеником природы». «Я попытался собрать список всех стран, в которых он побывал, и тех экспедиций, в которых он принимал участие и в которые он всегда вносил свою живую мысль. Как увлекающийся человек, он очень быстро, иногда совершенно неожиданно «снялся» с места и ехал туда, куда его увлекали интересы его работы...

В нашей стране Владимир Иванович больше всего любил юг, прекрасную Украину, простор Днепра, берега заповедника под Киевом. Крым с геохимическими проблемами Черного и Азовского морей, геологические экспедиции увлекали его на побережье Кавказа и в горные массивы Армении, Среднюю Азию, Забайкалье, Алтай... и, наконец, Урал —

от северных хребтов до Южного Урала, где в дивных Ильменских горах начались его ранние экспедиции, где в труднодоступной тайге Среднего Урала, по грязным дорогам разбитых трактов он проник в знаменитые пегматитовые районы Липовки и Мурзинки».

В. И. Вернадский дважды посетил Кольский полуостров. Он много бывал за границей, где его особенно интересовали минеральные источники Чехословакии, Швеция, Дания, Финляндия, Голландия, Норвегия, Бельгия, Германия, Австрия, Швейцария — все эти страны видели Вернадского.

Он совершал экскурсии к Везувью, он был и в Греции и в Югославии. И всюду, изучая минералы и горные породы, он видел то, чего, казалось бы, нельзя увидеть.

ТВОРЕЦ НОВОЙ НАУКИ

Геохимия изучает историю химических элементов в земной коре в отличие от минералогии, изучающей природные химические соединения, молекулы, минералы — так определял задачи геохимии один из творцов этой новой науки, академик Вернадский.

В геологических и минералогических музеях, в штольнях и шахтах, по берегам рек, где обнажаются земные пласты, можно увидеть множество интереснейших минералов, необычайных по форме, размерам и красоте кристаллов, множество образцов и выходов ценных ископаемых. Минералог может изучить строение кристалла, он может заставить вырасти его в своей лаборатории. Геолог изучит условия залегания горной породы. Геохимик же расскажет нам о том, как химические элементы — атомы, которые нельзя разглядеть и в сильнейшие электронные микроскопы, в течение сотен миллионов лет, прошедших со времени образования земной коры, перемещались, рассеивались и кон-

центрировались. Геохимик, выясняя законы миграции элементов, учитывает свойства атомов — их химические свойства, их размеры, распространенность в природе. С другой стороны, он исследует источники происхождения той энергии, которая необходима для того, чтобы привести в движение миллионы тонн вещества, неисчислимые сонмища атомов, из которых слагаются все окружающие нас тела. С законами геохимии обязаны теперь считаться и минералогия, и геология, и почвоведение, и технология, и металлургия, и многие другие естественные и прикладные науки. Сама же геохимия использует методы, идеи и факты астрофизических, минералогических, радио-химических и многих других наук. Выясняя законы перемещения химических элементов в земной коре, академик Вернадский пришел к неожиданным и очень интересным выводам о роли живых существ.

«ЖИВЫЕ ГОРНЫЕ ПОРОДЫ»

«Биосфера — область жизни — без перерыва облекает нашу планету. Всюду и везде на поверхности Земли мы встречаем жизнь, всюду и везде... идет ее химическая работа. Она обуславливает во все ясное перед нами вырисовывающейся силе и размахе непрерывный, закономерный, неизменный ток химических элементов из живой в косную материю и обратно... На нашей планете свободный кислород... нацело создается жизнью...»

Общая масса живого вещества на Земле по сравнению с массой земной коры составляет ничтожную величину — сотую или даже тысячную долю процента. Но живые растительные организмы поглощают солнечную энергию; они черпают энергию из космоса и за счет этой энергии приводят в движение огромные массы вещества на Земле. Обмен веществ в организме становится

круговоротом элементов в природе. Общее количество охваченной жизнью материи на нашей планете исчисляется 10^{15} тоннами, или миллионами миллиардов тонн. Питание и дыхание всей этой огромной массы живых существ, их рост и размножение, их перемещение с одного места на другое приводят к тому, что еще во много раз большие количества мертвой материи непрерывно перемещаются, изменяют свою форму, претерпевают глубокие превращения. Сейчас доказано, что живые организмы извлекают из морской воды 20 миллиардов тонн солей ежегодно. Из остатков живых организмов образовались на суше залежи торфа, каменного угля, нефти. Геохимия утверждает, что строение земной коры, состав водной оболочки и состав оболочки воздушной были бы теперь совсем иными, если бы на Земле не существовало жизни.

В. И. Вернадский первым из ученых подверг точному математическому изучению роль живых организмов в истории земной коры. Он создал биогеохимию — науку о роли жизни в миграции элементов. Огромные скопления остатков растительных и животных организмов могут с полным правом рассматриваться нами, как живые горные породы.

«СФЕРА РАЗУМА»

В последние годы жизни академик Вернадский сформулировал положение о том, что в геохимии человеку принадлежит большая и почетная роль.

«Минералогическая редкость — самородное железо, — писал Вернадский, — вырабатывается теперь в миллиардах тонн. Не существовавший на нашей планете самородный алюминий производится теперь в любых количествах. То же самое имеет место по отношению к почти бесчисленному множеству вновь создаваемых на нашей планете искусственных химических соединений. Масса таких искусственных минералов непрерывно возрастает...»

Уже давно было подсчитано, что в год мы сжигаем больше угля и нефти, чем образовывалось их в природе за миллионы лет. Во многих местах уже истощены медные, серебряные, свинцовые и другие руды. Развитие техники все увеличивает масштабы воздействия человека на природу. Весьма вероятно, что уже очень скоро оно сравняется, а может быть, и превзойдет по своим масштабам, влиянию на миграцию элементов всех других живых существ на Земле, вместе взятых. Но все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. «Мощь его связана, — писал Вернадский, — ...с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом. В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее...»

Причина такого могучего воздействия человека на природу совершенно ясна. Все остальные живые существа воздействуют на природу не-

посредственно, своим телом, самим фактом своего существования. Количество поглощенной, приведенной в движение мертвой материи для всех живых существ, кроме человека, строго соответствует массе, количеству, весу живых существ. Но не так обстоит дело с людьми. Одна современная доменная печь, построенная сотней другой людей, выделяет в день больше углекислого газа, чем образуется за тот же срок при дыхании миллиона человек. И количество домен растет с каждым годом. Разумный труд человека преобразует природу, используя для этого силы, накопленные другими живыми существами (уголь, нефть, торф), и силу ветра и силу воды. Энергетика будущего — использование сил морского прибоя, солнечного излучения, внутренней энергии — еще больше увеличит возможности человечества. Вот почему академик Вернадский считал необходимым принимать во внимание не только роль живых существ в геохимии, изучать не только биосферу, но и выделить особую эпоху, особую стадию развития Земли — ноосферу, или сферу разума, когда геохимические превращения начинают совершаться преимущественно людьми. По мнению академика Вернадского, мы сейчас входим в эту новую сферу, присутствуем при наступлении новой эры, когда не только стихийные, но и плановые, разумно осуществляемые превращения химических веществ начинают играть решающую роль в истории элементов на Земле.

Существуют ли антиподы?

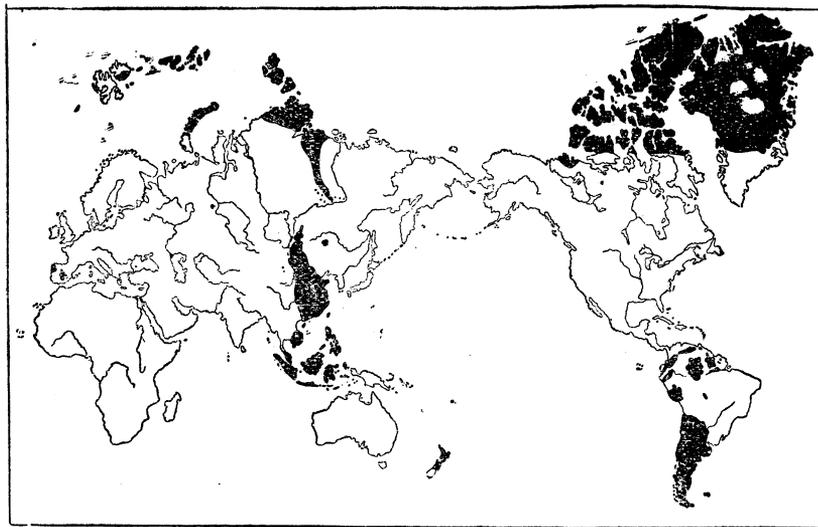
Слово «антиподы» буквально значит — «противоположные ногами». Греки называли антиподами жителей двух диаметрально противоположных пунктов земной поверхности, то есть находящихся на противоположных концах одной и той же оси, проведенной через центр земного шара.

Для антиподов все явления, происходящие от движения Земли в солнечной системе, прямопротивоположны: когда у одного из антиподов полдень, у другого — полночь; когда у одного лето — у другого зима, и наоборот.

Известно, что группа островов, состоящая из одного большого и нескольких маленьких гористых островов, общей площадью около 52 кв. километров, расположенных к юго-востоку от Новой Зеландии, под $49^{\circ}48'$ южной широты и $17^{\circ}20'$ восточной долготы, получила название Антиподы вследствие своего расположения почти на противоположном конце земной оси, проходящей через Лондон ($51^{\circ}30'$ северной широты и $0^{\circ}05'$ восточной долготы).

Но много ли антиподов на земном шаре? Отбросим районы, в которых океан находится как раз под океаном, так как в таких районах только мореплаватели могут оказаться на короткое время антиподами по отношению друг к другу. Отбросим также районы земного шара, в которых противоположными являются участки суши и моря, так как и здесь антиподами могут быть только команды судов, плывущих в данный момент по данному району океана.

На прилагаемой карте (данной в

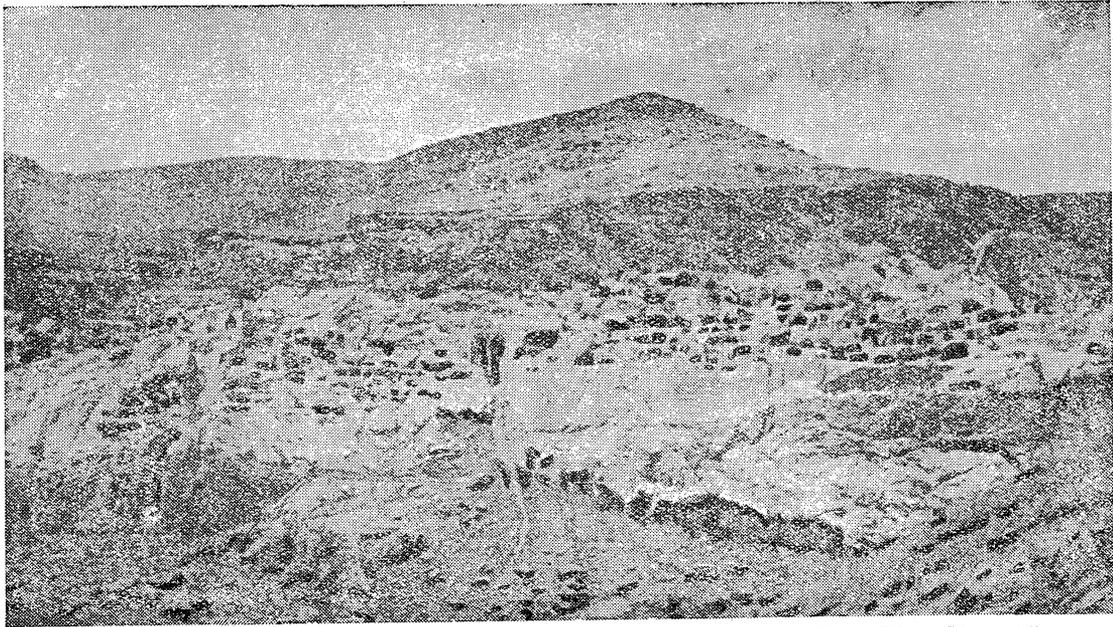
Меркаторской проекции) зачернены участки суши, которым соответствуют на противоположных концах данного диаметра также участки суши.

Из карты видно, что северные части Североамериканского архипелага, Гренландии, Земля Франца-Иосифа, северный остров Новой Земли, Северная земля, Таймырский полуостров могут иметь антиподы в Антарктике, но мы знаем, что как раз эти районы земного шара почти совсем не заселены, а следовательно, здесь нет и антиподов. Далее антиподы могут быть в районе к западу от Лены и на цепи островов, про-

тянувшейся от Южной Америки к антарктическому материку. Эти районы мало заселены, и следовательно, здесь мало антиподов. Сравнительно много антиподов в Новой Зеландии и на Пиренейском полуострове, а больше всего в Южной Америке, на западных островах Австрало-Азиатского архипелага и в Индо-Китае.

Скажу по правде, что когда я составил эту карту, я сам был удивлен, что на земном шаре так мало антиподов.

Профессор Н. Н. Зубов

ПЕЩЕРНЫЙ ГОРОД ВАРДЗИЯ

Ю. ПРОМ-ТОВ

Выдающийся памятник грузинской истории.—366 пещер.—
«Город на розах».—Ущелье Измены.—Вардзия сегодня.

На южной окраине Грузинской ССР, там где Кура промывает глубокий каньон в вулканических породах Армянского нагорья, лежат земли, которые издавна были заселены племенем грузин — месхов. Именно Месхетии суждено было в свое время сыграть крупную роль в формировании древнего грузинского государства. И именно здесь впервые появились ростки чудесной культуры грузинского народа.

С середины IX века начала ослабевать зависимость грузинских земель от Арабского халифата. Распри среди завоевателей-арабов освободили грузинский народ от уплаты дани и экономического и политического гнета иноземных угнетателей. Грузинские племена образовали ряд самостоятельных княжеств и царств. Давид Курапалат — правитель Тао-Кларджети, одного из маленьких княжеств, входивших в состав Месхетии, — сыграл роль объединителя грузинских земель. Его наследник Баграт III в X веке сделался первым монархом объединенной Грузии.

В конце XI века, в эпоху Давида Строителя, наступил период умиротворения непокорных феодальных князей и укрепления грузинского царства. Преемник Давида Строителя, Георгий III (1156—1184 гг.) про-

должал его политику борьбы с князьями-феодалами и укреплял границы освобожденного от врагов государства.

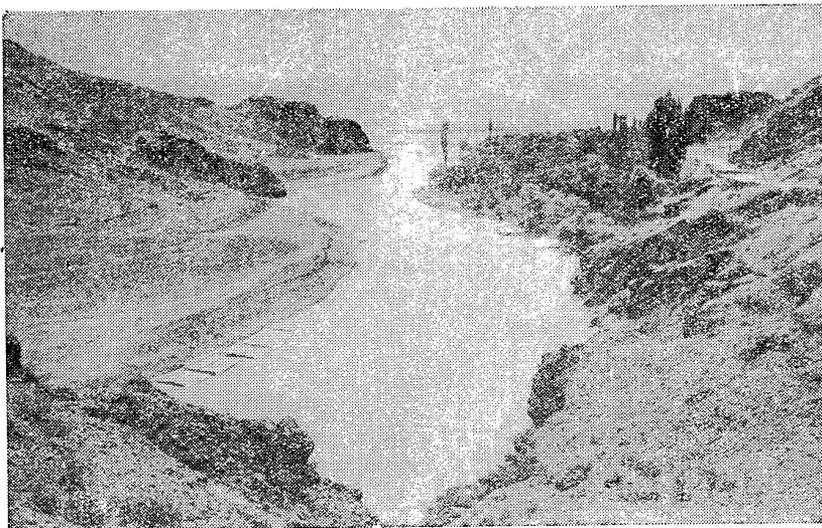
Усиление Грузии достигло своего апогея в эпоху дочери Георгия III — легендарной царицы Тамары (1184—1213 гг.). Это была эпоха блестящего расцвета грузинской культуры — время, отмеченное подъемом и высоким развитием зодчества, деятельностью целой плеяды грузинских ученых, философов и писателей во главе с великим поэтом XII века — Шота Руставели, время больших связей с древней Русью.

Не менее ревностно, чем ее отец, Тамара укрепляла границы грузинского государства и в первую очередь долину Куры — важную торговую магистраль и наиболее легкий путь вторжения в Грузию из стран Ближнего Востока. В царствование Тамары было окончательно завершено строительство цепи укрепленных городов-замков, так называемых «цихекалаки», расположенных по долине Куры от Боржомского ущелья до южной границы Грузии. Цитаделью всей линии обороны являлся укрепленный пещерный город Вардзия — один из выдающихся памятников грузинской истории и культуры, сохранившийся до наших дней.

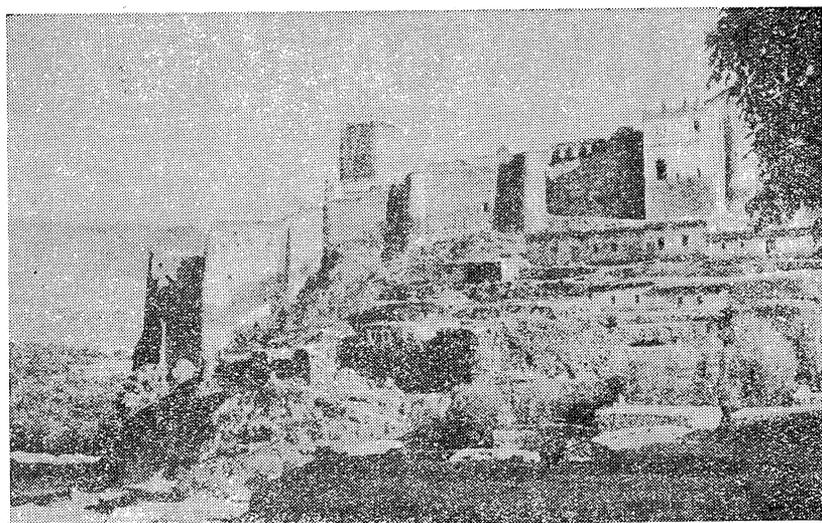
Вардзия находится примерно в 80 километрах к югу от курорта Боржом и связана с ним автомобильной дорогой. Поездка в Вардзию не представляет никаких затруднений и оставляет неизгладимое впечатление.

Сперва дорога идет по дну зеленого Боржомского ущелья. Густые вековые леса одевают склоны гор — ландшафт остается обычным для Кавказа. Но с каждым километром редет лес, склоны ущелья делаются ниже.

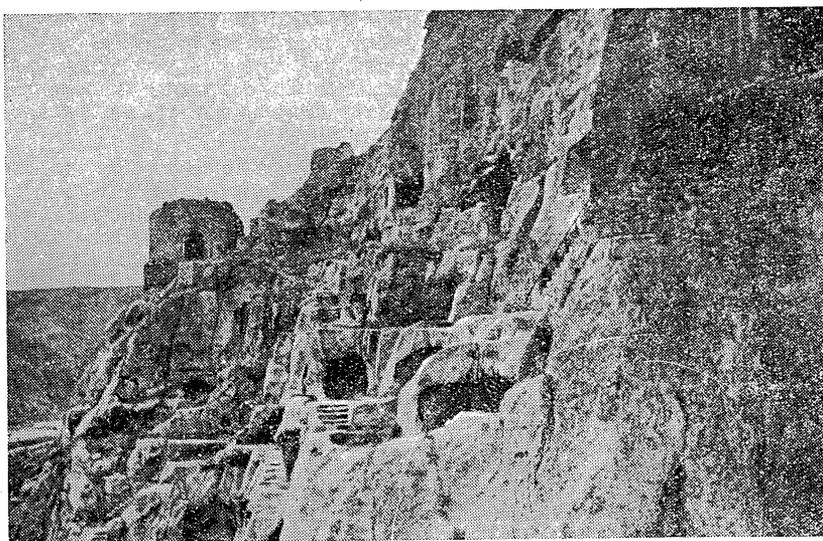
Еще несколько поворотов дороги, и перед глазами раскрывается необычная ширь горизонта. Впереди, насколько хватает глаз, во всем своем своеобразии лежит новый мир — пронизанный светом, насыщенный мягкими тенями и полутонами — ландшафт Армянского нагорья. Прозрачный, розоватый и буро-желтый колорит здесь доминирует, все краски как бы мерцают, легкие тени облаков пробегают по холмистым возвышенностям, непрерывно меняя их неуловимые и нежные оттенки. Как в зеркале, отражается в этом безграничном ландшафте каждая перемена на небе. Все вертикальные линии сменяются горизонтальными, все формы принимают мягкие, волнистые очертания. На поверхности плато

Река Кура по пути в Вардзию.

Замок Хертвиси в долине верхней Куры.

Пещеры города Вардзия. Восточная сторона.

отдельные возвышенности намечаются лишь округлыми, мягкими куполами. Взгляд свободно пробегает по открытому пространству, почти лишенному растительности. Но красота земных форм здесь вполне вознаграждает за недостаток зелени. Масштабы и ширь величественной вулканической страны вызывают в памяти образы Руставели, его строфы, полные пламени восточного солнца и той особенной лирики, которая только и могла зародиться среди этой необычайной природы.

На всем пути от самого Боржоми, справа и слева от дороги, встают руины замков, представлявших собой некогда звенья древней грузинской линии укреплений, охранявших ущелье Куры и запиравших доступ в Грузию с юга. Виднеются башни замков Петриас-Цихе и Гогнас-Цихе, воздвигнутые на скалах над берегом, мрачные руины Мокцели и громада Ацхури — прекрасно сохранившегося замка, окруженного несколькими рядами оборонительных стен. Замок Хертвиси сохранился еще лучше, — кажется, что его обитатели покинули его совсем недавно.

За Хертвиси ущелье Куры делается уже и дорога переходит на узкий карниз, отгороженный от пропасти маленькими белыми столбиками. На другом берегу реки вздымается грандиозный диабазовый утес, обрывающийся к Куре двухсотметровой стеной. Утес увенчан развалинами древних стен, башен, дворцов и соборов. Это легендарный город-крепость Тмогви, бывший в эпоху Руставели резиденцией Амирспасалара — главнокомандующего грузинской армией. Тмогви имел большое стратегическое значение. Еще в IX веке — в 896 году — разбилась об эту твердыню волна арабского нашествия. Войска эмира Абул-Касима безуспешно штурмовали Тмогви и вынуждены были отступить. В цитадели города-замка похоронен современник Руставели — известный писатель, философ и ученый Саргис Тмогвели. Руины и пещеры Тмогви еще ждут своего исследователя. Когда глядишь снизу на неприступную твердыню, невольно приходит в голову мысль: «Не этот ли фантастический город-крепость описал Шота Руставели в своих стихах о Каджети?»

*Город Каджи — город крупный,
для врага он недоступный.*

*Там внутри есть свод уступный, в
самом городе утес.*

*И пробраться этим сводом — путь
лишь выдолбленным ходом.*

*Там звезда, что дышит медом золотым
пьянящих грез.*

*В круге мощного оплота три про-
ходят поворота,*

*И у каждого ворота. Десять тысяч
стражей там —*

*По три тысячи у входа — охраняют
путь до свода...*

За утесом Тмогви над серебристой лентой реки встает стометровая стена ущелья, сложенная из двух мощных вулканических слоев. Верхний базальтовый слой в 20—25 метров нависает над слоем розовой туфобрекчии, толщиной в 40—50 метров и длиной около километра. В этом-то красноватом слое и вырыт пещерный город Вардзия — замечательное сооружение «золотого века» древней Грузии. Бесконечное множество больших и малых пещер, соединенных между собой террасами и лестницами, чернеет в крутой стене ущелья. Сводчатые арки центрального пещерного храма делят фасад расположенного по вертикали города на две части — западную и восточную.

Пещеры существовали здесь с незапамятных времен. Но только гигантский труд тысяч рабов и военнопленных создал внутри туфовой стены ущелья этот удивительный пещерный город. Вардзию начал строить в XII веке Георгий III и закончила царица Тамара. Форпост грузинских владений на юге, соединенная длинными подземными ходами с другими укрепленными поселениями и замками — Тмогви, Накалакеви и Ванис-Кваби, — Вардзия была одновременно городом-крепостью, вмещавшим гарнизон в 20 тысяч воинов, монастырем и летней резиденцией грузинских царей.

Для осады Вардзия была почти неприступна, так как крутые лестницы, ведущие к городу, местами проходили через тоннели и во время нападения блокировались. Только с помощью знающих лабиринты ходов жителей могли бы враги проникнуть в осажденный город. Об одном из военных эпизодов, когда по потайному ходу с помощью изменника в Вардзию вторгся неприятельский отряд, говорит узкая щель Сагалато-Хеви, Ущелья Измены, прорезавшего восточную часть вардзийского фасада.

Все же измена не помогла врагам овладеть городом — все они были истреблены в потайных лабиринтах и коридорах.

По преданию, общее количество пещер Вардзии якобы равнялось числу дней високосного года — 366. Каждому дню года соответствовала одна пещера. Теперь некоторые пещеры разрушены землетрясениями и почвенными водами, но и сохранившихся очень много.

Назначение пещер весьма разнообразно. Некоторые из них служили складами, и в их полу были выкопаны в землю громадные кувшины типа «квеври». В квеври хранилось вино, зерно, вода, готовая пища и деньги. Не так давно в Вардзии была открыта одна пещера — винохранилище. В герметически закупоренных кувшинах сохранились даже остатки вина, которое было отправлено на исследование. Около пещер-складов расположены пещеры-мастерские. В одной из них сохранилась высеченная в стене

давилня для винограда — «сацнахели». В восточной части города расположены жилые пещеры высшего «палатного» типа. Они отличаются от подсобных помещений широкими каменными ложами и выдолбленными в стенах шкафами. Одна из пещер служила тюрьмой — в толще ее стен вырезаны каменные кольца, к которым привязывали пленников.

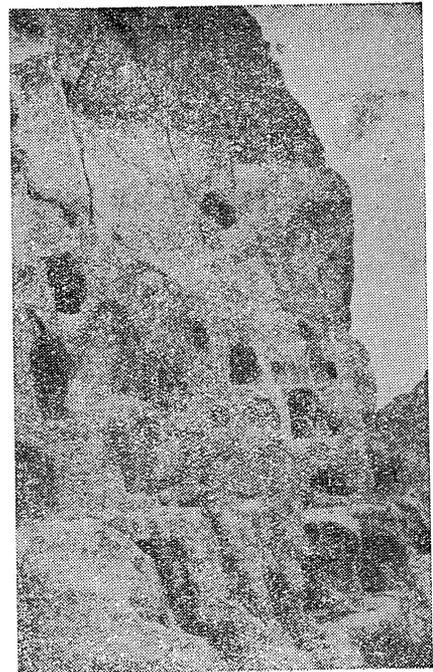
Все пещеры Вардзии выдолблены с большим техническим мастерством. Пещеры правильно выдержаны по форме, потолки их прямые или сводчатые, углы точно равняются 90 градусам. Детали их отделки — окна, двери и карнизы — сделаны с точным расчетом, при помощи отвесов. В стенах одной из пещер выбито множество углублений — полочек. По мнению исследователей Вардзии, эта пещера была аптекой города-крепости.

По летописным сведениям на склонах гор и по берегам Куры вокруг Вардзии существовали богатые виноградники и сады роз. Видимо, от этих садов происходит название города — «Вард-зеда», то есть «Город на розах». Для орошения насаждений и для снабжения водой населения Вардзии в скалах был высечен тоннель длиной около шести километров, с проложенными в нем глиняными водопроводными трубами, которые сохранились и до наших дней. Кроме водопровода, в Вардзии существует осадный подземный источник с резервуаром, наполненным кристальной ключевой водой. На плато над Вардзией находились пастбища для скота, и оттуда в город по специальным трубам подавалось молоко.

Центральным зданием в плане Вардзии является соборная церковь. Храм, представляющий собой однонефную базилику с полукруглой алтарной апсидой и коробовым сводом, в своей основе высечен в скале. Из отдельных каменных плит выложена только внешняя стена. По свидетельству летописцев, стены церкви были некогда покрыты драгоценными образами и разрисованы золотом и лазурью. Внутренняя ее дверь будто бы была сделана из чистого золота. Внизу, под церковью, находилась громадная пещера, служившая для хранения сокровищ Вардзии.

Живопись главного вардзийского храма хорошо сохранилась до наших дней.

На одной из его стен изображены Георгий III и царица Тамара с планом Вардзии в руках. Вокруг головы Тамары надпись: «Царь царей всего Востока — Тамара». Такая же надпись виднеется и над головой Георгия. Невдалеке на той же стене сохранилось еще одно изображение мужской фигуры, — по преданию, это портрет Шота Руставели. Поэт был родом из Месхетии и во времена Тамары занимал в Вардзии должность казначея. О своем происхождении он сам пишет в своей поэме: «Я... безвестный месх, чье имя — Руставели».

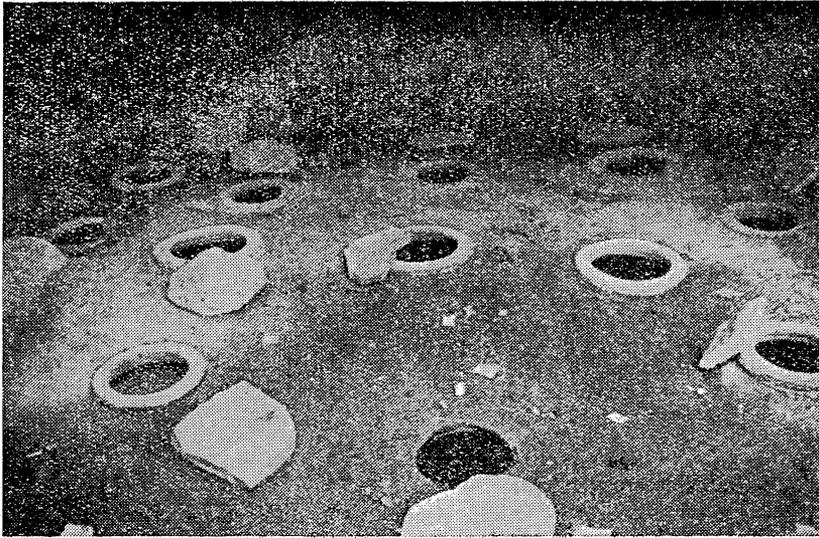

Пещеры города Вардзия. Западная сторона.

В дальнем углу церкви на высоте полутора метров над полом, начинается узкий изогнутый тоннель, длиной около 60 метров, идущий на самый верх Вардзии. По нему нужно пробираться ошупью, держась за специальные высеченные в стенах захваты. От этого тоннеля отходит короткий боковой ход, приводящий в каменный мешок — крошечную камеру с люком в полу. Через этот люк, скрытый в глубокой тени потолка и снизу неза-

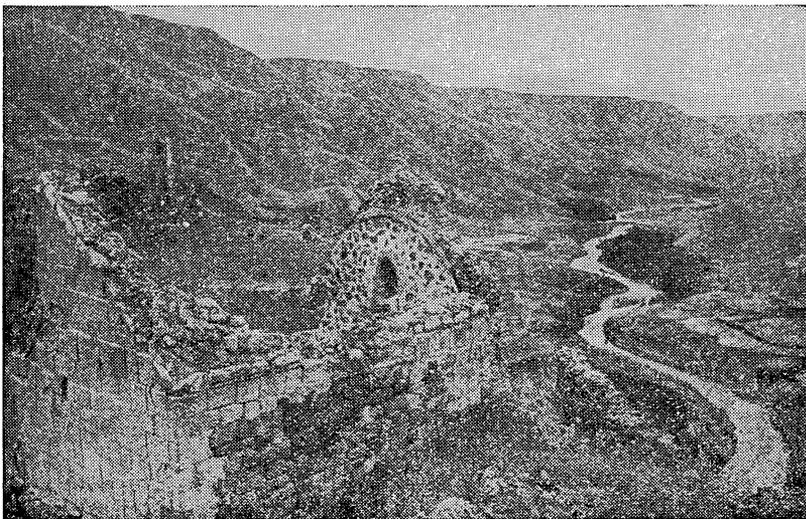
Террасы и переходы между пещерами в Вардзии.

Кувшины для хранения вина, найденные в одной из пещер. В некоторых кувшинах, закупоренных наглухо, были обнаружены остатки вина.

Остатки древних водопроводных труб в Вардзии. Для масштаба положена спичечная коробочка.

Развалины цитадели замка Тмокви — Шида-Пхве.

метный, можно видеть каждого, кто проникает в храм. По легенде, именно через этот люк были убиты воювавшие по Ущелью Измены враги.

Тела их были втащены затем по тоннелю в самую верхнюю пещеру и через ее окно сброшены к ногам неприятельских войск, тораженных ужасом перед неведомой смертью, постигшей их лазутчиков в тайниках пещерного города.

Невдалеке от главной церкви находится зал государственного совета — «Сататбиро дарбази». Вокруг стен этой пещеры высечены каменные скамьи. Прямо против входа расположена ниша, в которой стоял трон царицы Тамары. Около входной арки находятся каменные шкафы для хранения бумаг. К залу совета примыкает маленькая часовня. Здесь у высеченного из туфа алтаря исповедовались и приносили клятву на верность царю военачальники и вассалы. Тут же, в темном притворе часовни, царь слушал через потайное слуховое оконце исповедь и клятвы своих поданных.

Около «дарбази» находится жилище царицы Тамары: целая система комнат и открытых террас, выходящих на обрыв над Курой. Отделка стен, каменной мебели и ложа царицы здесь особенно тщательна. Окна и дверные арки украшены тонкой, искусной резьбой. Царица часто посещала пещерный город — он был ее любимой летней резиденцией.

Долго еще после царствования Тамары служила Вардзия оплотом обороны грузинских границ. Но с течением времени землетрясения нарушили стройную систему оборонительных сооружений, и город потерял свою неприступность. В XIV веке грозный Тимур взял Вардзию штурмом. По преданию, он приказал соорудить деревянные помосты и спустить их на веревках с края верхних базальтовых скал до уровня пещер. С помостов воины Тимура прыгали в пещеры и разбрасывали огонь среди жителей города, обьятых паникой. В 1551 году войска персидского шаха Тамаза снова разграбили Вардзию и перебили все ее мужское население. Персы ограбили вардзийские церкви — захватили иконы, украшенные золотом и усыпанные драгоценными камнями, и разбили в куски колокол желтой меди, весивший около 20 пудов. Это было последнее и окончательное опустошение Вардзии, после которого город был заброшен. И все-таки прошедшие века и неистовство набегов не смогли полностью уничтожить этот единственный в своем роде город.

В наше время в Вардзии ведутся раскопки, уже давшие богатейший материал по истории Грузии XII века, пещеры охраняются от разрушения, создается музей. Его окна, со вставленными в рамы стеклами, четко выделяются среди зияющих пустотой отверстий пещер на фасаде гигантского города-крепости.

Зрассказы За Радкем

1. ИСЧЕЗНУВШАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ

В 1890 году в Швейцарии, у подножия высочайшей вершины Альп — горы Монблан, раскинулся лагерь необыкновенной экспедиции. Во главе экспедиции стоял седовласый человек, сильно прихрамывавший на левую ногу. Это был, вероятно, первый случай, когда пожилой и больной человек захотел подняться на вершину горы, к вечным снегам, к истоку ледяных рек. Но не жажда приключений, не желание полюбоваться видом снежных гор и ледников влекли его в облачные высоты. Престарелый альпинист был французским астрономом Жанссеном. Он желал подняться наверх для того, чтобы проверить одно свое предположение.

Уже много лет ученые-астрономы занимались тем, что с помощью особых приборов — спектроскопов — исследовали свет солнца и звезд. Но прежде чем световой луч попадал в спектроскоп, он проходил сквозь толстый слой воздуха. Водяные пары и пыль, содержащиеся в воздухе, мешали наблюдениям ученых.

«Чтобы изучить чистый солнечный луч, надо подняться на гору. К вершинам гор солнечные лучи доходят сквозь разреженный воздух высот. В горах мы видим солнце почти без помех, и поэтому в горах легче, чем внизу, изучать состав солнца», — так рассудил Жанссен и, чтобы всем доказать свою правоту, отправился в опасное путешествие.

Его экспедиция оказалась очень удачной. Установив высоко на склоне Монблана свои приборы, Жанссен полу-

чил солнечный спектр, в котором почти не было земных линий. Но за один раз нельзя было произвести всех необходимых наблюдений. Подъем же к вершине горы был труден, особенно когда приходилось нести с собой сложные и очень хрупкие приборы.

Тогда Жанссен подумал, что хорошо было бы построить на вершине Монблана обсерваторию, установить здесь раз навсегда приборы и каждое лето проводить в ней наблюдения.

Но собственных денег на постройку обсерватории у Жанссена не было, а французское правительство денег ему не дало. Прошло целых три года, пока астроном не достал, наконец, у одного своего друга средства для постройки обсерватории.

Закипела работа. В толщу льда, твердого, как камень, были забиты столбы фундамента. Легкие стены и крыша плохо защищали от холода, но ни ветер, ни снег уже не мешали вести наблюдения.

Осенью ученый прервал свои исследования. А на следующий год, когда его помощники поднялись к вершинам Монблана, они не нашли там обсерватории... Попрямому высились отвесные скалы, сверкали вечные снега. Торжественная тишина царила кругом. И только под ударами заступов, которыми вырубались ступени лестницы, ведущей на вершину горы, звенел голубой лед.

Нигде не было видно обломков здания. Нигде не были обнаружены следы снежной лавины, которая могла бы похоронить обсерваторию. Но обсерватории не было. Лишь через месяц после отъезда ученых молодые альпинисты, решившие подняться на Монблан, натолкнулись далеко от его вершины,

на северном склоне горы, на покосившейся, полуразрушенное здание обсерватории...

Можно было подумать, что могучий Монблан стяхнул с своих плеч хрупкое сооружение, не пожелав, чтобы дерзкий человек вел свои наблюдения в царстве вечных льдов и снегов.

Только через несколько лет удалось американским ученым построить высокогорную обсерваторию для наблюдения за солнцем и звездами. Но почему же не удержалась на вершине Монблана обсерватория Жанссена? Какие силы сбросили ее вниз?

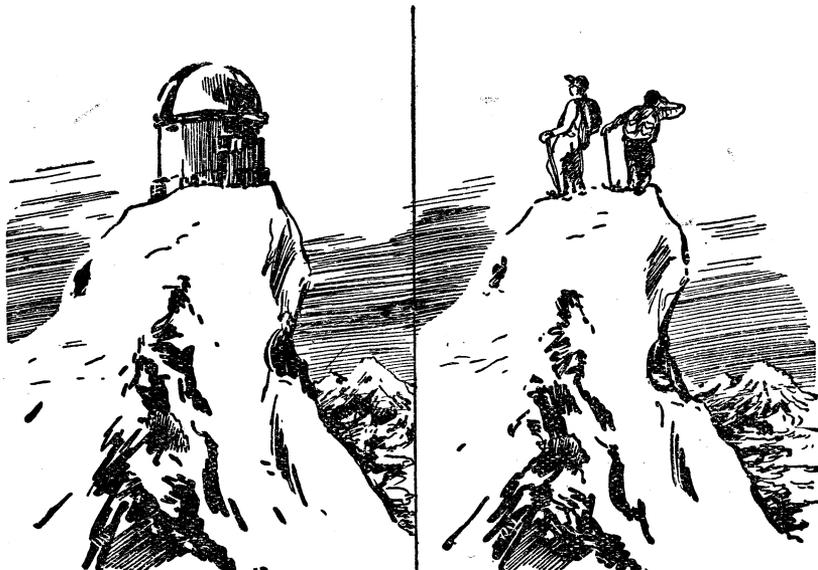
2. ТАЙНА ПОДВОДНОГО ГРУЗА

В 1807 году недалеко от Копенгагена гатонул большой катер, возвращавшийся в порт порожняком. Семьдесят семь лет спустя погибший катер был обнаружен водолазами. Каково же было их изумление, когда они увидели, что катер доверху нагружен большими камнями.

На дне, кроме катера, лежали остовы и других потонувших судов. Водолазы подошли к ним и убедились, что и эти суда несли огромный каменный груз. В древние времена люди, вероятно, подумали бы, что это «водяные» нашивырили на суда тяжелые камни, желая навсегда удерживать на дне добычу моря. Но в 1884 году в «водяных» уже никто не верил.

В полном недоумении поднялись на поверхность водолазы. До самого горизонта море было покрыто пароходами, баржами, парусными рыбачьими лодками. В лучах весеннего солнца сверкали отдельные льдины, приплывшие неведомо откуда, чтобы растаять здесь и смешаться с прозрачной морской водой. На минуту водолазам показалось, что все увиденное ими на дне — не более чем чудесный сон. Но проверка подтвердила их открытие: затонувшие суда были действительно завалены камнями. Откуда же ввалились эти камни?

НА ОСТРОВЕ РАУТАН

Остров Раутан расположен в Чаунской губе. Своими песчаными отмелями он создает мелководье и низкой юго-восточной своей оконечностью защищает полярный порт Певек от волн и льда Восточно-Сибирского моря.

На расстоянии полумили от берега наш катер сел на грунт. Дальше идти нельзя. Но на борту у нас имеется надувной клипербот. Он берет двух человек. Двоим из нас представляется возможность съехать на берег и познакомиться с жизнью чукчей, три яранги которых виднеются на гребне песчаной косы.

Здесь живут три семьи чукчей, которые по своему образу жизни могут быть отнесены в одинаковой степени и к береговым жителям, занимающимся охотой на морского зверя, и к кочующим, или чаучам, обычно оленеводам.

Вот и сейчас, подчаливая к берегу, мы видим, как старик-чукча гонит с вершины острова стадо оленей голоз в двести пятьдесят, оглашая тишину бухты гортанными окриками. Второй чукча, молодой, живописный в своем национальном наряде, возится у берега с кожаной байдарой, собираясь на охоту за нерпой.

Охотник одет в летнюю короткую кухлянку, на нем брюки и

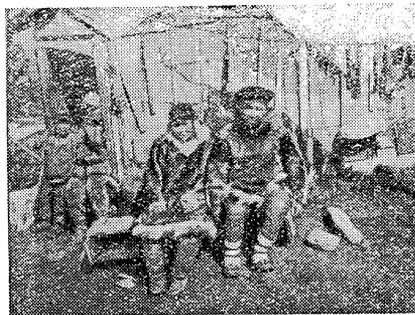
На клиперботе мы плывем к острову.

торбазы из нерпы, летний, без олушки, малахай.

Чтобы убить нерпу, нужно иметь не только хорошее ружье и верный глаз. Убитая нерпа быстро тонет. Необходимо иметь много снарядов и умения, чтобы ее достать. Для этого служит костяная, на тонком длинном ремне, «закидушка».

Обменявшись с нами несложными фразами на смеси русского и чукотского языков, охотник, столкнув байдару в воду и ложко работая одним веслом, быстро отплывает от берега.

Мы идем к ярангам. Чукотская яранга — род хижины. Ее архитектура несложна, но в то же

Чукчи у своей яранги.

время рациональна и удобна для жизни в Арктике. Из обломков камней и пластов дерна сложен по окружности невысокий барьер-фундамент, на который опираются китовые ребра, своими дугами составляющие купол крыши. На ребра, как на каркас, натянуты моржовые шкуры.

Между ярангами и берегом моря сгрудилось стадо оленей. Чукчи готовятся к осенней выбраковке и убою скота. Красивые, стройные хвосты, точно в предчувствии беды, жмутся друг к другу. Воздух оглашается тревожным, низким ревом. Все население яранг, от ребятишек до сгорбленных стариков, высыпало на улицу и не дает стаду разбежаться. Двое чукчей, с собранными в кольца арканами, мягкой охотничьей поступью медленно обходят стадо, выбирая жертву.

Вот она намечена. Охотники с разных сторон подбираются к ней. Слышится свист брошенных арканов. Стадо, стремительно метнувшись, оставляет на земле одного,

бешено бьющегося оленя. Охотники ждут, когда животное несколько успокоится и постепенно, подбирая конец ремня, подходит к нему. В руке молодого чукчи сверкает лезвие ножа.

С тазом в руках подбегает чукчанка. Свежевать и разделять тушу — женская забота. А охотники уже снова ходят вокруг сбитого в кучу стада, выбирая следующую жертву.

Вечерет. Над бухтой появляются полосы тумана от стекающего с гор охлажденного воздуха. Рзче выделяются острые вершины кекуров (столбообразных скал), звонче и громче крики чаек. Нам пора домой — на ледокол.

Прощаемся с хозяевами Раутана и спешим на катер, откуда уже слышатся призывные гудки.

Вас. Канани

Восточно-Сибирское море,
борт ледокола «Северный полюс»

В ТРОПИКАХ

Индийский океан. Наше судно — грузовой пароход дальнего плавания «Баку» — пересекает экватор. Тропики, солнце палит.

Длиннобородый, грозный «Нептун», «бог морей», стоит на палубе с трезубцем в руках. Между «Нептун» и капитаном нашего судна происходит диалог:

— Кто вы такие? Как корабль ваш называется? Откуда, куда и зачем направляется? — спрашивает «Нептун».

— Мы люди советские. Корабль наш «Баку» называется. В море уже тринадцать лет качается. Из Атлантики к себе домой, в Одессу, направляется, — отвечает капитан.

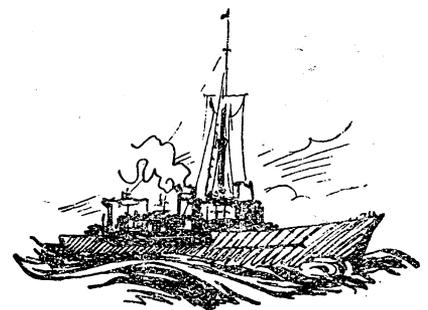
Исполняющий роль царя морей, седого «Нептуна», боцман парохода вручает капитану грамоту:

«Мы, Нептун, бог морей и океана, настоящей грамотой свидетельствуем о пересечении экватора...» говорится в этой грамоте.

По традиционному морскому обычаю, переход экватора отмечается празднично. Молодых моряков, впервые пересекающих экватор, купают в бассейне, устроенном на раскаленной знойными лучами тропического солнца палубе.

В этот день моряки «Баку» отмечали не только переход экватора, — они праздновали успешное завершение подготовки большой группы молодых моряков.

Молодые моряки возвращались из рейса Одесса — Южная Америка — Каляри (Италия) — Монтевидео (Южная Америка) — Буэнос-Айрес в Одессу. Две-

надцать учеников, мореходной школы, взятых на борт парохода для практики, сдали задание на «отлично» и «хорошо». Все они — сироты, их родители погибли в годы Великой отечественной войны. Тепло встретили их в Черноморском пароходстве.

Клавьяма

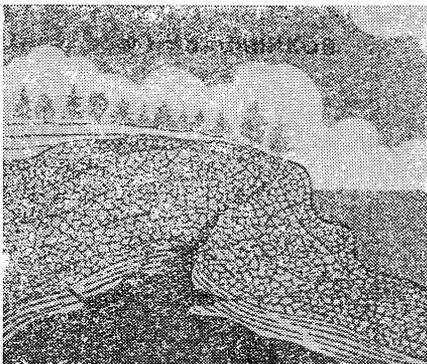
И. Т.

В Мире Книг

„Клады земли“¹

В предисловии к книге Ф. Бублейникова «Клады земли» известный советский ученый акад. Д. С. Белякин пишет: «В небольшой своей книжке автор взял на себя весьма трудную и сложную задачу — познакомить нашу молодежь с выводами ряда дисциплин, объединяемых этой важной и увлекательной отраслью знания (то есть геохимией. — *Ред.*). Аналогии и сравнения, применяемые автором, помогают даже и неподготовленному читателю представить себе суть химических процессов, совершающихся в земной коре и являющихся причиной образования залежей руд».

Молодая наука геохимия, разработанная в основном трудами советских ученых — акад. В. И. Вернадским и акад. А. Е. Ферсманом, — имеет огромное значение в изуче-

нии ископаемых богатств нашей страны. Тесно соприкасаясь с проблемами строения материи, геохимия глубоко проникает в самые сложные загадки природы и помогает выработать стройное и ясно-материалистическое мировоззрение.

Книга Ф. Бублейникова — один из первых опытов популяризации этой большой и трудной отрасли знания. Автор вводит нас в своеобраз-

ную «страну камней», населенную немногими минеральными «нациями» — породами земной коры. Гудные залежи — «чужеземцы» в этой стране, их очень мало по сравнению со всей массой горных пород, и если мы все же находим их, то только потому, что они не рассеяны в земной коре, а хранятся в ней готовыми запасами — «кладами».

Ключ к этимкладам — в знании законов, по которым минералы распределяются в земной коре. В недрах земли, в этой гигантской лаборатории, миллионами лет совершались превращения веществ, природу которых мы познаем, изучая строение атома и процессы, протекающие на солнце и на отдаленных звездах. Геохимия учит человека видеть единство материи, единство мира.

От учения о строении вещества автор переходит к рассказу о «великом переселении» веществ, о непрестанных миграциях элементов, которые привели в конце концов к образованию залежей железных ископаемых. Мы узнаем, как распределены элементы, как образовались оболочки, окружающие твердое ядро нашей планеты, как, внедряясь в земную кору, расплавленная магма дала начало жилам изверженных горных пород. В нескольких главах книги рассказано о «космической» роли человека, все более активно участвующего в превращении элементов земной коры, и о сложных приборах и приспособлениях, созданных человеком, чтобы удобнее и вернее отыскивать рудные клады.

Важным достоинством книги является то, что в ней достаточно полно рассказано о работе ряда выдающихся русских ученых, своими трудами заложивших основы современной геохимии: Ломоносова, Кокшарова, Менделеева, Вернадского, Ферсмана, Губкина, Карпинского.

И. В.

„Над арабскими рукописями“

... Два служителя университетской библиотеки, «оптимист» Иван и «скептик» Петр, вели между собой беседу:

«— Вот Крачковский и по вечерам стал ходить: сегодня опять сидит, — говорил Иван.

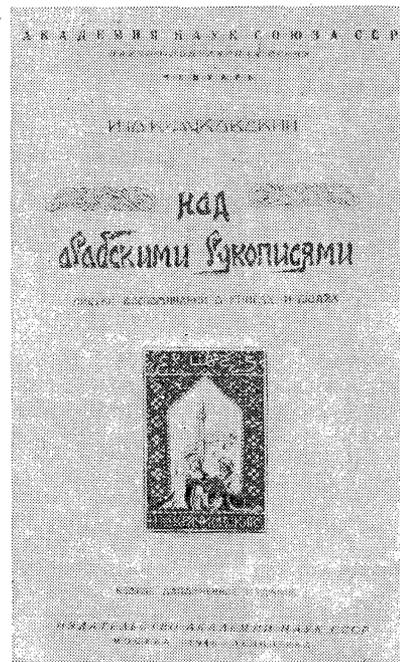
— Видел, — отвечал Петр. — Дня ему мало!..

— Походит, походит, — продолжает Иван, — а там, смотришь, и диссертацию напишет, защитит, магистром будет. Восточники — это что классики, настоящий народ, а не то что юристы. Юрист раз в месяц придет в библиотеку — и уже книгу написал. Что это за работа? А вот филолог или восточник года два каждый день сидит, — это дело настоящее».

Забавный разговор этот взят нами из книги академика

И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» (Листки воспоминаний о книгах и людях), не так давно вышедшей вторым изданием в издательстве Академии наук СССР.

Действительно, в старину представляли себе «восточника», то есть ученого-ориенталиста, годами сидя-

щим над листами старинных рукописей, бесконечно далеким от суевы и треволений быстротекущей жизни, живущим в призрачном мире давно ушедших веков. Но вот раскрываешь книгу академика И. Ю. Крачковского, начинаешь читать ее, — и что же? Эта книга незлобно захватывает читателя совершенно независимо от того, интересуется он или нет восточной филологией. Эта замечательная книга увлекает широким и вольным дыханием жизни, неустанно идущей вперед путями самоотверженного труда и исканий.

В предисловии к книге академик И. Ю. Крачковский так определил свои намерения: «Мне хотелось рассказать о радостях и огорчениях кабинетной работы, про которые многие и не подозревают, считая ее скучной, сухой, оторванной от жизни...»

Почтенный автор слишком скромно определил задачи своей волнующей книги. Он сделал гораздо больше: он показал признательно-му читателю образ подлинного ученого, который в своем служении науке не останавливается перед преодолением любых трудностей.

В 1908 году И. Ю. Крачковский отправляется в длительное странствование по Востоку. Одесса, Константинополь, Смирна, наконец Бейрут. Для того чтобы лучше освоиться с разговорным арабским языком, И. Ю. Крачковский поселяется в глухом маленьком мес-

¹ Ф. Бублейников, Клады земли. М., «Молодая гвардия», 1946 г., 166 стр., ц. 2 р. 50 к.

течке на Ливане, где он не мог слышать никакой другой речи, кроме арабской. Две зимы он проводит в Бейруте, работая над рукописями в университете св. Иосифа. Затем перебирается в Каир, где его привлекают сокровища Хедивской библиотеки. Но он не ограничивается крупными хранилищами рукописей. Пешком скитаясь по Ливану, он находит в крохотной деревушке у скромного школьного учителя полный набор арабских словарей, старую и новую грамматическую арабскую литературу. Вот он в Александрии — в этом «городе биржи и хлопка». На пароходе, плывущем ночью мимо Яффы, он не может уснуть. Он верен себе: расхаживая по палубе, он думает не о красотах ночи, не об аромате знаменитых апельсиновых садов, который за несколько километров по морю теплый ветер доносит до парохода, а о поэте Селями-ибн-Джандаль... В Дамаске он добивается возможности познакомиться с драгоценными рукописями, хранящимися в библиотеке антиохийского патриарха Григория аль-Хадиддада. Но лукавый священнослужитель не хочет открыть русскому ориенталисту сокровищ своей библиотеки. И. Ю. Крачковский уезжает из Дамаска, сказав

всердцах приближенным патриарха: «Передайте владыке, что он напрасно прячет свои рукописи, — они все равно попадут в мои руки». Эти слова оказались пророческими. В 1913 году патриарх преподнес свои рукописи в дар русскому царю, а в морозный зимний день 1919 года И. Ю. Крачковский самолично, с одним учеником и помощником, на саночках, по опустевшим улицам безлюдного Петрограда, перевез все эти рукописи, бережно закутав их в тулупы, из Зимнего дворца в помещение Азиатского музея.

Книга И. Ю. Крачковского рассказывает много замечательных историй о людях науки, об отдельных рукописях, о библиотеках. Написанная в суровые годы войны, она увидела свет в радостные дни победы. В эти дни, как справедливо пишет автор, «тяга к мирному труду, к прерванной работе над величественным зданием нашей культуры почувствовалась особенно сильно, и книжку дружелюбно приветствовал даже тот, кто был в жизни далек от арабских рукописей, кто никогда раньше не думал о восточной филологии...»

От души приветствуем эту книгу и мы!

Б. Е.

ЗАГАДОЧНАЯ ГОРА

На полпути между Уфой и Челябинском, среди чернолесья и седых кремневых кражей Южного Урала, ватерлясь Янган-тау — «Горящая гора». Из глубоких расщелин в ее каменном теле беспрерывно выходят горячие газы и пары. Сюда, к горячим источникам Янган-тау, в течение многих десятков лет

приходят больные люди — источники приобрели славу целебных.

Однако только при советской власти ими начали пользоваться по-настоящему. В 1937 году здесь был создан курорт. С тех пор здесь побывало около ста тысяч больных.

Летом прошлого года мне довелось побывать на этом необычайном курорте.

Чтобы попасть на Янган-тау, мы на пароме переплыли реку Юревань у села Чулпан и вошли в красивую березовую рощу. Лесная дорога петляла и поднималась все выше. Воздух становился чище. Наконец среди белых стволов показались срубы шести белых домиков.

Директор санатория повел нас осматривать курорт. Ванны устроены прямо в глубоких расщелинах. Курортники принимают ванны под наблюдением врача.

Анализ воды источников Янган-тау установил, что они обладают рядом важных целебных свойств.

Состав выходящих наружу источников «Горящей горы» изучен, но происхождения их остается до сих пор загадкой, хотя гора эта была открыта еще в 1770 году знаменитым академиком Палла-сом.

Сейчас начата исследовательская работа, целью которой является точное выяснение происхождения горячих источников Янган-тау.

Александр Сафонов

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Лев Никулин</u>	
Старая и новая Москва.	
Рис. В. Федяевской	2
<u>Мих. Ильин</u>	
На берегах Риони и Куры.	
Фото О. Кноринга, Я. Халипа.	12
<u>П. Ротоманов, В. Тихонов</u>	
К белым пятнам Памира	17
<u>Николай Чуковский</u>	
В последние дни. Рис.	
Б. Винокурова	23
<u>Акад. В. П. Волгин</u>	
По городам и дорогам	
Индии	28
<u>В. Сафонов</u>	
По гуцульской земле.	
Фото Д. Бальтерманц	36
<u>Акад. В. А. Обручев</u>	
Видение в Гоби. Рис.	
Н. Витинга	42
<u>Рустам Агшиев</u>	
Оуэнга. Повесть (окончание).	
Рис. Б. Езикеева	47
<u>С. Владимиров</u>	
Ученик природы	55
<u>Проф. Н. Н. Зубов</u>	
Существуют ли антиподы?	56
<u>Ю. Промтов</u>	
Пещерный город Вардзия	57
Рассказы-загадки	61
Нам пишут читатели	62
В мире книг	63

На обложке в рамке рис. художника Б. Езикеева к повести Р. Агшиева «Оуэнга».

На цветных вкладках:

1. Акварель художника Д. Бродской «Метехский замок».

2. Фото В. Зенковича. «Крепостная башня в Якутске. (XVII в.)».

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции:
Москва, Новая пл., д. 6.
Тел. К 5-24-71.

★

Неприятные рукописи
не возвращаются

Редакционная коллегия: И. В. Иноземцев (редактор), Д. Л. Арманд, И. А. Ефремов, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Н. А. Солнцев

Техн. редактор А. Губер

Подписано к печати 4/VI 1947 г. А06033. Бумага 60×92 см 1/4. 8 печатных листов по 63 тыс. знаков, Тираж 50.000 экз. Цена 6 руб. Заг. 98
Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

В 1772 году путешественник И. П. Фальк встретился в Тобольске с Иваном и Козьмой Черепановыми, местными ямщиками. Козьма Черепанов был зодчим, знал механику и математику, увлекался историей и занимался художественной резьбой.

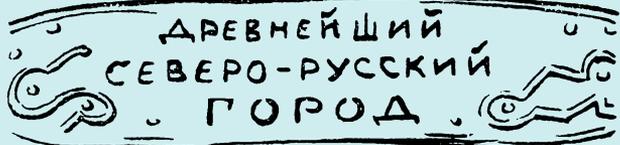
Иван Черепанов «сочинил сибирскую летопись и, занимаясь ею, не покидал своего ремесла», писал Фальк. Черепановская летопись, оконченная в 1760 году, свидетельствует об огромной начитанности и широте знаний ямщика из Тобольска. Он, например, пытался решить вопрос, существует ли пролив между Азией и Аме-

рикой, знал ученые труды о путешествиях русских людей по Ледовитому океану и Восточному морю. Он писал о камчатских подвигах Вл. Атласова, о плаваниях И. Козыревского к берегам Японии, о русских посольствах в Китай.

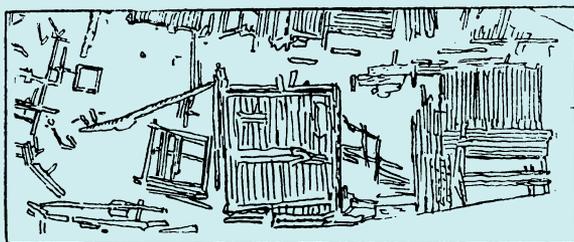
Ученый-ямщик изучал произведения классических писателей древности, следил за книгами и даже журналами XVIII века и, работая в архивах, извлекал из них бесценные сведения по истории и географии Сибири.

В последнее время проф. А. И. Андреев разыскал новые данные о Черепанове и установил год его смерти (1795).

Ладога была упомянута впервые в исландских сагах под 997 годом. Советские ученые установили, что Ладога еще в IX веке была значительным славянским (северорусским) поселением на скрещении водных путей из Балтики в Византию и арабские страны. При раскопках древней Ладоги найдено до 20 тысяч предметов древнерусской культуры. Ладожане имели житницы, в которых хранили запасы зерна, преимущественно просо. Ладожские славяне занимались торговлей, земледелием строили морские

корабли. Окружающие Ладогу могильники, исследованные археологами до самого Волховстроя, принадлежат также древнейшему северорусскому племени. Известно, что Гаральд Норвежский, искавший убежища у Ярослава Мудрого в Киеве, женатый на Ярославне, возвращался на родину через русскую Ладогу, завершив свои скитания по Средиземноморью. В то время Ладога была портом, откуда уходили в далекие плавания морские корабли, которые там же и снаряжались нашими предками.

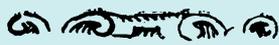

ДЕКАБРИСТ-ГЕОГРАФ

В 1822 году в русской печати появились первые статьи штабс-капитана Александра Корниловича. Будущий декабрист начал свою деятельность как историк путешествий. Он работал над обширным «Опытом путешествий по России». Корнилович писал о посылках европейских государств к царю Алексею Михайловичу, о первых опытах по постройке морских кораблей в Москве. 125 лет назад Корнилович собрал обширные

сведения о странах Азии, особенно о Персии и ее отношениях с Россией. Он готовился совершить ученое путешествие по Средней Азии. Даже находясь в Петропавловской крепости, Корнилович не оставлял ученых занятий. Он составил записки об освоении восточного побережья Сибири, о значении Охотского порта и т. д.

РУССКИЙ
УЧЕНЫЙ
В ВОСТОЧНОЙ
ПРУССИИ

По поручению Русского географического общества исследователь Ю. Кузнецов семьдесят пять лет назад совершил поездку в Литву и Восточную Пруссию.

В книгохранилищах и архивах Кенигсберга он нашел новые материалы по истории литовского народа, и Кузнецов подробно, внимательно обследовал русскую торговлю на Немане, изучал богатейшие месторождения янтаря в Восточной Пруссии.

Кузнецов открыл и пласты «синей» земли близ Гродно, доказав связь их с янтарными залежами прусских недр. Ю. Кузнецов посетил места обитания русских крестьян в глухих лесах Восточной Пруссии — урочище Ухта, деревни Войново, Ануфриево и другие местности близ озера Шпирдинг. В 1872 году в ряде докладов Русскому географическому обществу Кузнецов подробно описал русские деревни в области Маурекских озер, которые он обследовал, изучая местную природу и быт населения.

Составил
Сергей Марков

В.И. ВЕРНАДСКИЙ

Участник международных научных съездов и конгрессов академик В. И. Вернадский побывал во многих странах. Но большую часть наблюдений, приведших его к оригинальным и плодотворным творениям в области геологии и геохимии, он сделал, путешествуя по нашей необъятной родине.

В своих трудах академик Вернадский связал всеедино процессы, протекающие в живой и неживой природе. Он доказал, что круговорот материи, происходящий с участием организмов, не менее грандиозен по своим масштабам, чем геологические процессы, вызванные работой рек и ветра. Вернадский показал, что разумная деятельность людей, использующих природные богатства, также начинает играть все большую роль в геологии. Многочисленные ученики Вернадского продолжают разрабатывать его идеи. О работах замечательного ученого рассказывает в этом номере журнала в очерке С. Владимирова «Ученик природы».

Рисунки на этой странице обложки выполнены художником О. Е. Витнягом.